

НОВАЯ ПОЛЬША 7–8/2011

Содержание

1. РУСОФОБИЯ — НЕ ДЛЯ НАС
2. СМЕРТЬ ПОСЛЕДНЕЙ ИДЕАЛИСТКИ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ЗАПУСК ДИАЛОГА
5. ЭКСПЕДИЦИЯ В ДВАДЦАТИЛЕТИЕ
6. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
7. ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ В
«МЕМОРИАЛЕ»
8. ПОЛЯКИ В МОСКВЕ: УРОК СОЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА
9. БЕЗ ЗДОРОВОГО СНОБИЗМА НЕТ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ
КУЛЬТУРОЙ
10. О МАЛГОЖАТЕ БАРАНОВСКОЙ
11. НЕЛЬЗЯ ОТЧАИВАТЬСЯ
12. Из книги «ВОЗВРАЩЕНИЕ» (2002)
13. О ЧУВСТВАХ
14. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
15. МЕГАЛОМАНИЯ ШЛЯХТЫ ДОСТИГАЛА ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТ
16. МЕГАЛОМАНИЯ ШЛЯХТЫ ДОСТИГАЛА ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТ

РУСОФОБИЯ — НЕ ДЛЯ НАС

— *Каковы сегодня политические цели наших соседей: Москвы, Киева, Минска? И как с ними соотносится польская восточная политика?*

— У российской, белорусской, украинской политики, разумеется, нет теперь общего знаменателя. Начнем с России. Она выходит из периода дезинтеграции, вызванной распадом Советского Союза. К распаду СССР по-разному относится общественность на Западе и Востоке. В Польше его рассматривают как закрепление дороги к свободе. Зато для многих русских он стал, как выразился Владимир Путин, «величайшей геополитической катастрофой XX века». Политические верхи России и уж, несомненно, Путин и Дмитрий Медведев, пытаются интегрировать государство настолько, чтобы оно снова играло важную роль в мире. В России знают, что вернуться на позицию сверхдержавы невозможно, но верят, что могут получить статус важного игрока в глобальной политике. Страна обладает ядерным оружием, запасами нефти и газа, а также самой обширной среди всех государств территорией. Кроме того, во многих вопросах — хотя бы Ближнего Востока, Ирана или Афганистана — голос России по-прежнему значит немало.

Желая восстановить позицию глобального игрока, Россия ищет соглашения с тремя ключевыми актерами на мировой сцене: США, КНР и Евросоюзом. Чтобы выйти из тупика, российские политики предпринимают и такие действия, которые для них довольно оригинальны, например пытаются придать больше тепла отношениям с государствами Центральной Европы, в том числе с Польшей.

Во многих политических кругах России, а также в некоторых государственных учреждениях сильна тоска по роли «не просто игрока» в глобальной политике — сентиментальная ностальгия по статусу империи. Хотя это можно объяснять еще и тем, что ментальность меняется медленнее и труднее, чем политические программы.

Однако если в России всерьез думают о восстановлении ранга своей страны, то им следует уяснить, что аргументы, которыми они сегодня располагают, будут играть всё меньшую роль. Поэтому пропуском в будущее может стать только модернизация, а она не пойдет без сотрудничества с Западом. В

длительной же перспективе условием и вместе с тем результатом модернизации должна стать вестернизация России, иначе говоря, более близкие связи как с Евросоюзом, так и с Америкой. Хотя, естественно, это не обязательно должно сразу выразиться в членстве в НАТО...

— *Пора перейти к Украине...*

— Украинская политика стабильнее, чем могло бы показаться, судя по бурной истории 20 лет независимой Украины. Началось с неожиданного прорыва украинцев к независимости — и это совершилось, что важно, путем всенародного референдума, в котором около 90% граждан проголосовали за независимость. Затем последовал период Леонида Кучмы и политики баланса между Востоком и Западом. Далее дело дошло до «оранжевой революции» и прозападных настроений в декларациях правительств Виктора Ющенко. В конце концов к власти вернулся Виктор Янукович — политик, казалось бы, потерпевший полное поражение.

Однако принципиальной целью — и основой — украинской политики на протяжении всего этого времени было укрепление независимости и самостоятельности государства. На Украине независимость не могут поставить под сомнение даже те жесткие русские, которым хотелось бы это сделать. Второй элемент украинской стратегии состоит в поисках равновесия между Западом и Россией. Это, впрочем, понятно: трудно вести себя иначе, имея такую историю и такие культурно-хозяйственные связи. Украинцы хотели бы войти в Евросоюз, не теряя отношений с Россией, либо иметь как можно лучшие отношения с Россией, одновременно пребывая по возможности предельно близко к Евросоюзу, — на чем делается ударение, зависит от того, кто сейчас стоит у власти, но в общем и целом принцип заключается в уравнивании влияний. Однако в ближайшее время Украина станет осуществлять сценарий, ассоциирующийся с ленинским путем «шаг вперед, два шага назад». В итоге она будет сближаться с Евросоюзом, но останется пассивной по отношению к НАТО. И продолжит строить близкие отношения с Россией.

— *Наконец, Белоруссия — тема, пожалуй, совершенно особая?*

— Да, так как мы оцениваем ее через призму диктатуры. Вопрос скорее в том, какой план у Александра Лукашенко. А план ясен: его интересует только одно — удержаться у власти.

Партнерам Белоруссии приходится нелегко: каким образом сотрудничать с ней, не изолировать страну и не обижать

общество, но в то же время не легитимизировать власть Лукашенко. Трудности с Белоруссией есть и у России. Неправда, будто для Москвы Лукашенко — удобный партнер. Он не может быть удобным, потому что непредсказуем. А Европе сотрудничество с Лукашенко дается еще труднее, так как у нас свои принципы, которых придерживаются все демократически избираемые западные правительства.

— Вы подчеркиваете, что Россия, Украина и Белоруссия — это три разных страны и три разных вызова. Тем временем публицисты и даже дипломаты часто, говоря о польской восточной политике, валят в один мешок политику в отношении Москвы, Киева и Минска, а то и Закавказья. Какими могут быть последствия этого?

— Фактически так оно и есть. Взять хоть бы Ярослава Браткевича, на тот момент директора Восточного департамента МИДа, который недавно обещал в «Газете выборчей» поворот в польской внешней политике. Он предлагал, между прочим, обращать меньше внимания на Украину, а больше — на Россию. С этим еще можно спорить. Зато полностью несправедливо всё, что он написал об украинских слабостях, потому что если оценивать состояние демократии и гражданского общества, а также уровень политического плюрализма и свободы СМИ, то Украина намного опережает Белоруссию и Россию. И это главным образом заслуга «оранжевой революции»: хотя ей и были присущи различные слабости, она в любом случае заложила основы гражданского общества.

Разумеется, если мы будем оперировать более общими понятиями и говорить, что польская восточная политика заключается в укреплении независимости, построении демократических обществ, создании сети связей этих стран с Евросоюзом, тогда мы можем всех рассматривать сходным образом. Такой должна быть принципиальная идея нашей политики на этом пространстве.

Однако такой ответ мало что означает, так как в этих странах положение по многим параметрам различается. Совершенно особо выглядит Молдавия — страна, которая полна внешних и внутренних трудностей и которую тоже не удастся свалить в один мешок «восточной политики». Сложности со статусом Приднестровья, драматическое экономическое положение, а тут еще Румыния публично провозглашает надежду, что в один прекрасный день станет единым государством с Молдавией.

Подобным образом обстоят, впрочем, дела и с Кавказом: Грузия, Армения и Азербайджан — это совсем разные страны. У каждой из них свои слабости и козыри. Азербайджан располагает нефтью, Армения — близкими связями с Россией, у Грузии за плечами удачные реформы и проигранная по собственному желанию война, в которой она потеряла две провинции.

Политика, касающаяся Восточной Европы, должна стать ведущим мотивом грядущего польского председательства в Евросоюзе. Мы не должны при этом настраиваться на тональность ментора — скорее друга или соседа, который готов помогать, но не поколеблется и тогда, когда надо на что-то обратить внимание. Таким образом, понятие «польская восточная политика» употреблять можно, но сама эта политика обязана быть разнородной.

— Какими должны быть принципы этой дифференциации целей и методов польской политики по отношению к Москве, Киеву и Минску? Когда, например, есть смысл действовать напрямую, пользуясь двусторонними контактами, а когда лучше прибегать к посредничеству Брюсселя?

— Нашей целью должно быть: добиться, чтобы как можно больше из нашего образа мыслей о политике в этом регионе было признано составным элементом общей европейской политики.

— И тут возникают затруднения.

— У Евросоюза вообще трудности с определением общей политики. В разных странах ЕС отношение к Восточной Европе разное. Во многих государствах действует принцип безусловного приоритета в пользу российской политики. Всё происходящее в Восточной Европе рассматривается сквозь призму того, что скажет об этом Россия.

Правило «Russia first» сильно в Германии, Франции и Италии. Уже британско-российские взаимосвязи выглядят несколько иначе, но в любом случае это четыре самых важных государства из первой шестерки стран ЕС.

Большая заслуга Польши — в том, что во время «оранжевой революции» мы подключили Евросоюз к событиям на Украине. В посредничестве принимал участие Хавьер Солана, а Украину стали рассматривать не как периферийную проблему, а как вопрос, существенный для будущего Европы.

— А вы не разочарованы развитием дел на Украине? Даже чисто лично — когда вспоминаете, сколько сами натрудились в посредничестве по ходу «оранжевой революции».

— С огорчением признаюсь, что пять лет президентства Виктора Ющенко не приблизили Украину к Европе. А ведь был шанс принять календарный график ее вступления в Евросоюз. Теперь это труднее, в том числе по причине всемирного кризиса.

— Что в польской восточной политике можно признать успехом?

— Первым был наш вклад в разрешение украинского кризиса. Вторым — принятие Евросоюзом проекта «Восточного партнерства», несмотря на нынешние сомнения, действует ли эта программа.

Важно, что нам удалось создать этот проект, втянув в него шведов — сильную страну Северной Европы.

— Однако вы сами говорите о сомнениях насчет того, действует ли «Партнерство».

— Да, так как необходимы новые импульсы и замыслы. Тем более что момент опасный. ЕС занимается сегодня главным образом самим собою. У него есть трудности с лидерством, так как ни Кэтрин Эштон, ни Жозе Мануэль Баррозу — не политические стратеги, особенно в восточной политике. При недостатке нашей активности наложение этих факторов приведет к тому, что устремления и интересы Восточной Европы останутся в пренебрежении.

— Означает ли это, что надежды, связанные с польским председательством в Евросоюзе и возможным стимулированием «Восточного партнерства», преувеличены?

— Надеждам свойственно быть всего лишь надеждами. Но, разумеется, во время польского председательства мы не можем отказываться от своей линии поведения. Дело в том, что наше председательство может оказаться в драматическом положении, если в арабском мире наступит «эффект домино» и окажется, что после Египта и Ливии там вспыхивают новые кризисы. Тогда внимание Европы переключится на Ближний Восток и Северную Африку, а в этих вопросах Польша не особенно компетентна.

Чем скорее ситуация на Ближнем Востоке стабилизируется, тем лучше. Мы сможем заняться «Восточным партнерством».

— «Восточное партнерство» часто воспринимается как антироссийский проект, а в доказательство указывают, что Москву не пригласили к участию в нем. Можно ли — и если да, то как — победить стереотип, будто поддержка Украины и Белоруссии нацелена против России?

— Достаточно сравнить мероприятия Евросоюза применительно к России — хотя бы в экономической сфере — с тем, как он поступает со странами «Восточного партнерства». Тогда быстро обнаруживается, что говорить не о чем. Разница в масштабах гигантская — естественно, в пользу России.

Да, наше вмешательство и помощь во время украинского кризиса были признаны антироссийской деятельностью. Путин поносил меня за них, но нет нужды принимать подобные вещи близко к сердцу: это была всего лишь риторика для внутреннего употребления. Самое большее, можно ответить, что перед Россией открыты все пути к сотрудничеству с ЕС. Более того, атмосфера в Евросоюзе по отношению к России теперь хорошая — намного лучше, чем к Украине или Белоруссии: с ними в серьезный диалог вообще не вступают.

Сегодня, когда в самой России говорят о модернизации, ее шансы связаны исключительно с Евросоюзом, а не с построением российской неоимперии или даже мягкой зоны экономического сотрудничества. К примеру, перед Украиной стоит та же самая проблема модернизации, что и перед Россией: и той и другой нужно осовременить свою промышленность и технологии, нужны и рынки сбыта. Что эти две страны могут предложить друг другу? Умножение трудностей. Потому что даже если они вместе сядут за стол с целью решить проблему отставания, то в лучшем случае они смогут вместе поплакать, что им всего не хватает.

— Когда на исходе 1990-х польско-российские отношения сильно охладели, вы объясняли это двумя причинами. Московская верхушка была сильно расстроена тем, что Польша вырвалась из ее сферы влияния и стала свободна, да еще вдобавок вступила в НАТО — это было сочтено прямо изменой. Разве сегодня среди российской верхушки такое мышление уже неактуально?

— Частично оно по-прежнему живо, однако в реальной политике — а Путин, несомненно, человек реальной политики — приходится признавать факты. Они же таковы, что наша часть Европы уже находится по другую сторону, мы состоим в НАТО, в Евросоюзе, и этот процесс необратим.

В России по-прежнему объясняют, что их огорчения, связанные с расширением НАТО, вытекают из того, что Запад нарушил свое слово: в момент воссоединения двух Германий Михаилу Горбачеву гарантировали, что бывшая ГДР станет последней территорией, которую охватит Североатлантический пакт.

На это есть простой ответ: Запад договаривался с Советским Союзом, а с 1991 г. Советского Союза не существует. Но, несомненно, вхождение Центральной Европы и прибалтийских стран в НАТО было для многих в России травматическим. Другое дело, что сегодня проблематика мировой безопасности настолько изменилась, что необходимо искать новые решения. Расширение НАТО было формой реагирования, взятой из периода «холодной войны», и вместе с тем попыткой выстроить после революции 1989 го новое распределение сил. Сегодня у нас 2011 год: угроза терроризма, трудное положение в Афганистане и необходимость сотрудничества между НАТО и Россией. Потому-то эта тема перестала быть такой жгучей.

Серьезнее оказывается недовольство, связанное с Украиной. Русским трудно понять, что это отдельное государство.

Изменение ментальности — дело не простое. Интересно было бы проанализировать, как смотрит на независимость Украины российская и украинская молодежь, родившаяся уже после референдума и в своей жизни имевшая дело только с независимой Украиной. Предполагаю, что в этой группе уже нет затруднений сприятием Украины как отдельного государства.

— *Вы хорошо знаете самых главных политиков наших восточных соседей. Не могли бы вы поиграть, составляя для нашего МИДа своего рода шпаргалки с их характеристиками? С кем и как следует там разговаривать?*

— Правда, полная откровенность была бы здесь недипломатичной, но попробуем...

— *Владимир Путин...*

— Это, несомненно, человек одаренный. Достаточно вспомнить, что, начиная свою деятельность, он не имел никакого положения — был всего лишь частью аппарата. Крутился сначала при Анатолии Собчаке в Ленинграде, позднее — при Борисе Ельцине. Ему хватило 11 лет, чтобы необычайно развиться, развернуться и... расширить свое влияние. Одновременно он сделал то, чего ждало от него большинство

соотечественников, — провел государство от беспорядка к порядку. А порядок в стране важен. Даже если он болезнен или далек от демократических идеалов. Путин остановил также процессы дезинтеграции, которых в России всё время опасаются.

Делая ставку на силовые структуры, в том числе на бывший КГБ, на армию, администрацию и дипломатию, он добился успеха. Консолидируя власть, консолидировал государство.

Путин сочетает два качества, которые действуют в его пользу. С одной стороны, он профессионал. Будучи по образованию кагэбистом, он знает, как добираться до информации и психологически раскусывать людей. Особенно во время встреч с глазу на глаз он обнаруживает много обаяния, хотя, наверно, использует в них также и свои навыки. «Продает», к примеру, собеседнику какие-то любопытные, чтобы не сказать конфиденциальные, сведения. Тем самым словно бы подмигивает: коль скоро я говорю тебе такие вещи, коль скоро ввожу тебя в курс разных тонкостей нашей внутренней политики, то ясно, что я тебе доверяю. Этим он строит связь. Умеет быть обаятельным, но в то же время хорош в ведении игры. Многих он покори́л этим обаянием — хотя бы Герхарда Шрёдера или некоторых американских политиков.

И, что тоже важно, у Путина сейчас за плечами 11 лет управления большой страной — сначала в качестве президента, теперь как премьер-министра. В тех государствах, где политики делают карьеру через выборы, они лишь в редких случаях остаются на ведущих должностях так долго. В этом смысле Путин сегодня ветеран. А поскольку он исполняет ожидания российских граждан, то у него по-прежнему сильная позиция на любых выборах.

Следовательно, Путин принадлежит к числу тех политиков, с которыми надлежит считаться и поддерживать контакты.

— *Дмитрий Медведев...*

— Несколько раз я имел случай встречаться с ним, но только в порядке чистой вежливости. Он решительно отличается от Путина. Медведев — профессорский сын. Окончил юридический факультет. Это совсем другой тип образования, чем школа КГБ, — даже если наставники студента Медведева внушали ему предельно суровый подход к праву.

Помню программное выступление Медведева где-то в начале его президентства... Говоря о том, что необходимо России, он

упоминал о создании правового государства, о правовом нигилизме. Меня это поразило, ибо в дипломатическом языке таких формулировок не употребляют. Медведев понимает потребность в переменах и модернизации России, но, чтобы это сделать, ему не хватает инструментов, собственной силы, а также поддержки людей, которые находятся рядом с ним. Поэтому за время пребывания на президентском посту он мало что из своих проектов сумел осуществить.

— Ключевой вопрос звучит следующим образом: какую стратегию выберут эти господа в ближайшие месяцы? Самые важные события, то есть выборы, состоятся в 2012 году. Сохранится ли этот дуэт?

— Тут как раз трудно предсказывать. Пока что тандем действует довольно согласованно, хотя, разумеется, временами кое-что скрипит. Так или иначе, а стиль кампании будет свидетельствовать о состоянии демократии и о ходе изменений в России.

— Для польской дипломатии важная фигура — Сергей Лавров...

— Это старая советская школа: умный, с превосходным знанием языков, с опытом и элегантностью. Трудный партнер. Для Лаврова в расчет идут прежде всего интересы России, а диалог — лишь настолько, насколько он нужен для достижения данной цели. Таких людей во властных структурах России немало, хотя, разумеется, среди верхов есть и другие школы и стили действия.

В целом создается общее впечатление солидной, зрелой, но вместе с тем и решительной политики. Такое впечатление складывается у всех, кто соприкасается с российскими политиками, а всех внутренних нюансов, существующих в структурах их власти, не знает. Что существенно, российские политики, возможно, не в состоянии делать всё, что хотят, — так, как это удастся хотя бы китайцам, — но в своей деятельности они, несомненно, не столь опутаны разными демократическими процедурами, как большинство их партнеров из Европы. И они умеют этим пользоваться.

Кроме того они умело творят в мире образ своего государства. Причем в самых разных плоскостях. Речь идет о выстраивании такого впечатления, что Россия принимает участие во всех важных событиях. Скажем, она замахнулась на организацию зимней олимпиады в Сочи, то есть на побережье Черного моря, что кажется безумием и уж наверняка потребует огромных

усилий! В 2018 г. Россия примет еще одно крупное мероприятие — чемпионат мира по футболу.

— Пора перейти к прекрасно вам известным украинским политикам.

— Президент Янукович — это человек, который должен вызывать уважение по одной причине: он проиграл выборы, будучи обвинен в фальсификациях, которые, кстати говоря, были фактом, а потом вернулся на сцену. Немногие политики психологически перенесли бы такой удар и унижение. Сегодня Янукович представляет собой стабильного политика, зрелого и... устойчивого — поскольку хуже, чем в 2004, уже быть не может. И, что важно, при построении межгосударственных отношений нынешний украинский президент — человек конкретностей. Он питает также уважение к принятым решениям и подписанным договорам. С ним бывают трудности, когда договариваешься по тем или иным вопросам, но если уже придешь к соглашению, то можно питать уверенность, что оно будет реализовано.

Тем временем у его предшественника именно с этим возникали трудности. Виктор Ющенко имел склонность поговорить об идеях и ценностях, но это не перелагалось в конкретно выполняемые действия.

Однако в данную минуту мы имеем там дело с прагматической группой. У подобной ситуации есть свои плюсы и минусы. Минус в том, что чувствительность этой группы к таким ценностям, как демократия, гражданские свободы, свобода средств информации, меньше. Зато, если говорить о переговорах с Евросоюзом и отношениях с Польшей, то ментальность нынешней руководящей команды способствует как договоренностям, так и выполнению принятого.

— Диаметрально иные отношения были у вас с Александром Лукашенко. Хотя первым делом вы поехали в Минск, пытаясь его приручить, белорусский президент потом всё равно счел вас и Польшу врагом номер один.

— Господином Лукашенко нельзя пренебрегать, так как он располагает опытом и талантом: умеет удержать власть. Зато у него есть принципиальное затруднение — слабое политическое воображение. Его образ мыслей о государстве чужд действующему в Европе — а этого в длительной перспективе удержать не удастся.

С ним существуют и другие проблемы. Скажем, договоришься о чем-то, причем отнюдь не с глазу на глаз, но не успеешь еще вернуться в собственную страну, как он уже созвал пресс-конференцию и говорит там совершенно другие вещи. Контакт с Лукашенко затрудняется также тем, как он трактует оппозицию, СМИ, неправительственные организации или национальные меньшинства. Помню, как мы условились встретиться с белорусской оппозицией в Беловежской пуще. И вдруг наши автомобили не смогли найти дорогу...

— Ваш путь во взаимоотношениях с Лукашенко повторил затем в некотором смысле министр Радек Сикорский. Он тоже хотел его цивилизовать и тоже стал — а вместе с ним и Польша — врагом номер один.

— Инициатива совместного выезда в Минск с Гидо Вестервелле была хорошей идеей. Наивно было полагать, что польский и немецкий министры убедят Лукашенко организовать демократические выборы, да еще чтобы он их проиграл. Однако такого рода активность, основанная на принципе кнута и пряника, имеет смысл. Ибо самым поразительным оказалось следующее: те выборы всё-таки отличались от предыдущих — была проведена хотя бы имитация предвыборной кампании. Да и то, что после выборов Лукашенко решил подавить оппозиционные группы, вытекало из отнюдь не беспочвенного опасения, что, если бы не разогнать манифестацию, она могла привести к украинскому эффекту.

Феномен XXI века состоит в том, что уже почти нигде не удастся потихоньку и как бы с наскока разогнать граждан, демонстрирующих против режима. Всегда где-то рядом найдутся средства информации и разгласят весть о революции.

— Так или иначе, оппозиция попала в тюрьмы. Каким должен быть ответ Европы, в том числе и Польши?

— Последовательным. Самое худшее — это метаться от стенки к стенке. Министр Сикорский начал нервно отказываться от своих более ранних инициатив.

Ответом на 19 декабря 2010 г. должны стать встречные меры воздействия. Например — уже принятый отказ в визах для белорусских сановников. Зато контакты с Белоруссией как страной должны быть сохранены, с той лишь разницей, что диалог должен сопровождаться ясными сигналами. К примеру: у вас есть шанс на помощь от европейских банков, если вы выполните наши условия.

— Существуют ли какие-то черты или свойства, особенно пригодные для проведения восточной политики?

— Вот что здесь важнее всего: политикам, дабы вести эффективную восточную политику, следует действовать активно. Это не может сводиться к рутинным визитам раз-другой в год. Даже если из политического календаря не вытекает много случаев для встреч, нужно их создавать. Подобный подход не представляет собой в дипломатии ничего нового: так строились хоть бы германско-французские отношения. Тут и рабочие визиты, и открытие памятников, и участие во всякого рода торжествах. Хорошо действовать по общественной части. С годами количество переходит в качество.

Отсюда следует необходимость терпения, тем более что ввиду величины этих государств и масштаба проблем многие из процессов требуют времени.

Наконец, козырем остается компетентность — а в восточной политике поляки обладают преимуществом перед англичанами или французами. Речь идет не только о знакомстве с восточной душой и ментальностью, но и об опыте прохождения через трансформацию общественного строя и экономики.

Надо, кроме того, осознавать, что восточная политика разыгрывается не только на Востоке. Она требует ничуть не меньшей активности и профессионализма и во время встреч в салонах Запада. Да, конечно, украинцам следует объяснять, что они должны менять политические, экономические, юридические и иные стандарты. Но одновременно на Западе надо растолковывать, почему Восток важен. Поскольку может оказаться, что Восток начнет соответствовать стандартам, о которых все долго мечтали, а на Западе к этому не проявят никакого интереса. Сегодня упоминание о расширении европейского пространства плохо принимается даже во время открытых публичных дискуссий. Самая теплая реакция звучит так: дайте нам больше времени — иными словами, дайте нам жить спокойно, откажитесь от этого.

— Какое значение во внешней политике имеет позиция отечественной оппозиции? Для примера — риторика вокруг смоленской катастрофы.

— Это совершенно очевидное и бесспорное построение своих избирательских тылов вокруг ненависти к России. И тут не помогут никакие речи, обращенные к российским гражданам,

равно как и утверждения о том, что с народом разговаривать мы можем, а вот с властью — уже нет. В политике разговоры ведут прежде всего с политиками.

К счастью, отношения Польши с Россией будут во всё большей степени складываться через посредство Евросоюза, а акции нашей местной оппозиции станут иметь всё меньшее значение. Доказательством этой тенденции стало первое потепление взаимных отношений, еще до Смоленска. Жесты на Вестерплатте и в Катини были, в частности, результатом нажима Запада на российских политиков, чтобы те наконец-то договорились с нами по этим вопросам, так как для поляков это чувствительные точки.

Но и Польша тоже не может иметь в мире русофобскую репутацию. Потому что обособиться, изолироваться от России не удастся: с Россией хотят договариваться немцы и французы. Поляки тоже должны этим заниматься, тем более что в России превосходная дипломатия. В Евросоюзе они ведут 28 видов политики: 27 двусторонних и еще одну — с Брюсселем. И громкие крики, призывающие Россию признаться в теракте и искусственном тумане, должны как можно скорее утихнуть. Потому что никакого теракта не было.

Точно так же Белоруссия всё чаще становится предметом политики ЕС. Польша должна, однако, всегда заботиться о том, чтобы учитывались интересы польского меньшинства и благосостояние нескольких тысяч польских граждан, которые инвестировали капитал в бизнес с белорусскими фирмами, живут от приграничной торговли и т.д. Тем более что экономические контакты, поддержка неправительственных организаций, культурный обмен и даже усиление туристического движения укрепляют гражданское общество, иными словами, сопротивление режиму Лукашенко.

Зато «Право и справедливость», а также «Союз демократических левых сил» оказываются полезными в украинских отношениях. Ибо в Польше существует консенсус по поводу того, что Украину надлежит поддерживать — разумеется, не слепо и не отказываясь от критики. Парадоксально, но теперь самые большие сомнения испытывают здесь правительственные структуры. Между тем, политика в отношении Украины должна вестись намного активнее. Да, конечно, премьер-министр Туск мог устать от ситуации с Юлией Тимошенко, когда Польша выдвигала много предложений, а отклик второй стороны был неизменно одним и тем же. Теперь, однако, у нас возникла новая ситуация: четыре года правления голубого лагеря. Он располагает

демократическим мандатом и полным набором средств, позволяющих показать себя: правительство большинства, прагматичный и опытный президент, открытые возможности для переговоров с Брюсселем и лучший, чем у предшественников, рейтинг в Москве. Мы ожидаем результатов — хотя бы в виде серьезного договора об ассоциированных отношениях Украины с Евросоюзом.

— Какой должна быть польская политика по отношению к Востоку — идеалистической или прагматической?

— Как это принято в Польше — смешанной. Идея о совместной организации «Евро-2012» Польшей и Украиной была идеалистической, но сегодня она уже выглядит прагматически. Это первый чемпионат, устраиваемый странами, одна из которых входит в Шенген, а вторая — нет.

Нам надо сочетать красивые идеи с конкретными решениями. Если бы кто-либо 20 лет назад сказал, что мы будем дискутировать о том, должна ли Украина входить в Евросоюз, никто бы не поверил. А это происходит. Если так быстро изменилось столь многое, то в течение очередных лет может измениться еще больше.

Беседу вели Малгожата Ноцунь и Кишиштоф Бурнетко

СМЕРТЬ ПОСЛЕДНЕЙ ИДЕАЛИСТКИ

Польско-российское единение переживает кризис, но надо отметить, что оно имеет и собственное неиссякаемое движение, вне кабинетов Кремля и Бельведера. У истоков этого движения стояли когда-то Ежи Гедройц и Владимир Максимов. В рамках такого единения Окуджава посвящал песни Агнешки Осецкой, а Вайда ставил в Москве театральные спектакли. Теперь это движение представляют Ежи Помяновский, Кристина Курчаб-Редлих, Барбара Чайковская.

К сожалению, об имевшем когда-то место согласия «ляха и москаля» вспоминают чаще всего, когда уходят те, кто всегда сражался за такое единения. Обычно это люди со специфическим опытом своего поколения, родившиеся, когда Россию сотрясала революция и гражданская война, прошедшие сталинские чистки и бои на фронтах мировой войны. После падения сталинизма они обретали веру в свое государство, но утрачивали ее очень быстро перед лицом нараставшего в брежневскую эпоху застоя и маразма. Они сдавали партийные билеты, выбирая ссылку и внутреннюю эмиграцию.

Елена Боннэр, чей жизненный путь завершился только что в далеком штате Массачусетс, — как раз такой пример. Ее родители хотели строить лучший мир и привили свои идеалы дочери. Отец, высокопоставленный партийный деятель в Туркмении и Армении, погиб в сталинской тюрьме. Мать провела в лагерях семнадцать лет. Их дочь после нескольких лет военного кошмара (как армейская медсестра она прошла путь советского солдата, и война оставила ей в наследство инвалидность) окончила медицинский институт и предприняла попытку нормально существовать в Советском Союзе.

Но уже в 60-е годы, наблюдая суды над диссидентами, она распознала фиктивность советского счастья. Строй, который уничтожил ее семью, снова показал свое истинный лик. В 1985 году советские власти разрешили ей выезд за границу. В Кремле тогда уже воссел Горбачев, но ее мужа, Андрея Сахарова, еще не освободили из ссылки. Во время разговора с Иоанном Павлом II Боннэр отметила вклад Польши и поляков в процесс обретения свободы в Европе. Позже, после смерти мужа, она критиковала

Горбачева и Ельцина за бездарную политику. Нескончаемые войны в Чечне, содержание постсоветской и постимперской ментальности не могли не вызвать ее неприятия. Наследница былых революционеров и подвергавшихся гонениям армян и евреев, она не могла согласиться с возрождением национализма в своей стране.

Елена Боннэр не нашла своего места в путинской России. Более десяти лет жила в Бостоне, пользуясь безоговорочным уважением тамошней российской общины. До конца своих дней Боннэр поддерживала контакт с Польшей. В октябре 2010 г. в польском посольстве в Москве ее представительнице передали орден, которым наградил Елену Боннэр еще Лех Качинский. Она написала тогда о двух занозах, которые остались в ее сердце, — Катынь и то, что Варшавскому восстанию не была оказана помощь. Боннэр, медсестра Красной Армии, была в числе тех, кто, неся нам свободу, принес порабощение. В отличие от большинства, она не боялась говорить об этом — знала, что честь России не может основываться на упорстве во лжи. С этой точки зрения, Боннэр была достойной наследницей Герцена и своего мужа Сахарова. Ее единство с Польшей и поляками было подлинным.

Такие людям, как она, должны быть увековечены в бронзе памятников. Однако обесценение памятников и прославление с их помощью всякого рода ничтожеств и кровопийц заставляет нас задуматься о другой форме почтения Елены Боннэр. Быть может, мы должны достойно нести ее идеалы?

Лукаш Ясина — историк, публицист, член редколлегии «Культуры либеральной».

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Варшавский саммит стал крупнейшим польским съездом европейских лидеров со времен конгресса Европейской народной партии в 2009 году. Приехали 20 президентов — от Италии, Австрии и Германии до Украины. Как сообщил президент Бронислав Коморовский, их следующая встреча пройдет в будущем году в Киеве (...) Подытоживая работу саммита, польский президент сказал, что все участники согласились: страны, которые недавно стали членами ЕС и НАТО, должны поддерживать проевропейские и пронаатовские устремления соседствующих с ЕС государств (...) Встреча лидеров государств Центральной и Восточной Европы завершилась рабочим обедом, на котором почетным гостем был президент США Барак Обама». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 28–29 мая)

• «И по протоколу, и по сути это были два визита. Первый, т.е. участие в саммите европейских государств, не особенно удался. Обама не переносит встреч, во время которых представители государств произносят монологи, не связанные никакой общей идеей. Варшавская встреча подтвердила его худшие опасения: ей не хватало связности, не сформировалось пространство обсуждения общих проблем (...) Второй день его визита носил ярко выраженный характер двусторонней встречи (...) Приоритетом остается и должен оставаться сланцевый газ (...) Вопрос сланцевого газа всё еще далек от окончательного решения. Общий фронт России, Франции и Германии наверняка приложит все усилия, чтобы сделать невозможной эксплуатацию польских месторождений, а союзников, кроме США и отчасти Великобритании, у нас не будет (...) Сланцевый газ — это прежде всего политический вопрос первостепенной важности для будущего многих поколений поляков», — проф. Збигнев Левицкий, Варшавский университет. («Жечпосполита», 1 июня)

• «“Газпром” стремится ограничить добычу сланцевого газа в Польше, потому что это не в его экономических интересах, а мы [«Гринпис»] заботимся об окружающей среде. Это основополагающая разница (...) Все зависит от того, как этот газ добывать. Если так, как в США, то такую добычу следовало бы

запретить. Как известно, в скважины закачивается вода с песком и химическими веществами. В США можно не раскрывать состав этих веществ, ссылаясь на коммерческую тайну. Это опасно. Обвинения в том, что «Гринпис» сотрудничает с российскими спецслужбами, для нас не новость: когда мы в России начинаем говорить о тамошних утечках нефти, то слышим, что нас прислало ЦРУ (...) «Газпром» тоже может стать предметом внимания «Гринписа» (...) Кроме того, речь не о «Газпроме», а о том, должен ли сланцевый газ стать панацеей от всех польских энергетических проблем. Я думаю, мы должны сосредоточиться на повышении нашей энергетической эффективности, находящейся в плачевном состоянии, а также на использовании возобновляемой энергии», — директор «Гринпис-Польша» Мацей Мускат. («Жечпосполита», 28-29 мая)

- На сегодняшний день министерство охраны окружающей среды выдало 86 концессий на разведку сланцевого газа. В рамках разведки фирмы обязались пробурить 124 скважины. Каждая скважина может стоить до 15 млн. долларов. («Политика», 1-7 июня)

- «Радослав Сикорский стал первым министром иностранных дел западного государства, который встретился в Бенгази с лидером недавно созданного Национального совета Ливии (НСЛ). Польский министр сказал Мустафе Абдель Джалилю, что Евросоюз признаёт Совет легитимным партнером по переговорам (...) Визит Сикорского в Бенгази проходит накануне перехода к Польше председательства в ЕС, он был согласован с главой европейской дипломатии Кэтрин Эштон, а также с руководством стран-членов НАТО». («Жечпосполита», 12 мая)

- «В завершившейся вчера в Кракове двухдневной встрече приняли участие командующие специальными войсками всех 28 стран НАТО. На встречу прибыли также офицеры из стран, сотрудничающих с НАТО: Швеции, Финляндии, Швейцарии, Австрии, Австралии и Новой Зеландии. Это уже третья такая встреча в истории НАТО (...) Она всегда организуется командованием войск специального назначения в Европе. Именно оно предложило, чтобы в этом году хозяином саммита стала Польша (...) Командиры обсуждали, в частности, развитие Специальных войск Польши. Несколько лет назад нашу страну пригласили в элитарный клуб государств, специализирующихся в подготовке спецназа (...) У нас гостили также политики, в том числе министры, принимающие

решения по развитию этого рода войск». («Жечпосполита», 27 мая)

• «“Это был беспрецедентный процесс в истории польского правосудия”, — сказал судья варшавского Окружного военного суда полковник Мирослав Ярошевский (...) Приговор всем солдатам был вынесен одинаковый — оправдательный. В конце 2007 г. военная прокуратура обвинила семерых парашютистов из 18 го десантно-штурмового батальона в совершении военного преступления, т.е. в нарушении Гаагской и Женевской конвенций. По мнению прокуратуры, во время операции в афганской деревне Нангар-Хель в августе 2007 г. польские солдаты сознательно обстреляли необоронявшийся гражданский объект, в результате чего погибло восемь мирных жителей, в том числе женщины и дети, а еще несколько афганцев получили ранения. Процесс начался в феврале 2009 года (...) В обосновании приговора судья Ярошевский подчеркнул, что суд не нашел достаточных доказательств совершения солдатами преступления, в котором они обвиняются. Прокуратура не смогла представить документацию, благодаря которой удалось бы с точностью установить обстоятельства случившегося». («Жечпосполита», 2 июня)

• «Старший капрал Ярослав Мачковяк погиб, два его сослуживца получили тяжелые ранения (...) На солдат было совершено нападение во время патрулирования окрестностей базы Гиро в провинции Газни (...) Это 27 я жертва польской миссии в Афганистане». («Жечпосполита», 3 июня)

• «Следствие идет с 2008 года. Оно засекречено, и мы не можем получить информацию даже о том, кто был допрошен (...) Прокурор Ежи Межевский собирался предъявить обвинение государственным чиновникам из правительства Союза демократических левых сил (СДЛС), которые дали согласие на создание в Польше тайной тюрьмы ЦРУ (в районе Шиман в Варминско-Мазурском воеводстве). Но две недели назад Межевский был отстранен от следствия. Вчера должности заместителя апелляционного прокурора лишился и Роберт Маевский: их начальник, варшавский апелляционный прокурор Дариуш Корнелюк, отказался назвать причины увольнения (...) В 2008 г., будучи министром юстиции в правительстве «Гражданской платформы» (ГП) и крестьянской партии ПСЛ, проф. Збигнев Цвёнкальский распорядился начать следствие по делу о тюрьмах ЦРУ. Удивило ли его открытие, что в Польше существовал «тюремный объект, не входивший в

нашу юрисдикцию?» Цвёнкальский: “Больше я ничего не могу сказать”». («Газета wyborcza», 30 мая)

• «Юзеф Пинёр, в 2004–2009 гг. евродепутат, в 2006 г. был членом комиссии Европарламента, расследовавшей дело [о тюрьмах ЦРУ]. «По моим сведениям, полученным еще в те времена, существует документ, подписанный [тогдашним премьер-министром Лешеком] Миллером, который регулирует функционирование в Польше следственной тюрьмы ЦРУ. Он до такой степени детален, что описывает действия в случае обнаружения в тюрьме трупа заключенного. Это означает, что польская сторона знала, что там происходит», — утверждает Пинёр. Он подчеркивает, что говорит это, осознавая возможные юридические последствия (...) Генеральный прокурор Анджей Серемет: «(...) Возможность общественного контроля над правосудием — огромная ценность, но (...) в этом деле речь идет не о том, чтобы прикрываться государственной тайной, а о безопасности страны. Поэтому я не намерен поддаться на уговоры и раскрыть информацию по этому делу. Существуют ценности, стоящие выше права общества на доступ к информации. Есть еще защита безопасности нашей страны». («Газета wyborcza», 31 мая)

• «Могут ли адвокаты нарушать закон? В каких обстоятельствах это допустимо? — размышляли собравшиеся в Варшаве представители 200 адвокатур со всего мира. В Польшу на ежегодную конференцию Международной организации юристов приехали председатели юридических объединений (...) МОЮ — крупнейшая международная юридическая ассоциация. Она объединяет 197 адвокатур и юридических корпораций. К ней принадлежат более 40 тысяч индивидуальных юристов. Ее цели — это, в частности, поддержка независимости судебной власти и юристов, а также защита прав человека. Помогает она и создавать новые адвокатские организации в странах, где прежде царила диктатура». («Жечпосполита», 26 мая)

• «В секторе В-18 воинского кладбища на варшавских Повонзках похоронены 177 из 379 жертв майского переворота 1926 года. Здесь покоятся солдаты, сражавшиеся как на стороне Юзефа Пилсудского, так и свергнутой им легитимной государственной власти (...) По случаю 85 й годовщины майского переворота никаких мероприятий не запланировано (...) «Майский переворот должен остаться в нашей национальной памяти как предостережение», — говорит проф. Томаш Наленч». («Политика», 11–17 мая)

• «По прошествии 15 лет процесс генерала Войцеха Ярузельского начнется сначала. Первое заседание суда над генералом,

обвиняемым в руководстве убийством рабочих на Балтийском побережье, состоялось в 1996 году. Через три года судебное разбирательство было перенесено в Варшаву, а в 2001 г. возобновлено, и казалось, что в 2011 г. будет вынесен приговор. Однако этого не произойдет. На прошлой неделе умерла одна из заседателей, поэтому процесс должен будет начаться сначала. Рассчитывающему на оправдательный приговор Войцеху Ярузельскому уже 88 лет, и повторение процесса может означать, что при его жизни он не закончится». («Ньюсуик-Польша», 5 июня)

• В годовщину выборов 4 июня 1989 г., положивших начало Третьей Речи Посполитой, президент Бронислав Коморовский принял премьеров и министров трех «первопроходческих», по его выражению, правительств, а также Леха Валенсу. Высокие награды получили 35 человек. «4 июня — это день польской свободы. Это настоящий праздник польской демократии. Я бы хотел, чтобы он остался в памяти поляков», — сказал президент. Лех Валенса, вспоминая первые годы Третьей Речи Посполитой, отметил, что сегодня многие говорят: можно было лучше, можно было разумнее. «А я им отвечаю: можно было, никто вам не мешал». Тадеуш Мазовецкий поблагодарил членов своего правительства за приверженность принципу: «У нас должна быть не демократия реванша и мести, а демократия для всех». («Газета wyborcza», 4-5 июня)

• «На Востоке и Западе торжественно празднуется День победы, ветеранам оказываются знаки благодарности и уважения. А в Польше? Полная тишина (...) Особенно поражает отсутствие уважения к польским солдатам, которые шли на Берлин с востока (...) Послание очевидно: наши ветераны (с Востока или Запада) не должны афишировать своего участия в боях на фронте, потому что их участие в победе над гитлеровской Германией ни к чему хорошему не привело. Наоборот, принесло одни несчастья (...) Противники празднования годовщин победы сделали всё, чтобы замолчать участие польских солдат в уничтожении гитлеровской военной машины, однако они не смогли помешать возложению цветов к Могиле неизвестного солдата в Варшаве. Каждый год туда возлагают цветы, в частности, представители стран бывшей антигитлеровской коалиции (...) Противники празднования (...) позаботились о том, чтобы информация о планируемых торжествах не дошла до широкой публики. В программы телеканалов не была включена трансляция этого события. Пресса ни словом не обмолвилась о том, что такое мероприятие должно состояться (...) 66-я годовщина победы была для ветеранов печальной

датой», — Чеслав Белеевский, участник взятия Берлина, кавалер военного ордена Virtuti Militari. («Пшеглэнд», 29 мая)

- «Только сейчас Никита Петров, заместитель председателя общества «Мемориал», раскрыл тайну 66 летней давности. В архивах бывшего КГБ, преемника НКВД, он нашел документ, несомненно доказывающий, что в 1945 г. 600 бойцов Армии Крайовой были убиты и закопаны в лесу солдатами специального батальона СМЕРШ (...) Расстрелом поляков командовали генерал-майор Иван Горгонов и генерал-лейтенант Павел Зеленин (...) «Оба они опытные, хорошие чекисты и выполняют это задание», — уверял генерал-полковник Виктор Абакумов, обращаясь к маршалу Лаврентию Берии с просьбой отдать приказ». (Вацлав Радзивинич, «Газета wyborча», 24 мая)

- «Облава в районе Сувалок и Августова, после которой НКВД расстрелял около 600 бойцов Армии Крайовой, была проведена по личному приказу Сталина, — говорит российский историк Никита Петров». («Жечпосполита», 25 мая)

- «Великопольский воевода решил снять мемориальную доску (...) увековечивающую память замученных красноармейцев, которая была установлена неизвестными лицами близ Стшалкува. Воевода сообщил о случившемся консулу Российской Федерации. «Здесь покоятся 8000 красноармейцев, замученных в польских лагерях смерти в 1919-1920 гг.», — гласила надпись на доске (...) На рубеже 1919-1920 гг. в лагере для военнопленных под Стшалкувом умерло более 5200 солдат». («Польска», 16 мая)

- «В ответ на скандал, разгоревшийся вокруг несанкционированной установки мемориальной доски в Смоленске, на которой катынское преступление было названо геноцидом, кто-то решил разыграть карту советских солдат, погибших в польском плену во время войны 1920 года (...) Мы сами виноваты. Такое количество грязи и глупости, которое некоторые круги в Польше вылили на Россию после смоленской катастрофы, трудно спокойно вынести. Но реванш ухудшает ситуацию. Радикалы с одной стороны подзуживают радикалов с другой (...) Польша расплачивается за то, что несколько месяцев ничего не сделала для решения вопроса доски в Смоленске». (Мартин Войцеховский, «Газета wyborча», 16 мая)

- «7 и 8 июня истребители НАТО и России проведут совместные учения над Польшей и Черным морем. Маневры (...) должны улучшить сотрудничество НАТО и России в противодействии терактам с использованием гражданских самолетов. Это

первые для бывших противников совместные учения в области борьбы с терроризмом, которые могут сделать двустороннее сотрудничество более тесным». («Жечпосполита», 2 июня)

- «Россия потребовала от США объяснений по вопросу планируемого размещения военных самолетов в Польше, — заявил пресс-секретарь МИД России Александр Лукашевич». («Жечпосполита», 3 июня)

- «Конгресс украинцев Холмщины и Подлесья призывает власти Польши выплатить компенсации украинцам, выселенным в 1944–1946 гг. (...) «Мы хотим, чтобы выселенные были признаны “депортированной нацией”», — говорит председатель Конгресса Александр Боровик, житель Ровно (...) «Украинские ученые этим вопросом не занимаются, в отличие от Польши, где проблемы выселенных были решены», — подчеркивает Боровик». («Жечпосполита», 26 мая)

- «В Польше живут уже почти 100 тыс. легальных иммигрантов (данные Управления по делам иностранцев) и в несколько раз больше нелегальных. Они приезжают в основном с Украины, из Белоруссии, Молдавии и Вьетнама (...) Чаще всего используют Польшу как транзитное государство на пути в более богатые страны ЕС (...) Процедуры, связанные с получением гражданства, — не единственная слабая сторона нашей политики по отношению к иностранцам. В международном индексе MIPEX (Migrant Integration Policy Index) Польша выглядит не лучшим образом. Мы занимаем 24-е место среди 31 исследованного государства (...) Приоритетом миграционной политики должны быть люди, обладающие способностями и квалификациями, в которых нуждается наш рынок труда. Наиболее желательные кандидаты (...) — ближайшие соседи: украинцы, белорусы, русские». («Газета wyborcza», 16 мая)

- «У нас занято 180 тыс. иностранных сезонных рабочих, в частности в сельском хозяйстве, строительстве, работах по дому. Данные по теневой экономике неизвестны, они колеблются между 50 и 300 тысячами (...) Многие легальные иммигранты — это высококвалифицированные специалисты, а также владельцы фирм. Постепенно растет число иностранных студентов — не только с Украины и из Белоруссии, но и, например, из США, Швеции, Нигерии, Тайваня (в 2009 г. их было около 15 тысяч) (...) Согласно опросу ЦИОМа, проведенному в 2010 г., 81% поляков положительно относится к тому, что в Польше работают иностранцы», — Юстина Фреляк, руководитель Программы миграции и политики развития в Институте социальных вопросов. («Жечпосполита», 27 мая)

- «По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 2010 г. впервые за шесть лет снизилось число родившихся детей. Польша присоединилась к группе государств, в которых долгосрочная стабилизация на рынке труда, а также платежеспособность пенсионной системы находятся под угрозой. В 2009 г. родилось 419,4 тыс. детей, а в 2010 г. — только 413,3 тыс.». («Дзенник — Газета правна», 26 мая)
- «Нехватка детских садов углубляет разницу в образовании. Согласно «Отчету о состоянии образования. Общество на пути к знаниям», подготовленному Институтом исследования образования (ИИО), несмотря на наличие 1,9 млн. студентов, поляки образованы хуже, чем жители других стран Европы (...) В течение 10–20 лет число школьников уменьшится на 20–30%, предсказывают авторы отчета (...) Отчет ИИО — первая публикация, подводящая итоги исследований и анализа образовательных процессов в Польше за последние 20 лет». («Жечпосполита», 1 июня)
- «По последним данным полиции, в 2010 г. был зафиксирован 25-процентный рост правонарушений на территории образовательных учреждений. Почти на 60% выросло число тяжелых преступлений, таких как, например, разбой и вымогательство. Сводки свидетельствуют о том, что ежедневно в какой-нибудь польской школе избивают учителя. Данные касаются начальных и средних школ». («Польска», 16 мая)
- Вездеход «Магма-2», сконструированный студентами Белостокского политехнического института, победил на соревнованиях University Rover Challenge (URC). Соревнования прошли 2–4 июня в пустыне штата Юта, неподалеку от макета марсианской базы «Mars Society». «Магма-2» зарекомендовала себя лучше, чем девять других аппаратов для исследования планет. Она весит 30 кг, у нее три пары колес, камера, шарнирный манипулятор для собирания проб скальных пород и, что особенно важно, два движущихся над ним шестикрылых гексакоптера, позволяющих наблюдать за территорией с воздуха. Одно из заданий заключалось в том, чтобы привезти на базу пробу скальной породы. Вездеход привез их шесть. Вездеходы «Скорпион» из Вроцлавского политехнического института и «Коперник» из Торунского университета им. Николая Коперника заняли четвертое и шестое места. В конкурсе участвовало девять команд. («Дзенник — Газета правна» и «Газета wyborча», 6 июня)
- «В Польше об этом не пишут, но число детей, не ходящих даже в начальную школу, у нас не меньше 60 тысяч», — проф. Мартин Круль. («Впрост», 22 мая)

- «В первом квартале рост ВВП составил 4,4% (...) Потребление выросло на 3,9% и обеспечивает больше половины экономического роста. Важно, что фирмы снова стали инвестировать. Расходы на новые производственные линии и оборудование выросли на 6% и достигли самого высокого уровня за последние два года». («Газета wyborcza», 1 июня)

- «Фирмы радуются рекордно высоким финансовым результатам. В первом квартале они заработали почти 22 млрд. злотых (...) По данным ГСУ, доходы средних и крупных фирм составили почти 513 млрд. злотых и выросли на 13% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Расходы тоже выросли, но меньше, чем доходы (на 11,6%), благодаря чему финансовые результаты были лучше, чем в первом квартале 2010 года». («Газета wyborcza», 24 мая)

- «В своем последнем отчете, озаглавленном «Doing Business», Всемирный банк присудил Польше 70-е место из 180-ти по условиям для предпринимательской деятельности (...) Худшие оценки мы получили за процедуры, необходимые для получения разрешения на строительство, связанные с уплатой налогов и началом хозяйственной деятельности. В другом рейтинге Всемирного банка, касающемся только уплаты налогов, мы заняли 121-е место (...) В рейтинге экономической свободы «Heritage Foundation» мы заняли 68-е место среди 179 государств и лишь 31-е среди европейских стран (...) Однако в 2010 г. в исследовании уровня социально-экономического развития (UNDP Human Development Index) Польша впервые была включена в группу наиболее развитых стран. Высокое шестое место заняли мы и в рейтинге инвестиционной привлекательности A.T. Kearney's Foreign Direct Investment Confidence Index (повышение на 16 мест). В рейтинге международной конкурентоспособности «World Economic Forum» (WEF) «Global Competitiveness Report» Польша попала в переходную группу стран с самой высокой конкурентоспособностью. В свою очередь в сводке «The IMD World Competitiveness Scoreboard» наша страна в прошлом году оказалась на 32-м месте, но среди государств региона она уступает только Чехии», — Генрика Бохняж, президент Польской конференции частных предпринимателей «Левиафан». («Газета wyborcza», 17 мая)

- «Зарплаты растут быстрее инфляции (...) Средняя зарплата в фирмах, насчитывающих более десяти сотрудников, была в апреле почти на 290 зл. больше, чем год назад, и составляла 3598 злотых. По данным ГСУ, за год она выросла на 5,9%». («Жечпосполита», 19 мая)

- «Всё больше поляков испытывают трудности со своевременной оплатой по счетам (...) Год назад это касалось 4,8% поляков, в декабре эта доля выросла до 5,3%. Еще больше растет сумма задолженности. В мае 2011 г. она составила в общей сложности 30,89 млрд. злотых, т.е. увеличилась более чем на 19 миллионов по сравнению с аналогичным периодом 2010 года (...) «Если банки увеличивают кредитные портфели, то растет и число непогашенных кредитов», — говорит экономист Рышард Петру». («Дзенник — Газета правна», 3-5 июня)

- «Министр финансов Яцек Ростовский представил диаграмму, из которой следует, что в Польше в течение нескольких десятков лет снизятся расходы на пенсии (по сравнению с ВВП), в то время как в большинстве стран ЕС они значительно возрастут. Рост расходов понятен, если учесть, что все общества стареют, в том числе и наше. Только польские пенсии будут всё ниже и потому будут дешевле обходиться тем, кто их финансирует, то есть работающим налогоплательщикам. Министр труда и социальной политики Иоланта Федак утверждает, что этот феномен нас не затронет, так как пенсии уменьшить нельзя (...) Министр Федак считает, что мы катимся к политической и экономической катастрофе, а премьер просто игнорирует эти слова (...) У Польши и других европейских стран не хватит средств для поддержания существующей системы социального страхования. От чего-то нужно будет отказаться. Вопрос — от чего? От высоких пенсий, общедоступного бесплатного здравоохранения, бесплатного образования? А может, нужно повысить налоги и смириться с тем, что экономический рост надолго снизится до 1%?» (Витольд Гадамский, «Газета wyborcza», 4-5 июня)

- «Совет монетарной политики уже в третий раз подряд поднял процентные ставки. В настоящий момент основная процентная ставка составляет 4,5%, т.е. равна инфляции (...) Цель СМП — удержать инфляцию на уровне 2,5% с возможностью колебания на 1% вверх и вниз». («Газета wyborcza», 9 июня)

- «Улучшается финансовое положение деревни. В прошлом году месячный наличный доход на одного человека в крестьянском домашнем хозяйстве составлял 1025 злотых. По последним данным ГСУ, он был на 15,9% выше, чем год назад (...) Крестьяне улучшают свое финансовое положение намного быстрее, чем другие группы населения. Доходы рабочих выросли в прошлом году на 6,8%, индивидуальных предпринимателей — на 5,2%, пенсионеров — на 5,4%, а инвалидов — на 6,3%. В результате

крестьяне быстро приближаются к черте средних доходов по стране. В прошлом году их доход был ниже, чем средняя по стране, на 14,1%, а, например, в 2009 г. — на 20,7%. В 2004 г., когда мы вошли в ЕС, — на 26,6%». («Дзенник — Газета правна», 30 мая)

- «Массовая гибель пчелиных семей (CCD — colony collapse disorder). Болезнь приводит к гибели целых пчелиных семей, т.е. всех насекомых, населяющих один улей, вместе с пчелиной маткой (...) В Польше мы пока что теряем в среднем 15% пчелиных семей ежегодно, но и у нас эпидемия может в любую минуту усилиться (...) Основная причина — средства нового поколения для защиты растений, соединения из группы неоникотиноидов (...) Они в несколько тысяч раз вреднее печально известного ДДТ (...) В Польше их использование запрещено, но (...) в некоторых регионах они могут применяться нелегально (...) Пчелам вредит также повсеместное применение гербицидов». (Магдалена Френдер-Маевская, «Ньюсуик-Польша», 29 мая)

- «Самая важная черта польского самоуправления — сильная позиция гмин (...) В этом мы отличаемся от других стран, где гмины — третий уровень самоуправления — значительно слабее (...) В публичном секторе именно органы местного самоуправления — главный хозяин государства: за последние два года имущественные расходы субъектов территориального самоуправления (СТС) достигли 45 млрд. зл. в год, в то время как государственный бюджет инвестирует лишь 15 миллиардов. В общей сложности имущественные расходы бюджетов СТС в 1999–2010 гг. составили 270 млрд. зл., а государственный бюджет в тот же период инвестировал только 115 миллиардов (...) Самоуправления, в особенности гмины, остаются гражданским институтом. Прежде всего это происходит потому, что 72% депутатов гмин и 82% войтов, бурмистров и президентов — это независимые люди, связанные с местными начинаниями, группами, общественными комитетами, а не с политическими партиями», — директор офиса Союза польских городов Анджей Поравский. («Жечпосполита», 17 мая)

- «Самоуправления ведут борьбу с авторами оскорбительных комментариев в сети. Распространение ложной информации на интернет-форумах равносильно диффамации. Оскорблением считается также распространение правды в обидной форме. Лукаш Каспрович был приговорен Познанским районным судом к 10 месяцам заключения, 300 часам общественно-полезных работ, штрафу и запрету на

профессиональную деятельность. В своем блоге он нанес оскорбление бурмистру Мосины (...) Представители местных властей все чаще борются с сомнительными комментариями на их тему в сети». («Дзенник — Газета правна», 30 мая)

- «Бурмистр Мосины Зофья Спрингер подала в суд частный иск (...) Вчера Познанский окружной суд постановил, что записи в блоге — это не журналистский материал, а личное мнение гражданина. А бурмистр, будучи публичным лицом, должен быть готов к критике, в том числе и несправедливой. Лукаш Каспрович был оправдан». («Жечпосполита», 9 июня)

- «Политики нанимают фирмы, занимающиеся травлей своих оппонентов. Сегодня клеветой на политиков на дискуссионных форумах и в социальных сетях занимаются специализирующиеся в этом фирмы, которые примут заказ на любого (...) Политические партии заказывают у фирм (...) комментирование статей и оскорбление, обзывание оппонентов. Исключений нет: «Право и справедливость» (ПиС), ГП, СДЛС — все они ежемесячно тратят на такие заказы десятки тысяч злотых (...) Этот бизнес настолько прибылен, что оскорблениями в сети занялись люди, создавшие единоличные фирмы и принимающие заказы на конкретных деятелей. В интернете без труда можно найти фирмы, предлагающие в качестве услуг «активность на дискуссионных форумах, порталах, тематических блогах, присутствие в социальных сетях и ежемесячные отчеты о выполненной работе», а также индивидуальные предложения мониторинга форумов и активности на них — конечно, не бесплатно (...) Один из нанятых фирмой «специалистов» зарабатывал в месяц рекордную сумму — 6 тыс. злотых». («Польска», 30 мая)

- «Нынешняя ситуация абсурдна и невыносима. Мы наблюдаем пропагандистскую войну двух лагерей — у каждого свой язык, цензурированный политкорректностью и не допускающий доброго слова о противниках. Уши вянут, когда слушаешь постоянные обвинения, клевету и брань», — епископ Тадеуш Перонек. («Ньюсуик-Польша», 12 июня)

- «Согласно опросу Центра мысли Иоанна Павла II и ЦИОМа, 68% поляков считают, что свободой слова сегодня злоупотребляют (...) По мнению 76% респондентов, в нашей общественной жизни слишком мало правды (...) В группе опрошенных, для которых это проблема (16%), преобладают неверующие, приверженцы центристских взглядов, индивидуальные предприниматели, а также жители крупных городов». («Жечпосполита», 4-5 июня)

- «Во вторник вступает в силу закон об имущественной ответственности государственных чиновников за вопиющие противоправные действия. Он обязывает чиновника покрыть из своих средств компенсацию, выплачиваемую казначейством по решению суда гражданину, пострадавшему в результате незаконного решения этого чиновника. Новые правила коснутся около 200 тыс. сотрудников госадминистрации и примерно столько же самоуправленцев. Самая многочисленная группа, которой следует опасаться новых правил, — это более 50 тыс. сотрудников налоговых управлений, которые ежедневно принимают несколько десятков решений. Если вследствие их вопиющей халатности будет допущена ошибка, ответственность чиновника ограничится годовой зарплатой. Если чиновник нарушит закон сознательно, ему придется вернуть всю выплаченную казначейством компенсацию». («Жечпосполита», 16 мая)

- «Проблема в том, что принятие административных решений (например, налоговых) — это сложный, многоэтапный процесс, в котором принимают участие несколько человек. Кто должен выплачивать компенсацию: инспектор, составивший протокол после инспекции? Другие сотрудники, работавшие над решением? А может, начальник налогового управления или налоговой палаты? (...) Процедура присуждения компенсаций сложна. Сначала налогоплательщик должен выиграть дело в гражданском суде. Затем орган, обязанный ее выплатить, обращается к прокурору с просьбой указать чиновника, который должен быть наказан...» (Александра Тарка, «Жечпосполита», 24 мая)

- «В прошлом году суды вынесли обвинительные приговоры за неуплату налогов 15 тыс. поляков. 31 налогоплательщик был приговорен к лишению свободы. В 39 случаях заключение было заменено условным наказанием с назначением срока выплаты причитающейся суммы. Всего было приговорено почти в два раза больше налогоплательщиков, чем в 2009 году. За уклонение от уплаты налогов можно получить штраф (чуть более 14 тыс. человек заплатили в общей сложности свыше 17 млн. злотых), а, кроме того, попасть в реестр осужденных». («Жечпосполита», 14-15 мая)

- «Более 10 тыс. проверок налогоплательщиков провели в прошлом году управления налогового контроля (УНК) (...) Визиты инспекторов закончились для налогоплательщиков необходимостью заплатить в среднем 209 416 злотых задолженности (...) УНК удалось вернуть государству 2 млрд. злотых налогов, причитающихся за 2010 год (...) Инспекторы

налогового контроля обнаружили 84 тыс. фиктивных фактур на общую сумму свыше 3,4 млрд. злотых». («Жечпосполита», 1 июня)

• «Институт правосудия проверил 199 выбранных наугад дел об издевательствах над животными, которые прокуратуры и суды рассматривали в 2010 году (...) Выводы, представленные в отчете «Уголовно-правовая защита животных», шокируют: следователи быстро закрывают дела, а если не могут найти виноватых, приходят к заключению, что преступления не было. Вот уже несколько лет число случаев издевательств над животными остается приблизительно одинаковым. Чаще всего мучают собак. В рассмотренных делах жертвами стали 530 животных, в том числе 320 собак, 23 кошки, 78 голубей, 14 лошадей, 45 овец и коз. А кроме того, лось и змея. В 62 случаях животные погибли, 31 животное морили голодом. В отчете перечисляются также отравления (15) и огнестрельные ранения (19) (...) Полиция и прокуратура не справляются с наказанием виновных. 132 случая (66% всех рассмотренных) закончились отказом в возбуждении дела или его закрытием. Авторы изучили 57 дел, закончившихся обвинительным приговором. Он был вынесен в отношении 59 человек (...) Арест подозреваемых был редкостью (...) Суды мягко наказывают мучителей: лишь четырех из 59 ти приговорили к заключению, 36 человек получили условные приговоры. Другие наказания — это, например, штрафы (около 3 тыс. злотых)». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 31 мая)

• «В защиту животных. Под ред. Петера Зингера. Изд. «Черная овца», 2011. Когда в 1975 г. этик Петер Зингер опубликовал манифест «Освобождение животных», тема прав других видов, кроме человека, в принципе не существовала. Сегодня многие философы, ученые и политики спрашивают: не является ли человеческое право царствовать на Земле обычной узурпацией? Действительно ли только людям принадлежит статус личности? Можно ли сравнить промышленное разведение животных с тоталитарными практиками? Антология очерков «В защиту животных» — это разумное введение в проблематику. Многих читателей после прочтения этой книги ждут нелегкие размышления о содержимом их холодильников». (Петр Кофта, «Впрост», 5 июня)

• «Около 2 млн. поляков получают социальную помощь — вместе с членами их семей это более 3,7 млн. человек. В 2009 г. семейные пособия получили 2,3 млн. семей. К этому нужно добавить субсидии на жилье и пенсии для инвалидов детства, не входящие в систему социального страхования. Согласно

исследованиям, если бы этих пособий не было, бедность в Польше выросла бы умеренно — на 1-3%, так как уровень социальных выплат в нашей стране невысок. Так же, впрочем, как и доля расходов на социальную помощь в ВВП (...)

Прожиточный минимум для хозяйства из одного человека составил в конце прошлого года 478 зл. (для более крупных хозяйств сумма, приходящаяся на одного человека, меньше), социальный минимум для хозяйства из одного человека — 940 зл. в месяц, а, например, из пяти человек — 745 зл. (оба показателя — прожиточный и социальный минимум — подсчитывает Институт труда и социальных вопросов)», — доктор наук Рышард Шарфенберг, замдиректора Института социальной политики Варшавского университета. («Пшеглэнд», 5 июня)

• «По официальным данным, в Польше более 2 млн. безработных. Сколько из них действительно ищут работу? Чтобы это проверить, ГСУ ежеквартально проводит т.н. исследование экономической активности населения (ИЭАН), опрашивая почти 60 тыс. человек от 15 до 74 лет, есть ли у них работа (...) Безработным не считается человек, работающий нелегально. После такого пересчета оказывается, что безработных — 1,77 млн. человек. Уровень безработицы в первом квартале составил 10%, хотя в реестрах бюро занятости прописано 13,1%. Данные ИЭАН сравнимы с другими странами ЕС, средняя по Евросоюзу составляет 9,5%». («Газета выборча», 1 июня)

• «Согласно майскому опросу ЦИОМа, 36% поляков поддерживают действия правительства. 33% высказываются против кабинета Дональда Туска (...) Самого премьер-министра критически оценивают 44% поляков, положительно — 42%». («Жечпосполита», 19 мая)

• Согласно опросу TNS ЦИМО, проведенному 2-6 июня, ГП поддерживают 44% поляков, Пис — 25%, СДЛС — 16%, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. («Газета выборча», 9 июня)

• «Самым большим доверием поляков неизменно пользуется президент Бронислав Коморовский — ему доверяют 65% респондентов, опрошенных ЦИОМом 5-11 мая (...) Второе место разделили премьер-министр Дональд Туск и министр иностранных дел Радослав Сикорский, которым доверяет 51% опрошенных». («Жечпосполита», 24 мая)

• «Вчера в резиденции Епископата были представлены последние результаты подсчета верующих. В 2010 г. в воскресенье в церковь ходили 41% католиков, в 2009 г. — 41,5%.

Но число ходящих в церковь систематически уменьшается, за последние 20 лет приблизительно на 10% (...) С 90 х годов выросло число причащающихся. Их почти 16,4% — это на 5% больше, чем в 1990 году. Церкви феминизированы. На шестерых мужчин приходится девять женщин». («Газета wyborча», 8 июня)

• «Флакон с каплей крови Иоанна Павла II помещен в золотую, усеянную бриллиантами ажурную шишку (...) На золотом основании, на деревянной подставке стоит ромб с серебряными гранями (...) В стеклянной внутренности ромба — хрустальная капля, в которой будет храниться золотая шишка с реликвиями. В воскресенье ковчежец будет помещен в сейф за бронированным стеклом в Пантеоне великих поляков». («Жечпосполита», 2 июня)

• «Одно из крупнейших кладбищ Европы, для многих святое место, закрыто для посещения (...) Музей концлагеря в Собиборе, в котором во время Второй Мировой войны погибли более 300 тыс. евреев со всей Европы (...) вынужден был ограничить свою деятельность из-за трудного материального положения». («Жечпосполита», 2 июня)

• «Стада туристов, колесящих по нашей планете (...) уничтожают мир (...) Уже в середине XIX в. о массовых туристах писали, что они как саранча, которая (...) летая по миру, пожирает всё, что встретит на своем пути: начиная с продуктов и кончая видами и тишиной». (Шимон Головня, «Ньюсуик-Польша», 5 июня)

ЗАПУСК ДИАЛОГА

Первым крупным международным мероприятием во Вроцлаве после присуждения этому городу звания культурной столицы Европы 2016 года стал I Польско-российский конгресс «Общество — культура — СМИ». Это событие можно считать знаковым хотя бы потому, что оно положило начало работе Центра польско-российского диалога и согласия.

В российско-польских отношениях появилось нечто, чего еще не было ни в каких двусторонних отношениях. В Москве и Варшаве одновременно создаются Центры диалога и согласия. Эти учреждения-близнецы — логическое продолжение многих усилий, которые прилагались в наших странах для поиска путей сближения и примирения. Казалось, что для этого уже есть масса механизмов, приведенных в действие в последние годы. Заметно участились контакты на высшем и министерском уровнях. Заработали на полных оборотах Межправительственная комиссия и Комитет по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества. Подключились и неправительственные организации, примером деятельности которых стал совместный Форум общественности. «Все это свидетельствует о том, что мы имеем дело с интенсификацией польско-российских отношений. Значит, есть политическая воля поддерживать контакты, обмениваться мнениями, информацией, подходами к решению проблем, от которых голова болит уже несколько лет. Конечно, возникает вопрос: что за этим последует? Мы на своем уровне политики изменить не можем, но развивать диалог, определять возможности решения проблем и служить советом политикам высшего уровня — это тоже большое дело», — говорил мне два года назад Славомир Дембский, участник польско-российской Группы по трудным вопросам, тогдашний директор Польского института международных дел.

Сейчас известный историк и политолог Славомир Дембский — специальный представитель министра культуры и национального наследия Республики Польша по вопросам Центра польско-российского диалога и согласия, создание которого стало следствием работы Группы по трудным вопросам. И здесь стоит напомнить о важном событии на современном этапе российско-польских отношений.

Создание совместной группы, призванной снять напряжение прошлого в отношениях между Россией и Польшей, имеет свою непростую историю. Решение трудных проблем в двусторонних отношениях было возложено на специальную группу после визита тогдашнего президента России Владимира Путина в Польшу в январе 2002 года. Но наступившая вскоре «политическая пауза» в контактах Москвы и Варшавы фактически заморозила ее деятельность. И только в начале 2008 г., в результате договоренности между главами дипломатии России и Польши — Сергеем Лавровым и Радославом Сикорским, было решено возродить группу. 8 февраля того же года, в ходе переговоров председателя правительства России Владимира Путина и председателя Совета министров Польши Дональда Туска были «перезапущены» основные механизмы двустороннего взаимодействия. Группа была реанимирована в «новом деполитизированном формате». В нее вошли в основном историки и ученые. Сопредседателями стали с российской стороны ректор МГИМО академик Анатолий Торкунов, а с польской — бывший министр иностранных дел, профессор Адам Даниэль Ротфельд. Трехлетний этап работы Группы завершился выходом фундаментального совместного труда под научной редакцией обоих сопредседателей «Белые пятна — черные пятна» — о трудных вопросах в польско-российских отношениях с 1918 по 2008 год.

Уже в беседе во Вроцлаве профессор Ротфельд напомнил, что совместное решение о создании центров диалога и согласия было принято премьерами России и Польши 7 апреля 2010 г. во время их встречи в Смоленске по рекомендации Группы по трудным вопросам. А 6 декабря того же года, в ходе визита президента России Дмитрия Медведева в Варшаву, был подписан протокол о намерениях по созданию центров, выполнение которого было поручено министрам культуры обеих стран. Тогда же министр культуры Польши Богдан Здроевский заметил автору этих строк: «Прецедента открытия подобных учреждений в международной практике нет, а признание исключительной важности двусторонних отношений ведет к тому, что центры начнут действовать как в Польше, так и в России. Эти структуры будут бороться за выявление исторической правды и преодоление несправедливых стереотипов. Это будет широкий мост, по которому будут продвигаться инициативы в области науки, образования, культуры и исторического наследия, адресованные всем поколениям».

Именно министр Здроевский стал инициатором проведения первого мероприятия Центра польско-российского диалога и согласия во Вроцлаве, где одиннадцать лет проработал мэром и заслужил добрую славу. Выбор темы конгресса дал возможность обратиться к самым различным аспектам отношений России и Польши, а состав участников заранее предопределял непредвзятость дискуссий. В самом деле, организаторам удалось пригласить известных в обеих странах политологов, дипломатов, историков, журналистов. Вот только несколько имен. С польской стороны: Адам Даниэль Ротфельд, бывший глава дипломатии Анджей Олеховский, евродепутат Павел Коваль, председатель польского ПЕН-клуба Адам Поморский, директор Института книги Гжегож Гауден, социолог Павел Спевак и, конечно же, Славомир Дембский. В российскую делегацию, которую возглавлял министр культуры Александр Авдеев, входили специальный представитель министра культуры РФ по вопросам Центра российско-польского диалога и согласия, руководитель Федерального архивного агентства Андрей Артизов, посол России в Польше Александр Алексеев и бывший российский посол в Польше Леонид Драчевский, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике России, президент Международного дискуссионного клуба «Валдай» Сергей Караганов, зам. руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимир Григорьев. Широко были представлены СМИ самой разной направленности: заместители главных редакторов газет — «Газеты выборчей» Ежи Вуйцик, «Жечпосполитой» Марек Магеровский, «Дзенника — Газеты правной» Анджей Талага, главные редакторы еженедельника «Огонек» Виктор Лошак, журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов, газеты «Комсомольская правда» Владимир Сунгоркин, заместитель главного редактора «Новой газеты» Андрей Липский, зам. главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» Сергей Бунтман, а также журналисты польских и российских периодических изданий. В секции «Религия» приняли участие представители православной и католической Церквей. Знаменательно, что никто из вышеперечисленных не относился к сонму «свадебных генералов». Все они были заинтересованными ведущими и участниками дискуссионных панелей.

Весомость событию придали послания глав государств. Президент России Дмитрий Медведев написал, что «конгресс послужит углублению доверия и взаимопонимания». Польский президент Бронислав Коморовский выразил надежду, что «регулярные встречи представителей польских и российских журналистских кругов послужат распространению знаний о

современной Польше и России». Акценты в президентских посланиях так или иначе затрагивались во время всей работы конгресса. Адам Ротфельд сказал, что целью деятельности центров диалога должны стать переход от встречающегося еще недоверия к полному доверию, а также преодоление все еще живучих стереотипов. Но все это, по его мнению, должно проходить вдали от текущей политики и носить общественный характер. «Непредсказуемость — опасное состояние, люди боятся перемен, а стагнацию не надо путать со стабильностью», — обратил внимание профессор. «Мы должны смотреть друг на друга глазами партнеров и друзей, чтобы честно взглянуть на прошлое и сделать исторические и моральные выводы без душевного напряжения. Мы можем избавиться от стереотипов и двигаться в направлении цивилизованного диалога», — в свою очередь напутствовал работу центров Александр Авдеев.

Вопросы, которые удалось перелопатить участникам конгресса, касались самых разных аспектов. Внешняя политика и модернизация, взаимные инвестиции и торговля, религия в жизни общества. Говорили об истоках симпатий и неприязни друг к другу, но и о том, что поляки должны читать о России, а россияне о Польше, чтобы лучше узнать и понять друг друга.

В контексте председательства Польши в Европейском союзе тема одной из дискуссий была сформулирована так: «Способствует ли членство Польши в ЕС развитию отношений между Евросоюзом и Россией или, наоборот, осложняет его?» Единого мнения не было. Известный дипломат, ныне эксперт Польского института международных дел Лешек Есень отметил, что членство Польши в ЕС благоприятствует развитию отношений Евросоюза с Россией, но также и усложняет его. Дело в том, что Москве трудно понять, с кем и о чем нужно разговаривать в ЕС — «с отдельными институтами или отдельными странами, а может, с теми и другими». Определенные политические и общественные круги в России, утверждал депутат Европарламента Павел Коваль, заинтересованы в том, чтобы сотрудничать с Брюсселем по принципу равноправия и партнерства, но надо точно представлять, в каких областях и каким образом можно строить отношения с Москвой. По мнению же главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Федора Лукьянова, дискуссия о роли Польши в сближении России с ЕС запоздала, поскольку Европа теряет свои позиции в мире в пользу активной Азии, где чувствуется энергия и желание развиваться. «Важным элементом в развитии российско-польских отношений является отход от устаревших стереотипов и осознание их реального места в современном

мире обеих стран», — заключил профессор МГИМО Михаил Наринский.

Что ж, старт дан, диалог запущен. Конгресс получился содержательным и хорошо организованным. Кому-то даже удалось совершить прогулку по Вроцлаву в сопровождении интересного рассказчика — профессора вроцлавского и варшавского университетов Николая Иванова. Институт книги многим преподнес хороший подарок — изданную на русском языке книгу крупнейшего британского историка Нормана Дэвиса о Польше «Сердце Европы». И, что немаловажно, хорошее настроение создавали те, кто торит путь польскому центру. Упоминавшийся Славомир Дембский. Малгожата Шняк, много лет проработавшая в Польском институте культуры и посольстве Польши в Москве. Юстина Прус-Войцеховская, журналистка и недавний корреспондент «Жечпосполитой» в Москве. Примечательно, что внутриполитические споры в Польше и России не проникли в залы, где проходили дискуссии. Хотя россияне интересовались прогнозом парламентских выборов осенью этого года в Польше, а поляки допытывались, кто же из тандема пойдет на президентские выборы в России, это воспринималось как дело житейское.

Своими впечатлениями о конгрессе делится Андрей АРТИЗОВ, специальный представитель министра культуры РФ по вопросам Центра российско-польского диалога и согласия, руководитель Федерального архивного агентства:

— Несмотря на то что это первое мероприятие создаваемых центров, причем, на этапе, когда еще не решены организационные вопросы, можно сказать, что оно было успешным, а перефразируя русскую пословицу — первый блин не оказался комом. Интересные и компетентные люди с обеих сторон. В активном режиме, в сжатые сроки удалось обсудить практически весь спектр отношений между Россией и Польшей, связанных с прошлым, настоящим и, естественно, будущим. Очень важным было участие известных журналистов и руководителей СМИ из России и Польши. Впереди нас ждут новые проекты, научные труды, совместные социологические исследования. Все это поможет разгрести завалы прошлого и непредвзято подойти к реалиям нынешних отношений между нашими странами. Для себя я сделал вывод — нам надо больше ориентироваться на молодежь. И мы обязательно это учтем в следующих мероприятиях центров. Я говорю «центров», потому что не допускаю никаких сомнений в сотрудничестве, так как в нашем деле только совместная работа может стать

гарантией успеха. Уже в декабре этого года мы соберем международный совет и скоординируем планы на 2012–2013 годы.

Более подробно о деятельности Центра польско-российского диалога и согласия можно узнать на сайте: www.cprdip.pl

Валерий Мастеров, собственный корреспондент газеты «Московские новости» в Варшаве, — для «Новой Польши»

ЭКСПЕДИЦИЯ В ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

Перед нами — введение и последняя глава книги, впервые изданной в 1999 г. краковским «Выдавництвом литерацким» и представляющей собой большое эссе, в котором Милош рассчитывается с эпохой своей молодости. Книга построена главным образом на материалах источников (воспоминания, статьи из прессы), пронизанных связующим текстом автора. — Ред.

Польша обрела независимость в 1918 году и до сентября 1939-го была суверенным государством. В 1939 году наступил раздел этого государства двумя его соседями, а после войны — зависимость от Москвы. Долгий период, который отделяет нас от той межвоенной Польши, способствовал противоречивым суждениям о том, чем была жизнь в независимом государстве. В представления о свободной Польше, противопоставляемой позднему порабощению, неизбежно вкралась немалая идеализация. Сегодня без преувеличения можно сказать, что та Польша — край мифический, слабо описанный и редко посещаемый новыми поколениями. Но там ведь и тогда я рос и воспитывался. В 1918 году мне было семь лет, в 1939-м — двадцать восемь. Межвоенное двадцатилетие сформировало меня, и я сейчас слегка в положении старца, который рассказывает детям, как оно когда-то было. Я размышлял над тем, как вести такие рассказы, и пришел к выводу, что, не пытаясь описывать, воспользуюсь голосами людей, которые тогда жили, участвовали в повседневных делах и принимали повседневные вызовы.

Я не историк и не стану ни обозревать важнейшие даты и события, ни объяснять запутанные проблемы с экономикой и нацменьшинствами. Обращусь скорее к воображению читателя, который на основе представленных статей, отрывков из статей, речей, листовок сможет кое-что восстановить из тогдашней атмосферы. Другими словами: моя книга — это сад вырезок, правда, полный сорняков, так как я не претендую на роль бесстрастного наблюдателя. Наоборот — я не собираюсь скрывать свою пристрастность, так как та Польша вовсе не соответствует идеальному образу, который, возможно, создает себе новое поколение. Было немало явлений, возбуждавших

ужас, жалость и гнев. Как раз эти сильные чувства были решающими в том, каким поэтом я стал, и следы этих чувств можно найти в моих сочинениях.

Я не сомневаюсь, что знакомство с той Польшей станет для многих читателей нелегким переживанием, возможно — потрясением, и что они будут спрашивать: «Как это возможно?» Но это было возможно, как показывают собранные мной материалы, опубликованные в большинстве до 1939 года.

Конечно, сам подбор текстов может подвергнуть меня упрекам в пессимизме. Однако в мои намерения наверняка не входило показывать Польшу как исключение среди государств Европы. Углубляясь в проблемы и повседневность Румынии или Венгрии, Югославии или Греции, мы открыли бы аналогичные межнациональные обострения, аналогичные контрасты богатства и бедности, не меньшую устойчивость устарелых образцов в культуре и нравах. Зато результаты всемирного экономического кризиса 1929 года, который, как видно из записок крестьян и безработных, ударил и по Польше, следовало бы сравнить с тем, что тогда происходило в Германии. Оказалось бы, что в индустриально развитой стране эти результаты были еще хуже. Вообще веймарская Германия с ее разнузданностью финансовых верхов, проституцией, коррупцией, нищетой безработных должна смягчить наши суждения о польском государстве. Заметим, что соседство Германии, особенно после прихода там к власти Гитлера в 1933 году, создавало дополнительные трудности. Когда читаешь некоторые высказывания польских сторонников авторитарного строя, иногда возникает впечатление, что какое-то коллективное помешательство охватило нашу часть Европы, ибо примерно такие же лозунги раздавались в Венгрии и Румынии.

Моей целью было показать внутренние противоречия того государства, не смягчая их, но отнюдь не для того ими пользуясь, чтобы свести тогдашнюю жизнь к столкновениям и борьбе на публичной арене.

Это был период, богатый доброй волей, самоотречением, героизмом, научным, литературным и художественным творчеством. В конце-то концов, мы же знаем, что в любом месте, в любой стране множество вещей происходит одновременно и никакие обобщения этого многообразия не исчерпают.

В пользу той Польши надо записать смелость социальной критики, которой занимались пишущие люди, не отступавшие

перед грубой истиной. Думаю, что именно это может стать причиной потрясения у многих читателей, которых долгие годы правления коммунистов отучили называть вещи своими именами. Авторы, которых я цитирую, не имели привычки считаться с цензурой (а она существовала, хотя и в довольно узком объеме), и это влияло на их стиль большей открытости и простоты, чем то, что встречается сегодня.

Скажут: «Он в этой книге несет нам все свои старые травмы и неприязни». По меньшей мере не спору. «К чему смолоду привык...» Ясно, что я дитя той эпохи и меня не обошли ее коллективные страсти. Как я показываю в своей книге, основным для понимания тех времен, с 1918 по 1939 год, было подразделение на сторонников и противников Пилсудского. Первые радостно или сочувственно восприняли его захват власти путем государственного переворота в 1926 году, и к ним принадлежали все, кто занимался литературой и искусством. Я рос в семье с симпатиями к пилсудчикам, для которой слово «эндек» было бранным. Кроме того в возрасте пятнадцати лет я уже вступал в сферу искусств, что означало прогрессивную мысль, и читал в школе доклады против «Трилогии» Сенкевича. Сам теперь удивляюсь, откуда это на меня нашло. Видимо, уже тогда я начал читать «Вядомости литерацке» и поэтов «Скамандра», которые к правой стороне политической сцены относились враждебно. Во всяком случае Сенкевич был тогда лакмусовой бумажкой.

Это не значит, что сегодня я не ставлю себе множества вопросов о значении наследия Романа Дмовского. Уважая польских позитивистов и их «органический труд», будучи привязанным к Прусу и Ожешко, я готов даже понять возмущение Пруса социалистами в 1905 году, но не особо понимаю, как всё это выродилось у Дмовского и его преемников в патриотическую демагогию, неспособную привлечь дерзкие умы, а тем самым осуждающую ее исповедников на повторение одних и тех же лозунгов. Я говорю не о тоталитарных отростках Национального лагеря, которые появились в тридцатые годы, но само культурное бесплодие учеников Дмовского было поразительным. Однако его партия получала массовую поддержку, что можно объяснить результатами разделов Польши: нация без государства, противостоящая (чужому) государству, легко становилась высшей ценностью, даже кумиром, а ее идеализация была прямо пропорциональна страху по отношению ко всем «чужим».

Отношение к религии в этой программе было прагматическим, то есть религия должна была служить польскому духу; тем не менее остается фактом, что к сторонникам «национальной» политики принадлежало большинство католического духовенства. Тут следует напомнить, что то, что мы знаем сегодня, не было ясно жившим тогда людям, за исключением отдельных личностей: само существование независимой Польши было под неустанной угрозой, и более чувствительные ощущали это как бы собственной шкурой; немногие, такие как Мариан Здеховский, профессор Шимон Аскенази, Станислав Игнаций Виткевич, сознавали это ясно. Человеком, ясно сознававшим угрозу, был и Юзеф Пилсудский. Он победил в битве под Варшавой в 1920 году и выиграл время, но до самой смерти его мучила мысль о притаившейся опасности — как с востока, так и с запада. Поэтому он заключал с соседями пакты о ненападении, которые соседям предстояло нарушить без угрызений совести. В своей книге я посвящаю мало места литературе и искусству, но сумел бы проследить в произведениях поэзии, прозы и театра ощущение ненадежности и бренности всего.

У меня, разумеется, особый подход, быть может, определенный тем, что я родился в Литве, а не в Польше и на польские дела смотрел из Вильно или же с виленской точки зрения. Это значит, что Польша Варшавы, Кракова и Познани была для меня как бы вне моего первого опыта и познания. Тем не менее я всё-таки не заслуживаю звания человека с «кресов», да и само это название меня раздражает. В моей семье я никогда не слышал этого слова в применении к нам. Наоборот: мы были отсюда, т.е. из древнего Великого Княжества Литовского, а главными городами нашего пространства для моих предков были Вильно и Рига. Из этого проистекло и строение моей книги, в которой я начинаю от печки, т.е. с того удивительного анклава польского языка, каким было Вильно. По-настоящему я должен был бы начать с событий 1918 года в Варшаве, Кракове и Львове. Но я нарушаю строго хронологический принцип и направляю свое внимание на более близкие мне события.

Весной 1920 года несколько недель я ходил в Вильно в школу на Ягеллонской улице, то есть в самом центре города. До сих пор я учился дома и не очень понимал, что происходит в школе. Однако сразу наступила паника в связи с отступлением польской армии от Вильно, и картины этого отступления очень сильно запечатлелись у меня в памяти. С матерью и братом мы ехали телегой в Литву, попав в перестрелку польского бронепоезда с литовскими солдатами. Позиция Литвы в этой войне, основанная на мирном договоре с советской Россией,

была несколько двусмысленной и позволявшей сомневаться в ее строгом нейтралитете.

В сентябре 1921 года я начал учиться в виленской 1-й мужской гимназии имени короля Сигизмунда Августа. Это была восьмиклассная школа, аттестат зрелости мне предстояло в ней получить в 1929 году. Государство, в котором школа начала действовать, называлось Срединная Литва. Я тогда не знал, как и почему оно возникло, и, вероятно, мои читатели растерялись бы, предложи я им такой вопрос. Здесь я, однако, должен сообщить основную причину того, почему я начинаю с Вильно. Как раз в этом, да и во всём «вопросе Вильно» появляется фигура Юзефа Пилсудского. Он для меня вовсе не имя со страниц истории. Вижу, как в нашей школе он проходит между нашими двумя шеренгами, а я стою в первом ряду и набожно вглядываюсь в него. А надо напомнить, что Юзеф Пилсудский, наш человек, то есть родившийся на Виленщине, по матери из известной жмудской семьи Билевичей, в 1918 году приступал к построению государства — такого, какого требовала хранившаяся в его семье традиция, то есть Речи Посполитой Обоих Народов. Это государство было бы защищено с востока связанными с ним союзом Литвой, Белоруссией и Украиной, что со всей очевидностью воспроизводило структуру, порожденную Люблинской унией.

*

Чем была эта Польша межвоенного двадцатилетия? Этот вопрос задавали себе поляки, которых потрясло и ужаснуло сентябрьское поражение 1939 года, склоняя к безжалостным обвинениям по адресу правящих кругов, то есть санации, на которой в разговорах и печати не оставляли сухой нитки. Эти безжалостные суждения можно объяснить внезапным пробуждением от иллюзий, ибо печать и радио поддерживали миф державного государства и замечательного состояния армии. Если эти суждения и менялись — в годы войны и после нее, на родине и в эмиграции, — то во всяком случае преобладали отрицательные. Затем по понятным причинам коммунисты старались представить ту Польшу в как можно худшем виде. Поколения, возросшие в ПНР, мало что о ней знали. Хотя факт, что та Польша была страной суверенной, по-настоящему независимой, мог поворачивать мнения в направлении, противоположном желаниям власти, то есть в направлении идеализации.

Не моя задача — извлекать выводы из представленного материала. Пусть это сделают сами читатели. Я же хотел бы, чтобы им хватило понимания, что всё, чем была та Польша,

формировало мои мысли и чувства, включая гнев и отчаяние. Должен также добавить, что позже, после сентябрьского поражения, я разделял с другими многие сожаления и обвинения, которыми оделяли межвоенную Польшу. Сегодня я забочусь о большей справедливости в своих суждениях.

Думая о тех временах, я прежде всего вижу людей. Прекрасных, ничтожных, героических, подлых, хороших, плохих, побеждающих, проигрывающих — всех, кому было суждено тогда жить и исполнять свою судьбу. И, пожалуй, поэтому я не смог писать книгу об этом двадцатилетии, а выбранная мною форма антологии была для меня единственно возможной. Если б не она, я не нашел бы сил описывать всё в целом, ограничившись биографиями.

Любопытно, что это книга о политике, границах, договорах, экономике и т.п. и что в ней мало говорится о литературе. Почему так произошло? Вероятно, потому что волк не любит охотиться вблизи своего логова. А может, еще и потому, что литература и искусство выживают в своих произведениях, мой же материал складывается из фактов преходящих, которые легко тонут в забвении, если никто их не выловит и не напомнит. Тогда, ах как давно — когда Пилсудский совершил майский переворот, мне было 15 лет, — я не жил жизнью государства. Ибо следует осознать, что любое государство — здание многоэтажное и что большинство его граждан живет на первом этаже, взирая на всё с приземленной точки зрения, иногда задирая голову, чтобы уловить что-то из деятельности тех, кто наверху. Правду говоря, единственным живым из стоявших у власти был для меня Пилсудский, хотя в мифическом одеянии, как бы королевском, а позже — полковник Славой-Складковский, многолетний глава правительства, как фигура скорее комическая — глуповатого унтера, каковым он частично был, а частично притворялся. Вдобавок мой первый этаж был в Вильно, городе в восьми часах езды по железной дороге от Варшавы, и уже сам темп жизни в столице не совпадал с нашими полудеревенскими привычками.

У меня рано появились социалистические наклонности, потому что я понимал, что в здании государства есть и подвалы, в которых живут бедняки, безработные и заключенные. Осознание этого отправляло меня на фланг левых уже тогда, когда я в 1929 году поступал в Виленский университет им. Стефана Батория.

Государство проходило разные этапы, и в каждом ощущалась своя атмосфера. Лучшая, как мне кажется, пришлась на 1926–1930 годы. Это было время надежды, и обещания санации тогда

не звучали пусто. Затем наступил всемирный экономический кризис, который вызвал не только безработицу, но и сопутствовавшие ей явления, то есть страх потерять работу и повиновение требованиям предпринимателя. И так, прямо из обстоятельств кризиса, — в правую травлю второй половины 30-х годов.

Переломным моментом стала смерть Пилсудского в 1935 году. И я не могу сказать ничего хорошего о тех пилсудчиках, которые, как полковник Адам Коц, создатель Озона^[1], не подумали о том, какой ценой придется платить за битие в националистический и державный барабан. А это была цена не только затемнявшего умы пустословия и игры на ненависти ко всем «другим», но и цена «охоты на ведьм», распространившегося доноительства и шантажа.

Жеромский в свой «Канун весны» ввел фигуру Гаёвца, благородного мечтателя, который своим образом справедливой Польши пытается тормозить левое нетерпение молодого Цезария Барыки. Среди пилсудчиков таких визионеров было много, и для них, для всего лево-либерального крыла санации, то, что правительство соскальзывает в отечественный вариант фашизма, было трагедией. Но что они могли? Это выглядело каким-то роком.

С первого этажа не наверх, но всё-таки к отголоскам боев наверху я попал в 1937 году, как раз в год создания Озона. Я тогда работал в виленской студии Польского радио. На нашу студию был напечатан донос в «Малом дзеннике», органе Непокалянова^[2]. Виленский воевода, не желая быть заподозренным в том, что терпит на радио элементы, дружественные белорусам и евреям, потребовал уволить меня и моего коллегу Тадеуша Бырского. Что и было сделано. Но тут в дело вмешалось то, другое крыло пилсудчиков в лице вице-директора Польского радио Галины Сосновской. Она убрала меня из студии, но перевела в центр, в Варшаву. То есть я ничего не потерял, скорее приобрел. Начались несколько лет моего сотрудничества с Сосновской в ее Бюро планирования передач.

О Сосновской я уже писал (в «Алфавите Милоша»). Она осталась для меня одной из тех фигур, которые модифицируют мои суждения о межвоенном двадцатилетии. Потому что я думаю так: каждый человек попадает в какое-то историческое время, которого он не желал, которого не ожидал, и вынужден в нем действовать так, будто карты розданы и напрасно гримасничать, думая о лучших. Пани Галина (урожденная

Желеховская) сделала быструю и успешную карьеру. В ее руках было всё радио. В молодости ей выпало великое счастье: ее любимый вождь Юзеф Пилсудский победил, а родина, вопреки всякой вероятности, обрела и сохранила независимость. И она принадлежала к поколению той молодежи, от которой в начале независимости, после «ночи разделов», всё, казалось, зависело. Но ее трудолюбие, разум и способности («свое ремесло она знает отлично» — признавали даже ее враги), ее упорное служение — всё это не могло изменить ход событий. По своим взглядам она, думаю, была близка к Марии Домбровской, когда та в своей знаменитой статье клеймила заключение депутатов Сейма в Брест. Что — видя, к чему стремится Озон, — должна была сделать Галина Сосновская? Выйти в отставку? Или же остаться и в ежедневных столкновениях производить тормозящие действия? Глотать оскорбления, потому что, если бы никто не сопротивлялся, было бы еще хуже?

А мы, ее верное бюро, почему мы не ушли и не хлопнули дверью? Мы сидели за соседними столами с поэтом Юзефом Чеховичем. Пилсудчик, доброволец 1920 года, в своем отвращении к Озону он не уступал ни Сосновской, ни мне, ни Влодаркевич (муж которой, из спортивного отдела, был коммунистом), ни Адаму Шпаку, который, будучи евреем, находился под прямой угрозой. Может быть, Унцкевич и полонист Шульц не проявляли зримых признаков политического темперамента. Это обозрение нашего бюро дает понятие о том, как, должно быть, обстояло дело и в других странах, зараженных фашистской бациллой. Иначе говоря, я сам был частью того государства, которое пытаюсь показать. А что с моими социалистическими поползновениями? Когда ясно сознаёшь, что с запада — Гитлер, а с востока — Сталин, поищите умных.

Сосновской полагается памятник — прямо там, где она работала, у площади Домбровского. За ее негибаемость. Война, подполье, после войны арест и приговор в 1947 году — кажется, 12 лет, но по амнистии она вышла, отсидев семь, с подорванным здоровьем.

Если, говоря с человеческой стороны, суждение о том государстве усложняется, то, может, стоит заняться теми, кто был на самом верху, и счесть, что они хотели как лучше, но некоторых роковых вещей отвратить не могли. Величие Пилсудского озаряет его верных товарищей несмотря на все их ошибки и по контрасту показывает малость его противников. Однако его мечта не находила понимания даже среди его ближайшей гвардии, которая была склонна видеть в военных

действиях на востоке одно лишь желание вернуть бывшие границы Речи Посполитой. Но Пилсудский не был империалистом, и в своем замысле создания свободной и независимой Украины, связанной с Польшей союзом, он был искренен, и Белоруссии он хотел не для того, чтобы ее ополячить. Против него стоял не только польский национализм, но и история многих столетий, за время которых польский дух на т.н. кресах стал для местного населения синонимом языка и культуры землевладельцев. И сам он, должно быть, был человеком со множеством противоречий. Его поражение наступило рано, в 1921 году, когда он подписал Рижский договор.

Сохранить его наследие, не отложить его в ящик — такую цель полковники себе ставили, но действительность искажалась и искривлялась. Валерий Славек, один из ближайших к Пилсудскому людей, создал в 1928 году Беспартийный блок сотрудничества с правительством маршала Пилсудского. Значит, Славека можно считать образцовым «санатором»^[3]. Помню отчаяние на лице Галины Сосновской, когда 2 мая 1939 года полковник Валерий Славек совершил самоубийство. Она поняла это как политический акт, ибо Славек был известен тем, что жил Польшей и для Польши. Значило ли это, что он признал поражение правления санации? Или же, хорошо зная международное положение и состояние вооружений, не видел для Польши никакого спасения?

По мере того как я углублялся в чтение материалов к этой книге, некоторые фигуры того времени вырастали, и было бы несправедливо, если бы на них пала ответственность за все заблуждения и нелепости правящих кругов. Таким выглядит для меня Эугениуш Квятковский, создатель Гдыни и Центрального промышленного округа. Отнюдь не человек извне, с окраины или из оппозиции. Как раз наоборот, он сидел в самой сердцевине, будучи в 1935–1939 гг. вице-премьером и министром финансов. Мало того, он действовал в Озоне и произносил идеологические речи в том же духе. Так как же с ним? Инженер-химик, он был одним из тех, кто если уж занимался политикой, то как необходимым злом. Даже в некоторых шагах Квятковского проблескивает как бы загадка его личности, например в его разговорах с оппозицией или неудачной попытке примирить Пилсудского с Сикорским. Прагматик, он хотел делать свое дело и чтобы ему не мешали.

А Игнаций Мостицкий? Чтобы ученый, притом выдающийся, стоял во главе государства? Нормально ли это в Европе, так сильно привыкшей к профессиональным боям политиков за

власть? Заметим, что высший пост в государстве 13 лет, с 1926-го вплоть до поражения в 1939-м, занимал человек скромный, бескорыстный, добросовестно исполнявший свои обязанности, — таким он предстает в оставленных о нем свидетельствах. И я не знаю лучшего свидетельства о друге, чем биография Мостицкого, которую написал после войны Эугениуш Квятковский, живший тогда в Кракове, после тех лет, что он провел интернированным в Румынии, и возвращения в Польшу, где был назначен уполномоченным по делам Побережья, а потом его сняли с этого поста и даже запретили показываться на побережье, в Познани и Варшаве.

Мостицкий в той Польше был повсюду: на портретах в каждом учреждении, на государственных праздниках, в кинохронике, в газетах. Должность проглатывала его и заслоняла, так что, пожалуй, никто под ее слоем не видел живого человека. Говорят, в Швейцарии он сделал какое-то открытие, озон или что-то в этом роде, над этим посмеивались и ассоциировали с политическим Озоном. Меня могло бы заинтересовать, что он изучал техническую химию в том же самом Рижском политехникуме, что и мой отец, но до меня не дошли сведения ни об этом, ни о его дальнейшей учебе в Лондоне, ни о научной карьере во Фрибурге в Швейцарии. Известно было, что как раз в Швейцарии выдающимся ученым был Габриэль Нарутович [гидроинженер, профессор Технологического института в Цюрихе, первый президент независимой Польши; убит правым террористом. — Пер.], но Мостицкий? Между тем его открытия были весьма нешуточными, начиная с первого, позволившего получать азотную кислоту окислением азота из воздуха, благодаря чему он стал основателем мощной отрасли производства — промышленности азотных соединений. Проходили ли тогда дети в «государствотворческих» школах биографии знаменитых мужей, что-то вроде польского Плутарха? Сомневаюсь, но если бы так было, Мостицкий отлично подошел бы. По приглашению Львовского политехнического института он в 1912 году переехал во Львов и привез всю аппаратуру, подаренную благодарным Фрибургским кантоном. В 1916 году он учредил товарищество «Метан», которое преобразовал в Химический научно-исследовательский институт. В 1916-1918 гг. он построил завод «Азот» в Борах под Явожно. В 1922 году принял и запустил доставшийся от немцев завод по производству азотных соединений в Хожуве. На этом заводе его помощником был инженер Эугениуш Квятковский до того, как его назначили министром промышленности и торговли. Мостицкий получил за свои открытия и изобретения 29 заграничных и 26 польских патентов, опубликовал множество научных статей и докладов.

В молодости он принадлежал к «Зету»^[4], но в Лондоне стал социалистом, и этим временем датируется его дружба с Пилсудским, в которого он безгранично верил. Его кандидатуру на пост президента в 1926 году выдвинул Пилсудский.

Как пишет Квятковский, принять этот выбор было для Мостицкого тяжелой жертвой. И вот всё, чем стало сегодня для нас то государство, неизбежно связано с его личностью, он своим именем его удостоверяет, прежде всего, как тогда для меня, превратившись в марку, в банальность официальных обрядов. Он не был статистом — наоборот, он научился действовать убеждением, притормаживать, а главное, много молчать — и помогать своему другу Квятковскому в осуществлении его хозяйственных планов. И я передаю слово его другу: «Великий исследователь и ученый Ньютон утверждал, что каждый творческий ум, стремясь найти решение нового вопроса, должен мыслить об одном — без перерыва, без роздыха, без минуты передышки. Таким был Мостицкий как ученый, как организатор и как президент Речи Посполитой. Эта концентрация мысли и чувства на том, что в данный момент важнее всего, могла производить впечатление односторонности интересов и способностей Игнация Мостицкого. Однако это была лишь видимость, усиленная тем, что он не был склонен к личным излияниям. Он мыслил и работал, радовался и страдал в одиночестве. Судьба наградила его — как, впрочем, и его предшественников на посту президента — многими чувствительными ударами и трагическим финалом. На родине его осыпали инвективами и не перебирающим в средствах злословием. Всё это он переносил без единой жалобы, с достойным восхищения стоицизмом. Но катастрофу 1939 года он пережил тяжело и крайне горестно. Он старался спасти не себя, а несчастное отечество, его права, его достоинство, его целостность. В потоках оскорблений и инсинуаций никто не обращал внимания на адское превосходство агрессоров, которым тогда не смогли противостоять обладавшие намного большими ресурсами западные государства.

Игнаций Мостицкий умер уже после окончания войны и после того, как судьба Польши была решена, — 2 октября 1946 года. Он похоронен в безымянной могиле на кладбище Версуа под Женевой».

1999

Перевод Натальи Горбаневской

---

1. OZN (Лагерь национального объединения), или Озон — политическая организация, созданная после смерти Пилсудского и поддерживавшая авторитарные тенденции в государстве.
2. Непокалянов — резиденция польских францисканцев, издававших «Малый дзенник» («Малая газета») и «Рыцеж Непокаляней» («Рыцарь Непорочной»).
3. После майского переворота 1926 — обычное название деятеля санации, или партии Пилсудского.
4. «Зет» — подпольная молодежная организация, существовавшая до обретения Польшей независимости в 1918.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Как из рога изобилия посыпались культурные мероприятия, связанные с председательством Польши в Совете Евросоюза. Программа впечатляет. С июля по декабрь 2011 г. состоится свыше 1400 культурных событий. Среди них специальные проекты в девяти городах Польши, а также проекты, которые будут представлены публике в десяти столицах: Берлине, Брюсселе, Киеве, Лондоне, Мадриде, Минске, Москве, Париже, Пекине, Токио. За программу в Польше отвечает Национальный аудиовизуальный институт, за зарубежную программу — Институт Адама Мицкевича.

30 июня, в канун принятия Польшей председательства в Совете Евросоюза, а одновременно в честь столетия Чеслава Милоша, в бывшем усадебном комплексе семейства Милошей в Красногруде, возле польско-литовской границы, прошла «Европейская Агора» под покровительством ЮНЕСКО. Состоялись три «Агоры»: философов, поэтов и художников. В них приняли участие выдающиеся философы, художники и поэты, чтобы в духе книги Милоша «Родная Европа» обсудить вопросы единства в многообразной культуре Европы. Среди участников встречи — Зигмунт Бауман, Цезарий Водзинский, Михал Павел Марковский, Адам Загаевский, Марцелюс Мартинайтис, Алиция Рыбалко, Ирена Грудзинская-Гросс.

В этот же день в Красногруде в отреставрированных зданиях усадьбы открылся Международный центр диалога — уникальная в Европе площадка для исследования и распространения практики искусства межкультурного диалога.

Торжественная инаугурация польского председательства прошла 1 июля в Варшаве в Большом театре — Национальной опере, где была показана опера «Король Роже» Кароля Шимановского в постановке английского оперного режиссера Дэвида Паунтни.

«Король Роже», называемый «сицилийской драмой», имеет свои корни в путешествиях на юг, которые совершил перед Первой Мировой войной композитор, — в Италию, на Сицилию и в Северную Африку. Замысел оперы возник в 1918 г., во время встречи с Ярославом Ивашкевичем, который стал автором либретто.

А в Национальной филармонии состоялась предпремьера 3-й симфонии Павла Мыкетина, написанной специально к этому дню. Это музыка для симфонического оркестра и голоса, написанная на тексты о. Матеуша Костюкевича, с которым композитор сотрудничал, в частности, при создании фильма «Всё, что я люблю». Пятидесятиминутное сочинение, экспериментальное, вызывающее и выходящее за границы классической музыки, исполнили Симфонический оркестр Национальной филармонии под руководством Рейнберта де Леу и Ядвига Раппе (контральто).

В Королевском дворце в Мадриде к заграничной инаугурации польского председательства подготовлена выставка «Золотые времена Речи Посполитой. Сокровища и художественные коллекции». В торжественном открытии 1 июня приняли участие президент Бронислав Коморовский с супругой, король Испании Хуан Карлос и королева София.

Выставку подготовил Краковский национальный музей. В 11 залах Палаццо Реале показано 200 произведений искусства, отражающих историю Польши от позднего Средневековья до разделов. Главным экспонатом, несомненно, стала «Дама с горностаем» Леонардо да Винчи. Возле знаменитой «Дамы» можно увидеть групповой портрет Ягеллонов, выполненный в мастерской Лукаса Кранаха Младшего, портрет короля Стефана Батория кисти Мартина Кобера, обложку книги, вышитую в XVI веке королевой Анной Ягеллонкой, первое издание труда Коперника «De revolutionibus orbium coelestium».

Выставка в Мадриде продлится до 4 сентября.

Путешествие «Дамы с горностаем», одной из ценнейших картин польских собраний вызвало, как всегда, споры. Фонд князей Чарторыйских, владелец произведения, должен был преодолеть сопротивление краковского Национального музея, который осуществляет повседневную опеку над картиной. Последнее решение об отправке «Дамы» в путешествие было принято в апреле 2011 г. во время конференции, организованной министерством культуры и национального наследия в краковских Сукенницах. Произведение Леонардо да Винчи отправилось не на одну, а на три выставки, — после Мадрида оно будет показано в Берлине, а потом в Лондоне. Турне завершится только в феврале 2012 года. На этом заграничные вояжи, похоже, приостановятся. На апрельской конференции был подписан меморандум, в соответствии с которым «Дама» после возвращения с выставок не должна в течение 10 лет покидать Польшу.

Еще одна выставка, сопутствующая польскому председательству, — «Силезские сакралии. Готическое искусство. 1200–1550» в Силезском музее в Катовице — в связи с неожиданным решением Чехии оказалась скромнее, чем было запланировано. На ней предполагалось показать также редкости сакрального искусства Силезского музея в чешской Опаве, но экспонаты не прибыли в Польшу. Чешское правительство приняло решение о полном запрете вывоза за границу музейных объектов из Чешской Республики. Запрет стал следствием беспрецедентного «ареста» австрийскими властями трех произведений искусства из чешских собраний на выставке кубизма и футуризма в начале июня в Вене (в связи с конфликтом чешского правительства и некой швейцарской фирмы). Для выставки в Катовице было найдено «аварийное» решение: чешские экспонаты представлены в виде фотографий в масштабе 1:1.

Выставка проходит с 15 июня по 2 октября 2011 года.

Выставка под названием «Художники парижской школы из собраний Торунского университетского музея» проходит — во время каникул музея — в Гливице. На ней можно увидеть работы таких художников, как Леопольд Готлиб, Моиз Кислинг, Меля Мутер и Эугениуш (Евгений) Зак, творчество которых было вновь открыто и сегодня высоко ценится на мировом рынке искусства. Они составили неформальную группу художников-иностранцев, часто еврейского происхождения, прибывших в Париж главным образом из России и Центральной Европы и связанных в течение 1905–1939 гг. с парижским районом Монпарнас.

В главном конкурсе нынешнего, 36-го Фестиваля польских художественных фильмов в Гдыне приняло участие 12 новых польских кинолент. В состав международного жюри под председательством Павла Павликовского вошли, в частности, израильский режиссер Ари Фольман, создатель выдвигавшегося на «Оскар» «Вальса с Баширом», и американский писатель, эссеист и критик Уолтер Керн. Безусловным победителем фестиваля оказался Ежи Сколимовский. Его получивший уже в мире признание фильм «Essential Killing» награжден «Золотыми львами»; картина также отмечена премиями во всех главных категориях: за режиссуру, за операторскую работу (Адам Сикора), за монтаж (Река Лемгени, Мацей Павлинский), за музыку (Павел Мыкетин).

«Серебряных львов» получил молодой режиссер Ян Комаса за свой дебют в художественном кино — картину «Зал

самоубийц». Специальная премия досталась картине «Мельница и крест» Леха Маевского, дипломом отмечен «Черный четверг. Янек Вишневский убит» Антония Краузе.

«Платиновыми львами» за совокупность кинематографического творчества и влияние на польское киноискусство почтили Тадеуша Конвицкого и Романа Полянского. Ни один из них не получил, однако, премию лично. Тадеушу Конвицкому, которому 22 июня исполнилось 85 лет, вручили «Платиновых львов» в варшавском кафе издательства «Читательник», что было снято на пленку и показано на экране во время торжественной церемонии в Гдыне 11 июня. Роман Полянский не смог прибыть, вопреки утверждениям, не из-за протестов депутатов «Права и справедливости», а из-за занятости работой над новым фильмом «Carnage» («Резня»).

Большим проигрышем для итогов фестиваля в Гдыне оказался фильм Войцеха Смажовского «Роза». Картина, считавшаяся одним из фаворитов, получила лишь премию за главную мужскую роль (Мартин Добротинский), а также не относящуюся к регламенту фестиваля журналистскую премию — «за волнующий роман, который возвращает веру в любовь вопреки судьбе, за правдивое отражение важного эпизода истории Центральной Европы».

«Роза» в большей мере, чем «Essential Killing», заслуживала «Золотых львов», международное жюри не поняло этого фильма, — таково суждение присутствовавших в Гдыне кинокритиков и журналистов.

— Если член жюри из США чего-то не понимает, это абсолютно не наше дело. Этот фильм не призван покорить Америку. Он адресован здешнему многомиллионному зрителю. Для этого зрителя и работают наши кинематографисты, — заявил Тадеуш Соболевский из «Газеты выборчей».

Критик также разочарован тем, что жюри не сумело оценить весьма амбициозных предложений, которые представили на фестиваль самые молодые кинематографисты.

— При всем уважении, даже восхищении фильмом «Essential Killing», Ежи Сколимовский — это режиссер, которому после его мировых успехов не следует ни за что сражаться. Он не должен конкурировать с дебютантами, — считает Соболевский, по мнению которого «Сколимовского надлежит чествовать по-другому, как мастера».

Фильм Смажовского критика единогласно сочла потрясающим. Действие «Розы» разворачивается в 1945–1946 гг. на Мазурах. Заглавная Роза — здешняя, вдова немецкого солдата. От русских, а позже от поляков ей достается полная мера бед и страданий, ее многократно насилуют. О Розе заботится Тадеуш, поляк, бывший солдат Армии Крайовой.

— Это история людей, потерпевших крах, которые нашли друг друга под конец военной смуты, — сказал в интервью для портала «Culture.pl» Войцех Смажовский. — Рассказ о мазурах — этносе, который пал жертвой двух национализмов и был изничтожен, — разворачивается как бы мимоходом. Кем были мазуры в середине XX века, что их отличало? Польское происхождение, немецкое обучение, славянские обычаи, немецкая традиция, польские фамилии, немецкие имена, польский язык, немецкая письменность, славянская религиозность, евангелическое вероисповедание, аполитичность... Обо всем этом говорится в нашем фильме.

Будем надеяться, что недооцененная жюри «Роза», которую один из критиков назвал польским метафизическим вестерном, будет оценена прежде всего зрителями в польских кинотеатрах.

С 23 по 29 мая проходил Краковский кинофестиваль. В трех конкурсах оценивалось 87 документальных, анимационных и художественных фильмов, отобранных из рекордного числа заявок — 2,7 тысячи. На нынешнем, уже 51 м фестивале победителями стали: в международном конкурсе документальных фильмов — Войцех Старонь с фильмом «Аргентинский урок»; в международном конкурсе короткометражных фильмов — Кавех Теграни, режиссер фильма «1994»; в польском конкурсе — Марцель Лозинский за фильм «Тоня и ее дети».

Марцель Лозинский получил «Золотого Лайконика» за создание произведения, «объединяющего лучшие традиции польского документального кино с индивидуальной смелостью и критической проникновенностью». Его фильм «Тоня и ее дети» рассказывает историю детей, отправленных в 1949 г. в детский дом во Вроцлаве, после того как их мать, довоенная коммунистка, была арестована и обвинена в сотрудничестве с американской разведкой». Тоня отсидела в тюрьме пять с половиной лет. Это волнующая киноповесть о детях, чья судьба отмечена идейным выбором родителей.

В нынешнем году Дни литературной премии «Гдыня — Литературомания» (15–19 июня) прошли в специально

построенном по этому поводу Литературном городке Гдыни. Городок образуют четыре соединенных между собою сферических ангара. В современной обстановке, аранжированной под атмосферу кафе, в прекрасном окружении побережья и кораблей, во встречах с читателями приняли участие 50 прозаиков, поэтов, репортеров, авторов песенных текстов и критиков.

18 июня стали известны лауреаты литературной премии Гдыни.

В соответствии с традицией, названы лауреаты в категориях «проза», «поэзия» и «эссеистика», а кроме того Гдыня вновь избрала лауреата «Особой премии». Назовем соответственно имена лауреатов: Юстина Баргельская, Эва Липская, Стефан Хвин, а также Анджей Сосновский. Капитул премии считает качество одним из главных критериев оценки. И второй раз подряд (!) отмечена Юстина Баргельская, которая после премии за стихи на этот раз услышала множество комплиментов своему прозаическому творчеству — роману «Обsoleteчки». В категории «поэзия» премию «Литературный игровой кубик» из рук президента Гдыни Войцеха Щурека получила Эва Липская за сборник «Отклик». Первый раз в истории премии в числе победителей оказался и представитель Тригорода. Признание жюри завоевало эссе профессора Стефана Хвина «Самоубийство как опыт воображения». «Особая премия», которая присуждается нерегулярно, на этот раз отдана Анджею Сосновскому в знак восхищения его поэтическими свершениями, в особенности в последнем сборнике «Poems».

В Лодзинской филармонии со 2 по 5 июня проходил очередной фестиваль «Петр Андершевский и друзья». Кроме самого Андершевского, харизматического пианиста польско-венгерского происхождения, выступили приглашенные им музыканты — менее известные, но также незаурядные с артистической точки зрения. Петр Андершевский заявил о полугодовом перерыве в выступлениях. Он попрощался с публикой в лодзинском дворце Хербста. В программе выступления были клавишные сюиты Иоганна Себастьяна Баха. Небольшой концертный зал вместил всего лишь около ста слушателей.

2 июня отмечалось шестидесятилетие знаменитого саксофониста Генрика Мискевича. В юбилейном концерте в варшавском театре «Полония» приняла участие целая плеяда джазовых музыкантов, среди них Анджей Ягодзинский, Анна Мария Йопек, Роберт Маевский, Мартин Василевский, а также

оркестр «Sinfonia Viva» под управлением Томаша Радзивоновича.

— Мискевич — в числе трех самых выдающихся наших саксофонистов, наряду со Збигневом Намысловским и Томашем Шукальским. Это музыкант европейского класса. Его игру характеризует красивый звук и прекрасная техника, — сказал о юбиляре Павел Бродовский, главный редактор журнала «Джаз Форум».

Прощания

24 мая в Тарнове покончил жизнь самоубийством Эдвард Жентара, популярный актер театра и кино, режиссер и театральный директор. Ему было 55 лет. Последние три года он был директором тарновского театра имени Людвика Сольского.

Популярность принесла ему роль реставратора церковной живописи и каратиста в «Карате по-польски» (1982) Войцеха Вуйцика. Он снялся также в фильме Феликса Фалька «Был джаз» и в поэтической «Шехерезаде» Витольда Лещинского. Был отмечен премией им. Збигнева Цыбульского и премией «Золотая утка» как лучший польский актер 1986 года. Последние его роли — в сериалах «Л как любовь» и «Волна преступления». Он говорил о себе: «Физически я силен, а психически, увы, слаб».

29 мая в Варшаве в возрасте 87 лет умерла Кристина Скушанка, режиссер и директор театров. С 1955 года она вместе с мужем, Ежи Красовским, создавала Народный («Людовый») театр в Новой Гуте, который благодаря их многолетним усилиям стал одной из лучших драматических сцен Польши. Кристина Скушанка специализировалась на постановке романтических драм. К ее лучшим режиссерским работам относятся «Балладина» (1956), «Серебряный сон Саломеи» (1967) и «Лилла Венеда» (1973) Словацкого, «Буря» Шекспира (1959), «Дзяды» Мицкевича (1962), «Свадьба» Гомбровича (1975), «Акрополис» Выспянского (1978). Ставила спектакли также в Телевизионном театре.

6 июня в катастрофе легкого самолета в Испании погиб Стефан Курилович, один из самых крупных польских архитекторов, многократно отмеченный премиями в Польше и за рубежом. Ему было 62 года. Курилович — автор проектов торговых, офисных и промышленных зданий, а также многоквартирных домов, жилых районов. Человек Ренессанса, автор выдающихся проектов, которые изменили современную польскую архитектуру, мастер, умеющий передавать свои знания

другим, — так вспоминают Стефана Куриловича польские архитекторы, друзья и ученики.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ В «МЕМОРИАЛЕ»

17 июня 2011 года в Москве, в офисе общества «Мемориал» на Каретном ряду состоялся юбилейный вечер Натальи Евгеньевны Горбаневской. Для любого неравнодушного к истории и культуре нашей страны человека это имя не нуждается в определении. Поэтесса, переводчица, одна из зачинателей правозащитного движения в СССР, первый редактор «Хроники текущих событий», участница демонстрации на Лобном месте на Красной площади 25 августа 1968 года против введения в Чехословакию советских войск...

26 мая этого года ей исполнилось 75 лет, и вечер был приурочен к этой дате. Наталью Горбаневскую чествовали ее коллеги по правозащитному движению, друзья, читатели, поклонники таланта. Юлий Черсанович Ким исполнил для виновницы торжества некоторые свои песни.

Впрочем, глядя на Наталью Евгеньевну, решительно невозможно говорить о возрасте, разве только о мудрости... Искромётный темперамент, творческая плодовитость, способность остро реагировать на любую несправедливость, наконец, потрясающее личное обаяние нередко приписывают юности. Между тем эти качества присущи Наталье Горбаневской в полной мере. Кстати, в этом году исполняется еще и 55 лет ее литературной деятельности.

Зал был полон. Среди гостей оказалось немало известных людей, например, Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин, поэтесса и радиоведущая Нателла Болтянская, писательница Людмила Улицкая, член политсовета партии «Яблоко» Григорий Явлинский...

Вел вечер председатель правления Международного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» Арсений Рогинский.

Наталья Горбаневская представила свои новые книги — «Прозой: о поэзии и поэтах», «Прильпе земли душа моя».

Первое из упомянутых изданий — это сборник статей, рецензий, заметок, интервью 1970-х — 2000-х годов. Автор процитировала из него две статьи: о поэте Василе Стусе и диссиденте Анатолии Марченко — политзаключенных советских времен — и об Александре Галиче.

Потом зазвучали стихи. Старые, давно любимые читателями, и новые.

Юлий Ким, певший в подарок Наталье Евгеньевне, предоставил ей право выбирать произведения для исполнения. Среди прочих песен бард исполнил — от лица Леонида Ильича Брежнева — и, как он сказал, «пророческую»:

*«Доставай бандуру, Юра,
конфискуй у Галича.
А где ты там, цензура-дура?
Ну-ка, спой, как давеча.
Эх, раз, еще раз,
еще много-много раз,
еще Пашку,
и Наташку,
и Ларису Богораз!»*

Как напомнил Юлий Ким, эти строки были написаны им в начале 1968 года, а в августе «повязали и Пашку [Павла Литвинова], и Наташку [Наталью Горбаневскую], и Ларису Богораз».

В заключение официальной части вечера Арсений Рогинский преподнес Наталье Горбаневской ее портрет, после чего гости продолжили общение в неформальной обстановке.

Вера Васильева, HRO.org

Редакция «Новой Польши» присоединяется к поздравлениям и желает юбиляше всего самого наилучшего.

ПОЛЯКИ В МОСКВЕ: УРОК СОЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА

Программа польского сценического авангарда на «Золотой Маске» во всю мощь развернула перед столичной публикой парадоксальную, порой перверсивную красоту, гуманитарные смыслы, возникающие на контрапункте, через отрицание, и «фирменный» отрицательный заряд важнейшего из восточноевропейских театров сегодня. Польский авангард, вбирающий в себя и собственное историческое наследие, и национальную оторопь от резкого поворота на Запад, и переосмысление культурных мифов, полон сегодня сарказма и отчаяния, депрессии и насилия, сексуальной свободы, доведенной до отвращения, и самых тяжелейших психозов. Он явил Москве уже не столько эстетический радикализм (к нему привыкли), сколько палитру тем, к которым российский театр — ни традиционный, ни поисковый — не прикасался ни разу. Спектакли Варликовского и Люпы, Яжины и Клечевской, отрицающие театр-развлечение, приходят к идее спектакля-диспута и дискуссии, даже лекции — о современности, о выживании, о глубоких сомнениях современного человека в его ценностной линейке. Многие в этих разговорах — абсолютно табуированная территория для русского театра. И дело состоит не только в телесной раскрепощенности польских артистов, не в непременной гомоэротической эстетике и даже не в эстетике безобразного, а в том, что польский театр совершенно садистичен по отношению к себе и своей публике: он говорит на такие болезненные темы, что каждый спектакль можно было обвинить в намеренном введении в состояние эмоциональной подавленности. Уже совершенно точно можно сказать о том, что Польская программа стала одной из важнейших точек внутри самого крупного российского фестиваля «Золотая Маска», крупнейшим событием московского сезона и окажет колоссальное влияние на молодой режиссерский цех и смысловые нагрузки будущих российских спектаклей. Польский театр принес новые темы, дискуссионное поле, начал мучительный разговор о трагедиях современного человека. Российский зритель, очень неплохо принявший польский авангард, наконец-то устал от монотонной ностальгической, чересчур «культурной», обращенной в прошлое, моральной интонации русского театра,

говорящей в большей степени о том, как надо, нежели о том, что есть на самом деле.

«Т.Е.О.Р.Е.М.А.Т.» Гжегожа Яжины, TR Warszawa

Ученик Кристиана Люпы Гжегож Яжина, поставивший сценарий Пазолини «Теорема», говорит ни много, ни мало — о кризисе капиталистических ценностей, доведших Европу до потери смысла жизни, воли к жизни, до социопатии. Россия уже лет двадцать живет не в условиях плановой экономики, но, наверное, единственным (!) спектаклем, рассказавшим публике о кризисе капитализма, об отторжении культа денег, престижа, благонамеренности стали недавние «Будденброки» в Российском молодежном театре (режиссер Миндаугас Карбаускис). Разочарование в капитализме, отпор рекламным и торговым манипуляциям, разрушение культа карьеры и позитивных ценностей — область неизведанного для российской сцены. Видимо, все довольны. И зритель доволен реальностью, и художник тоже. Так, по крайней мере, можно судить о времени по состоянию сцены.

Интересно, что, критикуя капитализм и нормативы Евросоюза, Гжегож Яжина целиком и полностью «сворачивает» на территорию ближайшего западного соседа. Эстетически польский театр сегодня во многом уходит от национального к интернациональному. Эстетически это выглядит как разворот на 180 градусов: от русского психологического театра и театрального наследия Польши (Люпа и ученики Люпы всегда мыслили себя как оппозиция доктрине Гротовского) — в сторону немецкого формата. В «Теореме» мы видим воочию кодекс немецкой сцены: чистый, светлый павильон с прямыми линиями, матовый паркет, дизайнерская мебель конца 60-х годов, деревянные панели, эргономичность пространства. Соответствующая актерская игра — сухая, сдержанная, обозначающая. Минимум текста, на который всё равно не ложится основная действенная сила зрелища. Протяженность, длительность как художественный принцип; внезапные скачки ритма и охлаждение. Затемнения и резкие вспышки «внутреннего», «естественного» света. Молчание, скрип половиц, непрерывные звуки минималистской музыки, волнами накатывающие и атакующие наше сознание.

Спектакль Яжины следует логике фильма Пазолини и в чем-то заимствует его эстетику: в какой-то момент на сцене появится польский артист, пародирующий любимого артиста Пазолини Нинетто Даволи. В семью миланского фабриканта, мучающуюся от безделья, бессмыслицы, отсутствия

коммуникации и вялого существования, приезжает Посетитель и легко соблазняет всех вокруг, не разбирая пола и возраста. Эротическая сила в главном герое для коммуниста, гомосексуалиста и проповедника Пазолини есть та социально-религиозная стихия, которая в мощнейшем ударе кулака по буржуазии и капитализму сметет бессмысленность существования «вегетативной», растерявшей либидо и волю к власти Европы. Европы, от которой остались только культ денег и комфорта, мертвые музейные ценности и лживая семейственность, преемственность, суть которой — в капитализации и передаче недвижимости. И семья действительно рушится, неспособная выдержать сексуальной агрессии, как насекомое, умирающее после совокупления, отдав свой биологический материал будущему, исполнив миссию.

И если в фильме Пазолини конца 60-х мир буржуазной семьи хотя бы красив, изящен и грустен в своем ожидании гамма-самца, то в спектакле 2009 года у Яжины семья словно бы изначально тронута вирусом саморазрушения: ходят как сомнамбулы, наслаждаясь собой, подолгу красуясь перед зеркалом, красясь, прихорашиваясь. Причесывание, маникюр занимают кучу сценического времени, превращаясь в бесплодный бессмысленный ритуал. Половозрелый сын фабриканта аутично, вяло клеит модель самолетика, который никогда не взлетит. После совокупления с Посетителем он будто бы обретает самого себя, пытается сублимировать пробужденное либидо в творчестве: неистово рисует бессмысленную картину, затем, недовольный результатом, красит ее щекой, головой, волосами и затем остервенело уничтожает, орошая полотно мочой. Всё бессмысленно и бесплодно. Дар, данный Посетителем, невозможно применить. Дав семье немного счастья, он убивает ее.

Гжегож Яжина показывает, как страшен бездуховный, утилитарный мир без идей и мечтаний, без трансцендентного, как бедна и бесприютна материя, изящная и комфортная, но холодная и неживая. Последнее желание перед смертью цивилизации — стать рабом желания, полностью подчиниться воле любовника-разрушителя, «поимевшего» всех до смерти, заменяющего их пустоту неутолимым либидо. «Что может заменить нам смысл жизни?», «Как я могу жить в такой пустоте?» — вопросы семьи к самой себе повисают в воздухе, на них уже некому отвечать.

Режиссер не смог обойтись в театре без известной доли дидактики, свойственной современному немецко-польскому

театру. И здесь не обошлось без лекций и моральной проработки. Когда кончается сюжет Пазолини, на видеоэкране появляются польские старики, которые говорят о прошлом, с очевидностью — о социалистическом прошлом. Самое важное в этих диалогах: у стариков еще сохранились вера и смысл, чувство истории и чувство потери, которую эта история принесла. Их мир полон событий и чувства утраченного, они до сих пор верят в чудеса и видят своих «мертвецов». Прошлое руководит ими, командует. Это контрапункт ко всей истории семьи.

Действие с двух концов обрамляет пресс-конференция фабриканта, который в деловом стиле отвечает на метафизические вопросы. Перед началом истории фабрикант умеет объяснить всё: культура подстроилась под капитализм, стала частью рынка, общество превратилось в толпу потребителей, элита презирует плебс, а Церковь возможна лишь как инструмент регулирования толпы. «Вы верите в Бога?», — кто-то задает вопрос. «Не понимаю вопроса», — отвечает коммерсант. По завершении спектакля фабрикант, также соблазненный Посетителем, уже не так изящен в своих речах: уверенность покинула его. «Мы сбились с пути, — несколько раз повторяет он. — Мы не можем проснуться».

Депрессивный дух польского спектакля очевиден и оправдан. Яжина фиксирует состояние восточно-европейского общества, зависшего между резкой капитализацией и интеграцией в Евросоюз и не менее резкой утратой идентичности. Ощущая себя в состоянии полета в пропасть, польское общество через театр рискованно и смело осмысливает само себя, не стесняясь быть мрачным и строя какие угодно печальные прогнозы.

«(А)поллония» Кшиштофа Варликовского, Новый театр, Варшава

Пятичасовая «(А)поллония» Кшиштофа Варликовского — без преувеличения вершина европейского театра. Не просто спектакль на тему, но эпическое полотно, заключающее в себя множественный опыт, который прошла культура и цивилизация за несколько веков. Поразительно умение Варликовского, не забывая сценического действия, вести нить рефлексии и саморефлексии, и отталкиваясь от тех историй, которые он рассказывает, и забывая о них насовсем. Философское, культурологическое образование, обучение в цитадели польской учености — Ягеллонском университете — не прошло для гения мирового театра даром. Как и всё творчество Варликовского, этот спектакль — чистосердечное страдание, мучение и для режиссёра, и для зрителей, которых

принуждают ощущать катастрофу Второй Мировой войны как психоз, незарастающую рану. Проблема польского мученичества и мучительства, Катастрофы и вины поляков перед евреями, равным образом и вины всех перед всеми, вины как первородного греха не даёт Варликовскому успокоиться, остепениться; с упрямой последовательностью он изучает феномен вины от первого своего спектакля до последнего. Варликовский снова и снова задает важнейшие вопросы: какова глубина дегуманизации мира, как духовно существовать человеку, как заниматься творчеством — после Аушвица, Майданека и Треблинки. Что есть человеческий подвиг, подвиг жертвы? И что есть желание убивать, как не естественная потребность, способная пробудиться в любую минуту истории под воздействием идеологии? Почему человек находит в себе силы убивать, как оправдывает это? Послевоенный синдром — это комплекс Варликовского, отправная точка его театра. В «(А)поллонии» мы видим уже не искусство, это сеанс психоанализа, «разрабатывание» психозов режиссёра, которые тот буквально желает навязать зрителю, заставить того разделить с ним этот комплекс вины. Пока человечество не разгадает феномена массовых убийств Второй Мировой, оно не имеет права жить спокойно, с комфортом. «(А)поллония» заставляет зрителя мучиться, задавать самому себе вопросы, страдать от укоров совести; это искусство, которое выворачивает тебя наизнанку. Навязчивое, липкое искусство.

Современный театр поражен постмодернистским вирусом иронии, сарказма. Там, где звучит пафос (неважно, у Шекспира или у Вырыпаева), современный театр тут же дает сигнал иронии: не пора ли усомниться? Пафос, выпренность сбивается на корню, уничтожается и высмеивается. Это свойство нового театра постепенно становится его пороком. Ирония заменила нам потребность в возникновении новых смыслов и идей. Кодекс постмодернизма, в тисках которого по-прежнему существует современная культура, заставляет иронически переосмыслять весь корпус культуры. Весь вопрос в том, откуда произрастет новая серьезность, новое позитивное мышление. Где явится тот пафос, та идеология, которые уже невозможно будет высмеять. Варликовский пытается найти выход, победить этого уробороса нового театра, который ироническим жалом кусает сам себя за хвост.

У спектакля странное название. И Аполлония, и Аполлон, и Полония, то есть Великая Польша. Соединяя в спектакле античные мифы и современную историю, Варликовский разрабатывает новейшую мифологию, легендаризирует ее. Центральная история трилогии — о польской женщине,

которая укрывала евреев от нацистов в Варшавском гетто. Безрезультатно: и сама погибла вместе с семьей, и евреев не спасла. Варликовский противопоставляет полячку Аполлонию Машинску двум античным героиням — тем, кто добровольно положил жизнь за то, чтобы жили другие: Алкесте, жене Адмета, той, которую Геракл извлекал из Аида, и Ифигении, принесенной Агамемноном в жертву Троянской войне.

Варликовский говорит о новом сознании современного героя: если судьбами античных персонажей руководят боги и идеи, то судьбой современной героини, которая потерпела крах, не руководит больше нечто идеальное, нечто возвышенное, нечто, что можно обозначить словом с большой буквы. Аполлония Машинска живет в мире, где нет ни богов, ни героев, ни ценностей, ни идеи спасения. В ней пробуждается иррациональный инстинкт человечности, в котором Варликовский видит весь смысл этой истории. В мире тотальной дегуманизации он обнаруживает последний ресурс человечности, который «включается» даже тогда, когда это противоречит инстинкту самосохранения.

Варликовский называет его виной. В «(А)поллонии» он говорит о том, что человек без чувства вины и чувства греха не может считаться человеком интеллекта, человеком в высоком смысле слова. Нас от зверя отличает чувство вины. Культивирование чувства вины — это путь к самосовершенствованию.

Нам в России, где комплекс переживания Второй Мировой войны навсегда окрашен в пафосные, монументальные интонации советской идеологии, трудно себе представить, что какая-то новая информация о Второй Мировой войне может «обновить» наши эмоции по отношению к главной трагедии новейшей эпохи. Они и так сильны, но крайне сложно к этой легенде добавить нечто новое, как невозможны дополнения к Священному Писанию. Варликовский снова и снова говорит о катастрофе, словно боится, что до кого-то не достучится. Устами своих героев он буквально орет об этом в микрофон, пытаясь пробудить самосознание.

Варликовский заставляет расшевелить миф о Польше как о несчастной жертве мировых войн. Он говорит о том, что Польша была и агрессором, и автором, палачом Треблинки и Майданека. О том, как вели себя поляки по отношению к трагедии Варшавского гетто. О том, как в том числе и польскими руками была сотворена трагедия Катастрофы. Варликовский до болезненности культивирует вину человечества за трагедию Второй Мировой, вину каждого человека, смолчавшего, не сопротивлявшегося, или вот теперь

— человека забывающего. Вина за Вторую Мировую — это как первородный грех в христианстве — несмыываемый, тот, что разделен навечно и на всех.

Для сравнения вспомним о нас. Говорит ли российский театр о подобных вещах? Заговорил ли он хотя бы однажды о том, что роль СССР во Второй Мировой войне не слишком хорошо укладывается в рамки амплуа жертвы? И правы ли те современные российские политики, которые сегодня бесчисленным количеством «гражданских акций» присваивают себе ту победу, в очередной раз громко крича о презумпции «всепобедности» русского воина? И не заложены ли в этой пропаганде семена новых, еще только готовящихся сражений?

Сцена — узкая, очень длинная (метров сорок) полоска. Типичная для европейского театра атмосфера (художник Малгожата Щесняк) железнодорожного вокзала — кафель, кожаные красные диваны, туалетная комната, мини-сцена, видеоэкраны, усиленный свет, столики, стульчики.

Первая сценка — из жизни детей-беженцев в доме Машинской. Дети в щёлку видят белку, хотят играть с ней, просят наружу. Мама говорит: «Что там, на улице, вообще может быть интересного? Что там стоит увидеть?» Эти простые слова обретают в этом контексте особый смысл: всё меньше интереса к реальности, всё меньше и меньше поводов связывает современного человека с действительностью. Действительность, где война не завершается ни на секунду, кошмарна. Точно так же, в семейном кругу, начинается история Ифигении. Девушка в белом платье радуется башмачкам, подаренным ей отцом, семья обедает, Агамемнон должен объявить за этим обедом свое решение. Он сообщает его и уносит Ифигению (Магдалена Поплавская) под мышкой, как воин — безропотную жертву.

Идейный мессидж Варликовский выкладывает зрителю в виде лекции Агамемнона, государственного деятеля, у которого не достаёт милосердия и гражданственности для трагедии частного человека, для личного горя. Он меряет десятками и сотнями. Жестокая ирония заключена в его словах — сказанных о вине, но сказанных убийцей. Громко в микрофон, как рок-фронтмен, Агамемнон (Мацей Штур) говорит о том, что в войне обыватель теряет самое простое право — право жить. Но гораздо страшнее, когда у него отбирают право не убивать. На войне ничто не может избавить от необходимости убивать. Что в этот момент происходит с сознанием нормального человека, вынужденного убивать, чтобы

оставаться живым? Может ли это сознание «остановиться» в мирное время, а не переносить законы войны в бытовой, семейный террор?

Варликовскому нужен античный миф для того, чтобы объяснить современному человеку, что необходимость убивать — химера высшей идеологии, от которой человек всё еще может отказаться. Агамемнон убивает дочь Ифигению, а Клитемнестра убивает затем Агамемнона — потому что к этому решению их подводит система античных духовных ценностей, религия, свод нормативов внутри общества, веление богов. Эта античная «духовность» для современного человека лишена силы, но, тем не менее, три истории, рассказанные Варликовским, объединяются причинно-следственной связью: во всех трех историях убийцы руководствуются верой в то, что убийство справедливо, оправдано их системой ценностей. Варликовский размышляет над вопросом о том, что такое общество военного режима, где убийство признаётся оправданным, становится атрибутом и основой чаемой гармонии. Духовно томимое человечество на самом деле вечно ищет это право убивать, обоснование для убийства, «утвержденное» некоей высшей субстанцией, неким судом высшей справедливости.

Показывая смерть Ифигении, Варликовский демонстрирует, что значит потерять одного человека, пережить семейную драму. Агамемнон в микрофон орет цифры. Во Второй Мировой войне уничтожено 26,6 миллионов человек. 18 772 человека в день. 13 человек в минуту. За 4,6 секунды умирал человек. И Агамемнон в тишине зрительного зала дает каждому возможность испытать эту математику на себе: показывая пальцем в зал раз в пять секунд — ты умер, ты, ты, ты.

Убивает не человек как таковой, убивает сама уверенность, откуда-то взявшаяся, что убивать можно и нужно. Целая античная культура, весь корпус ее великой драматургии, от «Орестеи» до «Медеи», существует ради того, чтобы показать наглядно: как справедливо убивать, как оправдать право на убийство. Орест говорит: «Бог повелел мне убить мою мать». Бог руководит нашими действиями, и мы подчиняемся. Что такое сегодня это руководство, на чем сегодня основываются те же мифы, которые заставляют убивать? Где в современной культуре находится право на справедливое убийство, которым руководствовались агрессоры Второй Мировой? Национальная идея? Идея превосходства наций и рас? Здесь Варликовский вступает на территорию культуры денацификации, которую приняла современная Германия. Варликовский говорит о

недопустимости больших слов с больших букв. Именно они, эти столпы нравственности и духовности, заставляют убивать.

Причина психоза Кшиштофа Варликовского — в истории Треблинки и Майданека, концентрационных лагерей, где палачами работали поляки, не немцы. Варликовский говорит о «вкладе» Полонии в Катастрофу: в Треблинке под Варшавой было убито восемьсот тысяч польских евреев.

Поляки не знали, что происходит у них под боком. Опрошенные свидетели, соседи, жившие неподалеку, признавались в полном неведении. Во время войны у частного человека отнимают право не убивать. Но беда в том, что у них никто не смог бы отнять права знать. Поляки захотели и предпочли не знать. Игнорирование — это механизм смерти, механизм убийства. Нельзя, преступно не знать, не думать, не догадываться, не размышлять, а для нас, сегодняшних, — не помнить, не испытывать чувства вины. Не мы совершили грех, но вина целиком в нас. Мы рождаемся с ней. И только это болезненное культивирование вины совершенствует человека. Варликовский обвиняет целое поколение поляков в игнорировании ужасов войны. «Шли как бараны на бойню». Что нас делает такими, бесчувственными и готовыми убивать и умирать в неведении? Жир евреев, сгоревших в печах Треблинки, переплавляли на мыло, а из волос делали парики. И тем, и другим пользовались поляки во время оккупации Польши. Не зная, не ведая. И когда мы говорим, что не хотим этого видеть, не хотим этого помнить и осознавать, мы убиваем их еще раз. И мораль наша остается непогрешимой. После Второй Мировой войны никто не имеет права чувствовать себя моральным. Только культивирование чувства вины может спасти нас от чувства морального превосходства.

Рассказывая о судьбе Аполлонии Мащинской, Кшиштоф Варликовский не менее ироничен, чем в рассказе о героях античности. Действительно ли добровольная жертва спасает мир? «Кто спасет одного, тот спасет весь мир», — сказано в Талмуде. А в случае с Аполлонией, которая пыталась спасти 25 евреев, но не спасла ни себя, ни детей своих? Что такое тогда эта жертва?

Опасные и острые, неразрешимые вопросы еще сильнее обостряются в другой сцене. Варликовский театрально восстанавливает церемонию в Израиле, где чудом спасшийся сын Аполлонии Славек (Марек Калита) получает за мать премию. И сын против премии, отказывается от нее. Война продолжается. Во время телеэфира, ведущий которого показан безобразным клоуном, делающим из человеческой трагедии

шоу, идет еще одна война. На шоу впервые видятся Славек и Ривка (Эва Далковская) — единственная спасшаяся из детей, которых укрывала Аполлония. Ривка долгое время молчала, но, если бы не ее признание, о подвиге Аполлонии никто бы не узнал. Славек призывает Ривку к покаянию, просит повиниться за смерть матери. Война продолжается. Ривка рассказывает, как дети были вынуждены удушить плачущего ребенка, чтобы спасти себя.

Кшиштоф Варликовский создает спектакль из комка противоречий. Он порождает только вопросы, он не дает ответов, он призывает ощутить персональное чувство вины за всё. Варликовский размышляет о том, как заново поверить в человека, как восстановить право на человечность.

На спектакле Кшиштофа Варликовского думаешь о многом. Но одна мысль порождает комплекс вины, вызывая стыд совсем иного плана. Задаёт ли русский театр хоть в каком-нибудь его сегодняшнем проявлении столь высокую планку культурологических и историсофских размышлений? Можем ли мы что-либо сказать о гражданской позиции нашего театра? Может ли наше общество быть благодарным театру за то, что тот попытался разубедить нас в непогрешимости нашей самоидентификации как народа-жертвы? Или хотя бы попытался преодолеть могучий и непоколебимый страх самоиронии?

«Персона. Мэрилин», реж. Кристиан Люпа, Театр драмы им. Густава Голубека, Варшава

Спектакль Люпы — театральная магия, смелость, риск и сумасшедший труд мученицы-актрисы на сцене. Это повествование о том, как масс-медийная культура выжигает личность, как нарочито создаваемая слава парализует человека, парализует артиста в человеке. Как умирает, мучаясь в агониях совести и бессилия что-либо изменить, кумир поколений, а по сути сама жизнь, ее воплощение, ее символ в сознании масс. Мэрилин — образ витальный, жизнеутверждающий. Какой бы ни была личность кумира (а Люпа вполне себе фиксирует в традициях документального театра все пороки и мнимые прелести стиля жизни Монро), важно лишь то, что кумир олицетворяет. В данном случае — вечную женственность, ее реинкарнацию середины XX века. Спектакль, который мы видим, — это тризна по этой «вечной» женственности, похороны красоты. Какой бы аморальной она иным зрителям ни казалась.

Спектакль «Персона. Мэрилин» — это часть цикла, который задумал Кристиан Люпа. Спектакли о фальшивых пророках XX века, об их смерти, приобретающей какое-то серьезное значение для истории культуры. Сперва была пронзительная восьмичасовая «Фабрика 2» об Энди Уорхоле — человеке, «которого нет», которого играет свита, изобретающая из него целый культ. Но и о поколении, патологически зависимом от необходимости фиксировать свою жизнь на пленку, о поколении эксгибиционизма. Затем был поставлен спектакль о Мэрилин, а в феврале 2010 года вышла новая работа — о менее известной в России Симоне Вейль. И как пролог к этой трилогии — спектакль о Заратустре, где пред очами больного, старого Ницше предстает наглядное воплощение его бесчеловечной, немилосердной теории Сверхчеловечества. Люпа показывает наш век как век, ушедший от подлинности в сторону, век, заблудившийся в тупиках философии и идеологии. XX век по Кристиану Люпе — век фальшивых пророков вовсе не потому, что были другие, которых не послушали. Сарказм Люпы заключается в том, что других, собственно говоря, у нас и не было — нет спасителя среди нас. Люпа смеется над культурой апокалипсиса, идущей путями не свершений и завоеваний, а разочарований и отчуждения. Но и, вместе с тем, Люпа как выдающийся театральный мыслитель прозревает остатки великих идей — Красоты на теле Монро, Артистизма на теле Уорхола, Рефлексии на теле Вейль. Отрицая их, он утверждает, верует в то, что важно не то, чем человек является, а то, о чем в конечном итоге благовестит.

Кристиан Люпа наблюдает за своими подопечными только в день смерти — в день, когда к моменту икс сходится всё, всё бытие. Цветок раскрывается перед самой гибелью, распуская перед нами свое прощальное сияние.

Мы видим Мэрилин Монро в заброшенной студии Чаплина, в которой она скрывается от продюсеров Голливуда, чтобы побыть наедине с собой и заняться делом — Мэрилин работает над ролью Грушеньки в «Карамазовых». Люпа фиксирует жесточайшую реальность XX века — неспособность человека быть одиноким, оставаться наедине с собой, быть неуловимым, нефиксируемым анонимом. В глазах кумира Мэрилин Монро Люпа замечает самое важное — тоску, вызванную физической невозможностью сосредоточиться на самой себе.

Мэрилин репетирует Грушеньку с режиссером Паулой Миллер, и это не столько работа над ролью, сколько миссия для обретения самой себя, для возвращения к себе. Играя роль, Мэрилин реабилитируется, восстанавливает личность.

Спектакль Люпы — о героической битве за самоидентификацию. Глянцевая дива, персонаж светской хроники, «всеобщая» любовница старается остаться актрисой и женщиной. Режиссер внушает ей мысли о том, что «Ты сейчас популярнее Христа», а она думает о том, что ее вызывают к долгу нечто сказать человечеству на правах кумира. Она всеми силами прорывается к серьезному, осознавая пустоту внутри себя. Это прощальная попытка отказаться от образа, навязанного ей всепожирающим масс-медиа. «Митя, зверь я, вот что. Я молиться хочу» — эти слова Грушеньки оказываются исповедальными для Мэрилин сегодня, пред ожиданием смерти.

Мы видим Мэрилин в будничном. Наркотики, антидепрессанты, виски, резкое недовольство своим телом — это период полураспада. Агония сосредоточения, подгоняемая психотропными препаратами. Фактически мы видим абсолютное ничто: известное, растиражированное лицо размыто, превратилось в импрессионистский «обморок сирени»: краска потекла, отёки, слёзы, алкогольная одутловатость. Мэрилин как человек «вся вышла», истратилась. Публичность превращает человека в ничто, личность высосана, выедена глазами кинокамер. Мэрилин хочет сыграть Грушеньку и не может ее сыграть, потеряв индивидуальность. Маске крайне сложно сыграть человечность.

Фантастическая, рискованная, смелая актриса Сандра Корженяк проводит нервную, тяжелую роль пьяной, распадающейся женщины, тем не менее возрождающейся к миссии, к призванию. Дело в том, что у Кристиана Люпы актриса играет телом, телом обнаженным едва не до крайности. И этот предел обнаженности у кого-нибудь из мастеров коммерческого театра стал бы сенсацией, а у Люпы становится мощным художественным приемом и эстетическим парадоксом. В Москве такое уже видели, когда в спектакле Анатолия Васильева актриса Валери Древилль играла Медею полностью обнаженной. Сандра Корженяк играет тоже — без исподнего, в кардигане едва ли до ягодич, порой сбрасывая его и оставаясь полностью обнаженной перед зрителем «с грудью наперевес». Это подача женской телесности, это игра телом, игра женской половой энергией или, если угодно, «монологи вагины». Кристиан Люпа проникает в те сферы интимности, куда уже не может проникнуть видеокамера вездесущего ток-шоу. Обнаженное тело, тем не менее почти лишённое сексуальности, флирта, равным образом как и стыдливости, действует в сущности как

душа без кожи. Не тело обнажено, а текст, актерская подача, нервы, дух. Обнажение болезненное: «Я хочу лежать голой в гробу», — говорит Мэрилин, и в этом меньше вызова, а больше художественной стратегии. Танцуя безликий молчаливый танец, выставляя напоказ тело зрелой женщины, актриса бесстрашно демонстрирует телесное безумие, телесную агонию — действительно «зверь», предчувствующий гибель.

В какой-то момент Кристиан Люпа заставит нас испытать стыд за самих себя, не стесняющихся быть зрителями распада, телесной агонии, предельной наготы. Мы привыкли смотреть шоу — так, что не замечаем, как развлечение переходит в житейскую катастрофу. Люпа нас «застает», «застукивает» на месте преступления: ничто не может отвратить современного человека от порока вуайеризма.

Финал у Люпы, разумеется, — это особая часть спектакля. Угасающее тело Мэрилин Монро во всей своей наготе кладут на поверхность длинного стола. То ли операция, то ли этрусское надгробие, то ли, в конце концов, мертвый Христос Ганса Гольбейна. Это смерть Мэрилин, смерть поп-иконы — той, что популярнее Христа. Люпа дает на заднике огромное, всё заполняющее собой видеоизображение полыхающего, танцующего огня. Мы видим смерть красоты. Огонь пожирает красоту, исчерпавшую свой ресурс. Мэрилин на наших глазах исчезает как иллюзия.

Она и была иллюзией, мечтой, фантомом, напомнившим миру о красоте, которая может как разрушать, так и утверждать жизнь.

«Вавилон» Майи Клечевской, Польский театр, Быдгощ

Польский провинциальный спектакль был самым взрывоопасным и проблемным: организаторы сомневались в его успехе, а он оказался очевидным и убедительным. «Вавилон» построен на эстетике безобразного, он словно бы соединяет в себе и многие откровения современного театра, и множество банальностей, мертвых, пустых ходов, примененных намеренно. Майя Клечевская создает спектакль настолько китчевый и броский, настолько омерзительный и демонстрационно гадкий, эксгибиционистский по сути, чтобы передать свою идею и идею драматурга Эльфриды Елинек, переживающей трагедию тюрьмы Абу-Грейб: обесцененный, обезбоженный мир, с одной стороны, реализует себя в насильственных рейдах «за свободу» (Ирак), с другой — маниакально тиражирует через технические средства насилие над побежденными и собственное скотство. Технический

прогресс открыл новую форму филистерства: маниакальное желание заполнять собой пространство. Насилие «делается» для того, чтобы быть снятым, быть зафиксированным на пленку, растиражированным и потребленным. Само насилие не является мотивацией насильника, смысл — лишь в фиксировании поступков, «одевание» насилия в рамку «искусства», в «творчество». Технические средства, дарованные нам прогрессом, необходимы для удовлетворения неутолимых эксгибиционистских-вуайеристских психозов.

Спектакль, строящийся как калейдоскоп оживленных картинок, завершается фразой, брошенной походя: «Всё это вы можете найти в интернете». Ссылка на первоисточник важна: быть отгороженным от проблемы, не замечать насилия, войны, террора — невозможно. Это пришло в твой дом через социальные сети. И ты становишься, волей-неволей, участником глобального процесса съемки-воспроизведения-потребления. Визуальная культура, на которой базировалась европейская культурная доктрина, обернулась в XXI веке обратной стороной: зависимостью от лицезрения тайного, скабрезного, интимного и, напротив, патологическим желанием это продемонстрировать, распоясавшись.

Режиссер Майя Клечевская сравнивает сумасшедший текст австрийской радикалистки Эльфриды Елинек с монологом жертвы, который «смог» бы произнесли обугленный и расплавленный кусок человеческого мяса, свисающий на мосту в Эль-Фалудже — кровавой бойне в Ираке. Образ порождает сравнение с мифом об Аполлоне и Марсии — герое, с которого жестокий и «идеальный» бог в приступе соперничества сдирает кожу.

Эта символика дает вполне внятное представление о том, с каким болезненным, болезненным, несценичным, запутанным текстом пришлось работать режиссеру, попытавшемуся в условиях провинциального театра создать кошмарный сон о действительности в рамках искусства. Это отдельная тема: существование экспериментального направления театра в Польше, его востребованность обществом, его дискуссионная мощь и порой антигосударственная направленность. В России театральный авангард, как правило, не продается и не покупается, существует в крайне стесненных условиях за пределами государственных театров. Польша в этом смысле дает сто очков вперед: здесь публика не боится, как в России, быть обремененной неоспариваемым культурным наследием и морализаторской миссией театра, задавать самой себе вопросы в театре и мучаться острейшими проблемами современности.

Скажем, проблема Ирака, проблема Абу-Грейб. Каким образом она отразилась на русском театральном репертуаре? Никак, совершенно никак. Это можно оправдать хотя бы тем, что русские солдаты в Ираке не воевали. Предположим. Равным образом, как и некогда побывавший в столице спектакль Арианы Мнушкиной, который вдруг внезапно обнаружил для русской публики «новость» о проблемах освобождения Тибета. Но, думаете, русский театр говорит о духовной катастрофе Беслана или чеченских войн, о слиянии государственной бюрократии и Церкви, о необходимости демифологизации советского представления о Второй Мировой войны, о криминализации России, о колоссальных миграционных процессах? Нет, он не говорит и об этом, ну разве что в тех редких исключениях, которые нам являет театр документальной драмы Театр.doc — крохотный, частный театрик в подвале с обшарпанными стенами. Ни общество не готово себя, здешнего, рассматривать в зеркале театра, ни сам театр не готов рисковать ставить перед публикой самые нелицеприятные вопросы. Тем ценнее опыт Майи Клечевской в Быдгоще — для нашего сознания он как символ убежденности в том, что нечто можно изменить, заставить поменяться. И в особенности, в условиях провинциального театра, дискуссия о судьбе которого — один из ключевых вопросов русской сцены сегодня.

Что есть в этом «Вавилоне»? Мелкий бассейн — почти лужа, аутичные мимикрирующие персонажи, каждому из которых будет дан свой страстный монолог-крик. Тележки в морге, погребальные урны, пепел из которых будет рассыпан над «морем». Мы видим цепочку стенаний-молитв: паломницу, прикатившую коляску с сыном-инвалидом к святым иконам, трансвестита, обучающего рожениц пережить муки, позитивного тренера, работающего с больным анемичным ребенком, оголтелую девицу, пытающуюся приучить своего тучного бой-френда к физкультуре и наслаждению своим телом. В сущности эти герои кричат об одном и том же: состояние мира сильно оторвалось от идеального, идеалистического представления о нем. Как есть и как надо — слишком различаются. Жизнь представляет из себя цепочку холостых ходов, существование человека обесмыслилось, и связи реального и трансцендентного, любые попытки мифологизировать действительность больше не работают. Дальше мы видим огромную сцену, где матери в морге оплакивают сыновей, погибших в Ираке: Майя Клечевская подключает к этой «процедуре» и фрейдистские подтексты, и аллюзии на античные образы — для того, чтобы доказать, что и это беспочвенно. Символ матери-жертвы теряет всякий смысл,

когда для нас не прояснено самое главное: о чем эта война, ради чего насылается смерть, почему поляк воюет в Ираке, и, наконец, в чем справедливость, где утешение и радость. Материнская скорбь теряет свое значение и смысл, если в человеке живет до сих пор маниакальная потребность убивать, унижать и тиражировать образы убийства.

Сцена в морге сменяется колоссальной экстатической сценой всеобщего моления, где невозможно не прочесть переосмысление того опыта литургического театра, которым ценен польский театральный канон, канон Гротовского и Станевского. Как в культуре Гротовского неистовый католицизм, заимствующий барочную религиозную пластику, сочетался с весьма ироническим антирелигиозным разрушительным хулиганством, так и у Клечевской: хриstopодобное страстотерпие героя (актер Себастьян Павляк), чье тело словно списано с ренессансных распятий, необходимо, чтобы обнаружить в современном человеке комплекс Авраама: Бог-людоед, бог, требующий бесконечных человеческих жертв. Бог-жертва, чье пророчество демонстрируется через телесное мученичество и страдание тех, кто рядом с Ним, оказывается с очевидностью Богом-мучителем. Это, так можно сказать, и есть символ нашего общего двухтысячелетнего Вавилона.

Артисты, только что, на наших глазах разыгравшие сцены распятия и пьеты, сочувственных оплакиваний, тут же быстро, как физкультурники первых советских пятилеток, «складируют» свои изможденные тела в пирамиду Абу-Грейб: памятник и итог христианской цивилизации. И если для послевоенного поколения Ежи Гротовского вся невыносимая боль выразилась в переживании итогов Второй Мировой войны с ее массовыми уничтожениями и опытом дегуманизации, а цивилизация оканчивалась в печах Освенцима, где сжигаемые сами «подгребали» себя к «очистительному огню» и их суррогатный Мессия сгорал вместе с ними, то для поколения Майи Клечевской и Эльфриды Елинек крайняя точка цивилизации и культуры — издевательства американских солдат над мусульманами в Ираке, «творимые» даже уже не ради расовой или религиозной чистки, а ради съемки и тиражирования и, с неизбежностью, для сладострастного вуайеристского наблюдения.

Финал спектакля — получасовой концерт артиста, певца и перформера Себастьяна Павляка. Полуголый и всё дальше обнажающийся, кривляющийся, дуреющий шансонье, делающий кучу непотребств ради эпатажа, этот менестрель эпохи распада поет, по его собственному определению,

«военные песни». Про капрала из Абу-Грейб Чарльза Гранера, про то, что человек стал дырой, пустотой, обесмыслился, обесценился, про распад и отчаяние. Веселые, злобные, задорные песни кривляки и дурака, рвущего жилы для того, чтобы сказать нам про глобальный ценностный демпинг, результаты которого он предлагает увидеть в интернете. Разумеется, можно отгородиться и не видеть и жить с осознанием торжества добра и справедливости, наслаждаться журчанием ручейка и чистотой неба, но гибельность цивилизации при этом станет менее очевидной. Твердое знание здоровее заблуждений.

БЕЗ ЗДОРОВОГО СНОБИЗМА НЕТ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ КУЛЬТУРОЙ

— Задам вопрос о вашем опыте в связи с многокультурностью: живя в разных странах Европы, а больше всего в Америке, где смешано много групп разного происхождения, вы располагаете полем выше среднего для наблюдения инаковости.

— У моей мамы есть родня в деревне (кстати, под Пётрковом-Трибунальским, где мы заканчивали съемки фильма «Укрытые»; мне спустя много лет представился случай встретиться с ними). Я ездила туда 12-13 летней девочкой. Это было словно отъезд в Африку — настолько там всё выглядело другим. Прежде всего обычаи, очень сильно укорененные, по существу несколько языческие. Польская деревня религиозна, но безумно языческим образом. Собственно говоря, по сей день Польша там представляет собой скансен совершенно иного мировидения, иных нравов.

Это был для меня первый опыт инаковости и первое раскрытие к ней. Потому что я немедленно влилась в ту действительность, заговорила тамошним языком. Жителей тех мест я воспринимала не как нечто худшее, но сначала как экзотическое, а потом — необычайно близкое. Такого же типа раскрытие я ощутила и в Африке. А также когда оказалась во Франции и поселилась в арабском квартале. Никогда у меня не возникало трудностей сприятием другой культуры или других нравов. С одной стороны, был интерес к инаковости, а с другой — чувство, что она мне близка.

Америка тут действительно хороший пример, там этот «плавильный котел» безумно любопытен. Они сосуществуют в согласии — вопреки всяким беспорядкам на расовой почве или проблемам больших городов. В Америке уважение к другому вписано в политкорректность (которая в этом случае представляется мне очень хорошей вещью) в гораздо большей степени, чем в старой Европе.

— Львов, где происходит действие вашего последнего фильма, был до войны городом многокультурным,

многоязычным. В чем еще, кроме множества языков, на которых объясняются герои, это будет выражаться?

— Львовского быта в фильме немного. Какие-то обрывки, какие-то отражения. Мы старались, чтобы то, что исторически известно о событиях в этом месте, было по мере возможности воспроизведено. Съемки мы вели не во Львове, а в Лейпциге, Лодзи, Пётркове. Надеюсь, что Львов всё-таки получится — как странный коллаж из элементов не львовских, но которые могли бы ими быть.

Надо, однако, помнить, что большинство событий фильма вертится вокруг людей, укрывающихся в канализационных коллекторах. Герои вырваны из своего мира. Кроме Леопольда Сохи, главного героя, мы по существу никого не видим дома, в естественной среде.

Зато эти укрывающиеся евреи — очень разные люди, и я надеюсь, что это удалось показать. Мы старались найти такой род правды об этом месте, об этом времени и об этих людях, которая не будет всего лишь ходовой — эдакой англоязычной.

Думаю, разнородность более всего выразится в языке. И через религию — там есть несколько ситуаций, когда герои молятся по-разному. Актеры играют на немецком, украинском, на идише и на так называемом балаке — львовском говоре. Языковая мешанина создает новую энергию коммуникации. Многие диалоги будут всё-таки с субтитрами.

— Можно ли сказать, что это фильм не только о Катастрофе, но в первую очередь — о страстях и экстремальных эмоциях людей, которые год с лишним, пребывая в укрытии, боролись за выживание? Такие драматические состояния — абстрагируясь от того, какой причиной они вызваны, — можно себе вообразить и на иной географической широте.

— Недавно была Сребреница и балканская война, не говоря уже о Руанде. Вирус зла универсален, он не исчез, и мне не кажется, что его удастся раз и навсегда ликвидировать.

Думаю, причина массового уничтожения — в людях. В какой-то мифической концентрации тут видны драматизм и сила, а одновременно и слабость человека. Борьба добра со злом в этом случае не бывало интенсивна. Зло столь огромно, а с другой стороны, сила тех, кто выжил, тоже столь невероятна, что это превосходит нормальные масштабы человеческого опыта. Эта тема будет возвращаться, как греческие трагедии.

— С одной стороны, ощущается впечатление пресыщенности мартирологией, а с другой — мы всё еще мало знаем о конкретных людях, спасающих жизнь окружающим.

— У нас в стране эта тема всегда была какой-то фальшивой, лицемерной. Лишь недавно об этом начали говорить нормально. Если говорить о героизме в спасении евреев, то у Польши есть нескольких величайших героев,.

— Историю Леопольда Сохи описал канадец. Ирену Сендлер открыли для нас молодые американки...

— ... когда та была уже весьма немолодой дамой. Или Генрик Славик. Собственно говоря, мало кто о нем слышал. Появилось считанное число статей. А это человек, который сделал больше, чем Рауль Валленберг. Считается, что он спас 30 тысяч польских беженцев, в том числе пять тысяч евреев.

Больше всех открыты этой тематике американцы. Как ни удивительно, это часть их собственной истории. В сущности — благодаря фильмам, в общем-то безвкусным, даже китчевым. Вроде сериала «Холокост» с Мерил Стрип. Там относятся к таким лентам как к некоему ритуалу памяти. Время от времени один фильм, если он сильный, воспринимается под другим углом. Удастся ли это нам, трудно сказать — такая надежда всегда есть.

— Насколько часто европейскому кино удастся выйти за пределы страны автора?

— В Европе снимают не так-то много хороших картин. Есть замечательные исключения: молодые румыны пробились на европейский экран и делают фильмы, действительно понятные широкому кругу, хотя вместе с тем очень локальные.

Но, к примеру, в Германии, где снимают около 200 фильмов в год, может быть, пять названий интересны для зрителя за рубежом. Похоже обстоят дела и во Франции — пробивается лишь несколько из примерно 150 фильмов. В Польше точно так же. Польское кино довольно герметично, даже такую хорошую картину, как «Реверс», трудно понять иностранцам.

— Из чего это у нас вытекает? Можно ли это объяснить отсутствием у поляков привычки к открытости? У нас нет обширного опыта многонационального общения. В Берлине школьный класс, где нет ни одного иностранца, — это сенсация, в Варшаве — наоборот.

— Наверно. Но, с другой стороны, в период коммунизма, когда мы были куда более закрытыми, немалое число польских фильмов всё-таки получало признание на Западе. Картины Кеслёвского были понятны везде. Первые фильмы Вайды — а они ведь очень здешние, польские — тоже были понятны везде.

Я вижу почти нарциссический индивидуализм молодого поколения режиссеров, которые рассматривают кино либо как самовыражение, либо как развлечение, но редко как форму коммуникации. Их фильмы даже не локальны — кроме, может быть, немногих исключений, таких как «Плохой дом» или «Реверс». Польским картинам не хватает коммуникационной силы, которая бы обеспечила, что где бы и кто бы их ни увидел, он испытает те же самые эмоции.

Думаю, это вытекало из пятнадцатилетнего своеобразного аутизма в кинематографии. Режиссеры чувствовали, что их обвиняют в дармоедстве, вырывали друг у друга деньги, вынуждены были их вымаливать, а денег было мало, тогда как им очень хотелось завоевать публику, чтобы доказать свое право на существование. Это в свою очередь не очень удавалось, вот они и впали в своего рода депрессию.

— А сегодня? Где находится современное польское кино?

— Есть довольно много молодых кинематографистов без комплексов, которые умеют делать фильмы. После тектонического удара 90-х и первых нулевых кино восстанавливается. Каких-то четыре-пять лет, а на это требуется время. Это длительный процесс — восстановить и зрительскую аудиторию, и уверенность в себе, да и техническую базу тоже. За 15–20 лет коллапса поставлены главным образом низкобюджетные современные картины, и поэтому сейчас отсутствует огромное число кинопрофессий. Нет художников, макетчиков, изготовителей лепнины, специалистов, умеющих строить декорации для фильмов, нет хорошо обученных парикмахеров. Чтобы сделать костюмированную ленту или же картину, более изощренную в формальном смысле, необходимы огромные, по сути дела любительские усилия отдельных людей, потому что такой вещи, как киноиндустрия, не существует. Подобные фильмы делаются отчасти при помощи «веревочки», и иногда это видно. В том числе и в изложении материала. Видно, что не хватает времени на съемки, на монтаж, чувствуется спешка, недоработка.

На мой взгляд, польская критика восторгается молодым кино немного на вырост. Хотя это не меняет факта, что каждый год

появляется несколько лент, которые действительно соответствуют европейскому уровню.

Ну, и польское кино не располагает поддержкой телевидения. Хорошее телевидение, скажем, НВО в Соединенных Штатах или немецко-французское «Арте», устанавливает определенные нормы качества. Учит зрителей требовать такого качества.

— Складывается впечатление, что у нас не только на телевидении доминирует занижение стандартов, работа под зрителя-потребителя, а не стремление воспитывать его. Всё чаще грешат этим и другие польские СМИ, включая ту прессу, которая формирует общественное мнение.

— Пока, к сожалению, мы движемся именно в этом направлении. Поэтому после Конгресса польской культуры, который состоялся в прошлом году в Кракове, мы создали Комитет государственных СМИ. В такой стране, как Польша, СМИ весьма важны. Это один из главных инструментов воспитания, культуруобразующий элемент. Вспомним, что почти 70% поляков живет вне тех крупных центров, где есть выбор, существуют театры, галереи, кино, музеи... В деревнях и маленьких городках выбора вообще нет, есть только телевидение. Эффективное использование интернета там еще в пленках. Вроде бы интернет-кафе множатся, как грибы после дождя, но когда тыходишь в такое кафе, то видишь, что молодежь в большинстве своем играет в компьютерные игры. Может быть, я малость утрирую, но уровень культурного образования безумно низок.

И за последние два десятилетия не сделано ничего, чтобы его поднять.

Думаю, лишь недавно часть ответственных людей осознала, какой сильный произошел тектонический удар, и поняла, что надо всё это начать крутить обратно.

Одновременно везде в мире наблюдается тенденция к коммерциализации. Высокая культура хромает, ей всюду приходится трудно. В Польше, возможно, труднее, чем в других местах, так как у нас после 89-го года среди элиты (помню высказывания Анджея Вайды того времени) царила магическая вера в мудрость свободного рынка, которого раньше не было. «У нас есть свободный рынок, значит, есть свобода, и эта свобода станет генератором подлинных ценностей». Разумеется, это неправда. Рынок очень сильно поддается манипулированию и сам по себе ценностей не генерирует. Его надо продуманно дополнять и контролировать.

Надеюсь, что люди почувствуют себя уставшими от дешевки. Что нынешнее состояние изменится. Особенно если кто-то предложит им что-нибудь другое — тогда, быть может, они повернутся в ту сторону. Нечто подобное произошло в США на телевизионном рынке. Помню свое восхищение множеством телевизионных каналов, когда я приехала туда в первый раз. Но у меня это быстро прошло. Вспоминается история, которая имела место в коммунистической Польше. Был такой сериал — «Богач, бедняк», который в Польше шел под названием «Погода для богачей». Весьма популярный. У нас работали тогда две телевизионные программы. И в одной из них какой-то партийный социолог выступил с тезисом, что если первая программа крутит этот сериал, а на второй показывают, например, какой-нибудь интересный матч, то зрители ощущают дискомфорт из-за необходимости выбирать. Они не знают, на чем остановиться, и страдают! Потому он предлагает нечто, названное им целостной альтернативой: чтобы по обоим программам шло одно и то же. В Америке, где было 150 программ, когда я их переключала, оказалось, что наблюдается в точности то же самое — целостная альтернатива.

— Как справились с этим американцы?

— Возникло телевидение НВО, которое начало предлагать продукцию совсем другого калибра. Провокационную, очень новую по содержанию и форме, с актерами, которые не были звездами. Зрителям это пришлось по вкусу. И сегодня лучшие американские производители (не только НВО, но и «Шоутайм», и другие каналы) предлагают очень ценные кинопрограммы, которых не найти в студиях Голливуда. Парадоксально, но Голливуд оказался значительно более консервативным и закоснелым.

Можно сказать, что кто-то рискнул, предположил, что люди всё-таки не дураки и что, может, одной «Династии» плюс несколько полицейских сериалов недостаточно. Что можно предложить им что-то другое и кто знает — может, они за этим пойдут. И пошли.

С той разницей, что в Польше нет настоящих менеджеров культуры и нет продюсеров. Поэтому я не знаю, кто мог бы это сделать. Но рассчитываю, что такой человек найдется, при условии, что СМИ будут переданы в руки творчески настроенных чиновников и самих художников, а не валютчиков и политруков.

— А какие полезные культуре механизмы мы могли бы позаимствовать в Европе?

— Здоровый снобизм. Во Франции существует здоровый снобизм. Люди считают, что живут в стране, где культура, искусство безумно важны. И что их произведения — лучшие в мире, а потому надо их продвигать. Они патриоты собственного творчества. С Германией дело обстоит немного иначе. Там культивируются и популярны только некоторые сферы высокого искусства — я имею в виду серьезную музыку.

— У нас тоже имеется такая «избранная» область — театр.

— Театр переживает в Польше ренессанс, и в театр действительно ходят. И на фарсы в частных театрах, и на авангардные представления Кшиштофа Варликовского или Кристиана Люпы. Конечно, если посчитать зрителей на спектаклях этих выдающихся режиссеров, которые играют раз двадцать в год для аудитории, насчитывающей самое большее 200 мест, это малюсенькое число.

Театр — это место, которое порождает здоровый снобизм. Без этого нет заинтересованности высокой культурой. Она требует усилий, ставит трудные вопросы.

Сильный театр, по моему мнению, очень хорошо воздействует и на развитие актерской игры, воспитывает актеров. Польские актеры находятся на мировом уровне. Некоторые впадают в манеру чисто театральной игры, но ведь современный театр очень кинематографичен. Порою даже слишком. Во всяком случае, большинство хороших актеров умеет использовать работу в театре как непрерывно действующую мастерскую самосовершенствования.

— На съемочной площадке «Укрытых» встретились актеры из Польши и Германии. Наблюдались ли различия в их подходе к исполнительству?

— Больше трудолюбия проявляла группа актеров из Польши — Роберт Венцкевич, Юлия Киёвская, Агнешка Гроховская, Кинга Прейс, Кшиштоф Сконачный, Мартин Босак, Петр Гловацкий. Немецкие актеры подходили к роли более, я бы сказала, интуитивно. И Герберт Кнауп, и Мария Шрадер, как и Кинга Прейс, много играют в театре. У них легко получается смена театральности на непосредственность. Поэтому они вели себя так, как если бы выстраивание роли вообще давалось им легко, раз у них это и вправду получалось без усилий.

Разумеется, они — особенно Мария Шрадер, очень интересная актриса, — заботливо конструировали свои роли, но не было впечатления, что им нужны многочисленные репетиции,

длительный период подготовки. Зато, к примеру, Кшиштоф Сконачный провел во Львове больше времени, чем я и вся съемочная группа вместе взятые. В ментальном смысле, не в буквальном. Он обложился книгами, в совершенстве освоил балак, был в состоянии импровизировать на этом языке-жаргоне. Так работают лучшие американские актеры.

Ну, а в дополнение к этому нужен еще и талант. У нас в Польше множество по-настоящему талантливых актеров. Хотя существует и опасность халтуры. Когда я смотрю на актеров, играющих в сериалах, то вижу, что они теряют оригинальность и силу выражения.

— Съемки завершились недавно. Окончательного результата придется еще подождать. Но, может быть, вы сочтете возможным попытаться найти «Укрытым» место на карте вашего творчества.

— Это моя третья картина на тему Катастрофы. Первой была «Горькая жатва», которую я снимала в Германии, — кстати, это вообще мой первый фильм, снятый не в Польше. Я получила за тот фильм номинацию на «Оскара». Очень камерный, с дуэтом великолепных актеров. И невзирая на то, что технически он довольно слаб, некоторые считают его одной из лучших моих работ.

Потом была «Европа, Европа». Значительно более эпическая, но и довольно новаторская — благодаря тому, что она лежит на границе комедии или гротеска. Никто до этого не говорил так о Катастрофе. Лишь потом возникло несколько фильмов прямо-таки комедийных, вроде «Жизнь прекрасна» Роберто Бенини.

Ну, и теперь «Укрытые», лента более традиционная. Мне кажется, на ее звучание больше всего повлияет напряжение между тем героем, которого играет Роберт Венцкевич, и группой людей, которые спускаются в ад и в этом аду вынуждены налаживать себе жизнь. Это фильм об умении жить совместно, о сосуществовании, о том, может ли возникнуть какая-либо межчеловеческая Церковь, — если выразиться по-гомбровичевски. Что-то происходит между этими людьми, чего не произошло бы, если бы не случилась эта встреча. Они меняются каким-то экзистенциальным образом. В них рождается небывалая сила, сверхчеловеческим усилием они стремятся к тому, чтобы создать будничную жизнь под такой огромной угрозой, при стольких межличностных напряжениях, любовях, страстях, ненависти. Думаю, это удалось. Действующие лица в картине очень разные, и напряжения между ними — выразительные.

Но окончательный результат — это всегда тайна. Что получится, когда из такого множества эмоциональных кирпичиков уже сложится готовая постройка? Этого не знаешь никогда.

Беседу вела Наталия Адашинская

«Укрытые» — это история Леопольда Сохи, который во время немецкой оккупации из мелкого жулика превращается в отважного героя, рискует собственной жизнью, а также жизнью своей семьи, укрывая на протяжении 14 месяцев группу евреев из львовского гетто. «Главный герой, — говорит Агнешка Холланд, — человек непростой: хороший муж и отец, жулик и мошенник, одинаково религиозный и аморальный — просто обыкновенный человек. Он созревает вместе с развитием фабулы. В его пути нет ничего легкого, сентиментального, и поэтому он столь увлекателен, поэтому мы хотим пройти этот путь вместе с ним. Евреи тоже не ангелы; страх, жуткие условия и эгоизм приводят к тому, что они оказываются сложными, трудными людьми, с которыми порой трудно выдержать. Однако они настолько подлинны и полны жизни, что их несовершенства дают им гораздо больше прав на выживание, чем в случае какого-нибудь идеализированного образа жертвы». Главные роли играют Роберт Венцкевич, Кинга Прейс, Юлия Киёвская, Агнешка Гроховская, Мартин Босак, Кшиштоф Сконачный, Мария Шрадер, Бенно Фурман и Герберт Кнауф. Фильм совместного польско-немецко-канадского производства выходит на экраны кинотеатров в нынешнем году.

Агнешка Холланд (1948 г.р.) окончила пражское ФАМУ. Дебютировала фильмом «Провинциальные актеры» (1978). Последним ее польским фильмом до 1989 была драма «Одинокая женщина» (1981). После введения военного положения в 1981 Холланд эмигрировала в Париж. Снятая ею в Германии «Горькая жатва» (1985) о связи крестьянина с еврейкой, которую он укрывал во время Второй Мировой войны, получила номинацию на «Оскар» для лучшего иностранного фильма. Номинацию на «Оскар» Холланд получила и за сценарий еще одной военной картины, «Европа, Европа» (1991), — о еврейском мальчике, который, находясь в рядах гитлерюгенда, скрывает свое еврейство. Другие ее фильмы как режиссера — это, в частности, «Оливье, Оливье» (1992), «Таинственный сад» (1993), инсценировка классического романа для детей Фрэнсис Ходжсон Барнетт, «Вашингтон-сквер» (1997, по роману Генри Джеймса), «Полное затмение» (1995, о связи прославленных французских поэтов

Артюра Рембо — Леонардо ДиКаприо — и Поля Верлена — Дэвид Тьюлис), «Переписывая Бетховена» (2006). В Польше она сняла телесериал «Команда» (2007, первая за 25 лет полностью польская работа режиссера), а также фильм «Яносик. Подлинная история» (2009). Агнешка Холланд — автор многих сценариев, в том числе фильмов Анджея Вайды «Без наркоза» (1978), «Дантон» (1982), «Любовь в Германии» (1983) и «Корчак» (1990).

О МАЛГОЖАТЕ БАРАНОВСКОЙ

В современной польской «литературе о литературе», эссеистике, литературной критике и литературоведческих исследованиях заметно особое внимание к личному опыту восприятия и переживания художественного текста, к «приватности», субъективности. Чеслав Милош говорил и о «приватных обязательствах по отношению к польской литературе». Представляется, что многообразное и обширное творчество известного польского литературоведа и критика, научного сотрудника (с 1972 г.) Института литературных исследований ПАН, а также поэта и прозаика, автора детских книг, члена Союза польских писателей, д-ра Малгожаты Барановской, в 2005 г. отметившей свой 60-летний юбилей, является впечатляющим примером вдохновенного и вместе с тем естественного выполнения именно такого рода обязательств.

Полонист по образованию, Малгожата Барановская избрала темой докторской диссертации (1980) поэтический сюрреализм, особый тип воображения, присущий этому направлению, рассмотрев его как на общеевропейском, так и на польском материале. Уже в этой давней работе внимание автора было сосредоточено на той диалектической связи субъективного, индивидуального — с общим, целостным, которая делает легитимным очень личный подход к литературному тексту, литературной истории: «Воображение кажется сегодня термином, столь прочно связанным с индивидуальной человеческой жизнью, столь, по сути дела, психологическим, что, когда говорят о писательском воображении, преимущественно имеют в виду способность к фантазии у того или иного поэта, единичный случай избранного художника». Однако, подобно другим свойствам мышления или чувства, как целостный феномен, как способность, присущая всему человеческому роду, воображение подлежит как внимательному изучению, так и исследованиям антропологического, даже феноменологического характера. Представляется, что воображение далеко не случайно было избрано в качестве темы научного исследования: оно — существенная для автора составляющая личности.

Эта легитимизация личностного подхода, собственной оценки сказывается и в принципе выбора текстов для антологии,

дающем возможность составить сборники из любимых стихов, сопроводив их своими статьями и комментариями, и в создании — на протяжении многих лет — собственной «приватной истории поэзии», где субъективность дневникового жанра полноправно владеет интерпретацией, создавая неповторимо индивидуальный симбиоз жизни и литературы. Фрагменты (1989–1993) этого ведущегося в течение многих лет «дневника читателя поэзии», посвященные Виславе Шимборской, одному из любимых автором поэтов, «единственному в польской литературе, кто обладает такой дистанцией по отношению к трагизму бытия, скептицизмом, стоицизмом, выраженными к тому же, казалось бы, обыкновенным, повседневным языком», вошли и в монографию об этом нобелевском лауреате (1996). Тонкий анализ поэзии Шимборской сам по себе поэтичен и представляет собой сочетание очень личного прочтения ее стихов — с философскими размышлениями общего характера («И все-таки поэзия, вовсе ею не абсолютизируемая, оказывается единственным окном, открывающим нечто вне мира, замкнутого на себе и не оставляющего надежды на будущее. Это окно не столько в вечность, сколько — в историю, присутствие которой постоянно ощущается. Что такое история Шимборской? Она кажется собранием символов, ключом к хранящимся в нашей памяти мифам, а не цепочкой фактов. Конкретных событий почти нет. Сохранится ли в такой истории поэзия? Только она и может»).

Неудивительно, что такая личная книга, как «Приватная история поэзии» (вошедшие в нее записи датируются 1985–1997 гг.), содержит своеобразное интервью, в котором и вопросы и ответы принадлежат автору. Здесь любимым местом во Вселенной названа «нескончаемая библиотека в сочетании с нескончаемой картинной галереей», любимым занятием — «популяризация поэзии всеми средствами», местом, необходимым для жизни — Варшава, хобби — коллекционирование почтовых открыток. Отражением этих любимых вещей становятся книги, как бы словесные памятники увлечениям жизни автора, несущие на себе заметную печать ее индивидуальности. Так, Варшаве посвящены и упоминавшаяся книга поэтической прозы, написанной в характерном для «приватности» автора жанре — «Мистический дневник», и богато иллюстрированная (в том числе — и почтовыми открытками из коллекции автора) монография «Варшава. Месяцы, годы, века», вышедшая в известной и популярной серии «Вот это и есть Польша». Переживание пространства (города) и времени (истории) предстает здесь в тесной сопряженности с индивидуальным

опытом живущего человека: «Живут не только в зданиях, но и в памяти, в традиции, истории, культуре. А в Варшаве это более важно, чем в любом ином месте на свете. Иногда трудно постичь, что этот город существует. Моя цель — учитывая все различия — сходна с замыслом тех, кто его восстановил».

Писавшие о некоторых книгах Барановской иногда затруднялись определить их жанровую принадлежность — эссеистика, философская проза, дневник? — и признавали, что очевидным общим знаменателем этой литературы является приватность, часто фигурирующая в заголовках и подзаголовках ее книг. Автор делится в них с читателем своим восприятием и переживанием мира, которым для нее является мир культуры, причем культуры не обязательно высокой. М.Барановская, страстный коллекционер почтовых открыток, исследует эту сферу популярного искусства и как феномен массовой культуры, несущий на себе отпечаток распространенных мифов и стереотипов, представлений о прекрасном, ментальности эпохи, и как отражение «приватной истории». Посвященная этому жанру обильно иллюстрированная (308 репродукций открыток из собраний автора) монография-альбом «Посланец чувств. Приватная история почтовой открытки» была отмечена номинацией на самую престижную литературную премию Польши — «Нике», присуждаемую ежегодно за лучшую книгу на польском языке, а также получила премию министра культуры Польши. Так возникшая еще в детстве страсть к собиранию частной коллекции открыток становится основой для ценного научного исследования, для важной культурной акции, выходящей по своему значению за рамки личного увлечения.

Личный экзистенциальный опыт, переживание боли, противостояние тяжелому недугу находят свое выражение в книге автора «Это ваша жизнь. Быть самим собой в хронической болезни», способной стать опорой для многих людей, чья жизнь проходит в подобных условиях преодоления. Как отметила рецензент этой книги М.Мусерович, автор описывает практику переживания болезни достойным человека образом. Сила этой книги — в соединении личного опыта страдающего от своей болезни человека с описанием духовной позиции, позволяющей с достоинством вынести эту тяжесть, сделать ее предметом осмысления и творчества.

Не менее личный характер носит использующая в своем названии строки Шимборской книга «Зачем нам счастье. Стоит только приглядеться». Ее содержание охарактеризовано автором в самом начале: «Надо признаться! Мы, собственно, не

знаем, зачем нам счастье. Мы толком не знаем и что такое счастье. Это такое же понятие, как жизнь. Слишком широкое и слишком зависящее от времени, принятой философии и интуиции, чтобы мы могли его определить. А все-таки оно является чем-то практическим, как и сама жизнь. Вопреки убеждению многих, счастье постоянно сопутствует нам. И именно об этом говорит моя книга. О повседневном счастье». Здесь, как и в других книгах Малгожаты Барановской, личное начало доминирует, оно определяет и общую тональность, и размышления о человеке, судьбе, творчестве, и выбор примеров, «случаев из жизни», цитат. Мудрая и позитивная, эта книга, красноречивое посвящение которой — «Тебе», как бы задает тон диалога, непосредственного личного контакта, — вновь утверждая универсальность «приватного» бытия, человеческую индивидуальность как ценность культуры.

НЕЛЬЗЯ ОТЧАИВАТЬСЯ

Болезнь свалила с ног, отобрала силы и обрекла на заточение в небольшой квартире варшавского района Охота. Малгожате Барановской одинаково вредны как солнце, так и мороз. Поэтесса и литературовед уже несколько десятков лет страдает от страшной боли, последние годы прикована к постели. Но несмотря ни на что она повторяет, что это не трагедия, а только досадная неприятность. И убеждает других хронически больных, что болезнь навязывает много ограничений, но не отнимает способности мыслить. Недавно вышло новое издание известной книги Барановской «Это ваша жизнь. Быть собой при хронической болезни».

— Вы еще помните дни до болезни?

— Конечно, только совсем их не вспоминаю. Не вспоминаю о прошлом, не думаю о будущем. Если бы думала, то можно было бы повеситься.

— Волчанку, тяжелую аутоимунную болезнь, установили у вас в возрасте 35 лет.

— Болеть я начала на несколько лет раньше. Первую атаку волчанки пережила, когда защищала диссертацию, хотя тогда еще никто не знал, что это именно она. Просто долгое время я очень плохо себя чувствовала. Пережила по очереди воспаления: почек, периферийных нервов, мышц, связок, сама уже не помню, чего еще. Лечилась у разных специалистов, но они не знали, что со мной. В конце концов, когда уже четыре месяца пролежала в больнице, очень исхудавшая, один профессор догадался, что со мной такое. Мне сделали анализы на антитела, и я узнала, что у меня волчанка.

— А вы знали, что значит этот диагноз?

— Откуда же мне было знать, что такое *lupus erythematosus disseminatus*? Нет, не имела представления. Врачи мне сказали, что это хроническая болезнь, что я должна буду лечиться стероидами до конца жизни, но представили это как победу медицины, что-то вроде инсулина при диабете. Так что я тогда подумала: «Ну, пусть даже меня не вылечат, но немного подлечат, я защищу докторскую, и всё будет прекрасно». И в голову мне не пришло, что не будет прекрасно. Это очень индивидуальная болезнь. Есть люди, у которых случается

обострение, а следующее — через двадцать лет. Им повезло. А мне не повезло, у меня обострения шли всё время. А это очень изнуряет. У волчанки по-польски замечательное название — «точень». Системная красная волчанка точит человека, как короед. И, увы, точит меня. Так что планы с докторской не осуществились...

— Болезнь лишила вас шансов на нормальную жизнь. Вы бунтовали?

— Конечно, я бесилась, но никогда не задавала себе вопроса: «Почему это со мной?» А почему бы нет?

— Вы и в самом деле с покорностью приняли жизнь, полную боли? Жизнь, при которой взять книгу, лежащую за полметра, вырастает в проблему?

— Это совершенно нормальная жизнь. У меня есть друзья, работаю, живу, как все другие. Да и в Библии было обещано, что жизнь будет трудной. Единственными здоровыми людьми в мире были Адам и Ева. После уже никто. Хотя, конечно, волчанка — это тяжелая болезнь, даже очень тяжелая. Особенно сейчас, когда мне уже почти 66 лет и я начинаю чувствовать последствия лечения. Потому что стероиды страшно изнуряют, а я их принимаю 30 лет. У меня диабет, а из-за обезызвествления ломаются кости, позвонки, у меня уже все ребра переломаны. Недавно выходила из ванны и оступилась в прихожей. Никого не было, я так и лежала. К счастью, у меня всегда с собой сотовый, так что позвала на помощь. У меня была скоротечная катаракта, какое-то время я почти не видела. Но мне сделали операцию, и скажу вам, что нет ничего лучше под солнцем, чем такая операция.

— Что же в ней такого хорошего?

— Ах, Господи, это было что-то чудесное. Длилось очень коротко, около 20 минут, потому что это была лазерная операция. Для обезболивания дают что-то одуряющее, так что человек лежит себе с таким чувством, как будто отдыхает. Врач там мучается, а у меня ничего не болит, а потом еще бутерброды дают. Через пару часов едешь домой, а на следующий день снимают повязки — и вдруг всё видишь. Это единственная известная мне операция, которая действует сразу, не требует никакой реабилитации, никакого усилия. Некоторые жалуются, что нельзя после нее наклоняться, что-то поднимать, но это уже глупости. Такая операция — это и в самом деле что-то чудесное.

— Вы шутите, да?

— Нет, у меня никогда в жизни не было капитальной операции. Я помню другую операцию. Больше десяти лет назад из-за приема стероидов у меня были кровотечения, так что меня положили в больницу на операцию. К тому времени я уже много лет страдала от страшных болей. И всё это время во мне нарастала усталость. А в больнице получила обезболивающее, и было в самом деле прекрасно. Я отдохнула за все эти бессонные годы, в течение нескольких часов у меня ничего не болело. Я не так давно об этом вспомнила, потому что у меня были переломы и снова сильно болело. Не знала, как мне лечь, так что спала на локтях, и у меня на них открылись раны.

— Как это возможно, что вы рассказываете о страданиях так отстраненно?

— Если боль длится 30 лет, то ты должен как-то внутренне защищаться. Если не хочешь покончить с собой, то должен жить по возможности нормально. Другого выхода нет. У людей бывают огорчения побольше. Дети принимают наркотики, разве это не хуже? Или болеют — вот это беда. А здесь? Это скорее неприятность. Мою книгу я также писала не затем, чтобы жалеть себя. Зато я вспоминаю в ней кое-что очень существенное с моей точки зрения: что если бы я начала отчаиваться, то уже не смогла бы остановиться. Это был бы конец. Так что нельзя отчаиваться.

— Но вы написали, что были периоды, когда вы думали о самоубийстве.

— Ну, конечно, хронические болезни вызывают депрессию, а тогда не хочется жить, смерть кажется избавлением. Но это были скорее минуты, чем периоды. Да и всегда меня удерживала мысль, что кто-то должен будет меня найти и что это будут самые близкие, которые столько сил вкладывают в то, чтобы я могла жить, причем как можно лучше. Так что, когда у меня наступает депрессия, я всегда стараюсь побыстрее найти умного врача. И проходит.

— Вы снова говорите в очень легком тоне.

— А как мне говорить? Почему вам хочется затолкнуть меня в несчастье? Я не чувствую себя несчастной. Вы хотите внушить, что болезнь заполнила мою жизнь, а всё остальное — частности. А всё наоборот. Последняя книга, которую я издала, как раз о счастье. Счастье в жизни бывает значительно чаще, чем несчастье.

— **А в чем ваше счастье?**

— Как в чем? Вокруг меня полно людей, мы прекрасно развлекаемся. Разговариваем об искусстве, музыке, картинах. Подруги и друзья ходят на выставки и в театры и потом мне о них рассказывают. У меня очень счастливая жизнь. Только иногда огорчает...

— **Огорчает, например, то, что, когда другие с нетерпением ждут весны, вы ее боитесь.**

— Ну да, потому что волчанка обостряется от ультрафиолетовых лучей. Так что весна и лето — это мои враги. Мой враг — это также энергосберегающие лампочки, выдуманные большими корпорациями. Во-первых, никакой там экономии, потому что, если их включать ненадолго, они жрут прорву энергии. А во-вторых, для таких людей, как я, эти лампочки очень вредны.

— **А чего еще не любит волчанка?**

— Не спрашивайте меня. Не хочу об этом разговаривать. Кроме того, не надо в газетах называть симптомы болезни, потому что люди начнут этим руководствоваться и находить у себя похожие. Я никогда не искала информации на тему моей болезни, не изучала медицинских энциклопедий. Для этого есть врач, он должен мне всё объяснить.

— **Вы, однако, утверждаете в книге, что польские врачи не умеют разговаривать с пациентами. Изменилось ли что-то за последние годы?**

— Нет, я считаю, что стало даже хуже. Сегодня никто уже не осматривает пациента, не приставляет ему трубочку к груди. Врачи не раздевают больного, не смотрят на него. У меня, к счастью, прекрасный врач, но другие не такие. В Польше невиданное пренебрежение к боли. Пожилые врачи взывают к скаутским установкам, говорят, что надо выдержать. А молодые вообще не обращают на боль внимания. Зато говорят, что не выпишут лекарство посильней, потому что пациент станет зависимым. А если у меня такая боль, что я не сплю, не ем, почти не живу, — что мне до этой зависимости? От чего зависимость? От смерти?

— **Как жить с сознанием, что болезнь никогда не отпустит?**

— Это печально, и поэтому я не думаю «ни вперед, ни назад». Живу, так сказать, минутой. Но это не совсем точно, потому что уже во время болезни я написала много книг и разных

работ, а тогда уже надо планировать, придерживаться сроков. Так что всё-таки строю планы, если это касается работы.

— **Вы по-прежнему работаете?**

— К сожалению, несколько меньше, чем раньше, и это меня очень огорчает. Я измучена лечением и болезнью, а кроме того, не могу сама писать, так что должна найти «писцов», то есть добровольцев, которые за меня это сделают. С того момента, как я заболела, работаю всегда таким образом: сначала составляю тексты в голове, а потом их диктую. Делаю, конечно, композиционные ошибки, но переставляю тексты в голове, иногда что-то вставляю, как в компьютере. А в повседневной жизни строю планы примерно на неделю. Определяю, кто ко мне придёт, кто подаст обед, потому что сама я этого сделать не могу.

— **Сознание, что вы зависите от людей, угнетает вас?**

— Но мы хорошо проводим время! Смеемся, устраиваем себе застолья. Например, по четвергам приходят две подруги, одна делает роскошные протертые супы, и мы едим их с птичьим горошком; вторая готовит что-то другое. Я на страшной диете, а другие ведь могут есть. Конечно, я расстраиваюсь, что моя мама, которой 88 лет, часто должна сюда приходить и мне помогать. А когда я оступлюсь и что-то себе сломаю, то она меня выхаживает. Так что думаю, что для нее я в тягость. А для друзей — нет. Они могут в любой момент прийти, потом уйти. И иногда уходят навсегда, никто никого не держит. Моя книга помогла мне и тем, что ко мне стала приходить Майя Коморовская. Фантастическое событие! Она не могла понять, как это так: я болею тридцать лет, и все еще вокруг меня люди. Знаете, хуже всего то, что люди полагают, будто можно только давать и нельзя принимать. А ведь отношения между людьми двусторонние.

— **А что вы даете всем тем людям, которые вам помогают?**

— Я этого не знаю, надо бы спросить у них. Но если они здесь, то, конечно, что-то получают. Может быть, дело в том, что я их по-настоящему выслушиваю. У других на это нет времени, они слишком заняты работой, другими делами. А человеку нужно, чтобы его выслушали. Когда 16 лет назад я в первый раз издала свою книгу, первые полгода люди звонили мне со всего мира, и все начинали так: «Ваша книга — прекрасная, очень мне помогла». А во второй фразе говорили: «Я был на грани смерти, у меня умерла жена, у ребенка страшная болезнь». Мне и по сей

день звонят чужие люди и рассказывают свою жизнь. А я их выслушиваю. Наверное, в этом дело.

— Что дала вам болезнь?

— Дала? Давайте не преувеличивать, это какие-то христианские выдумки.

— Страдание не облагораживает?

— Нет, абсолютно. Некоторые даже очень озлобляются и становятся значительно хуже. У одного больше терпения, у другого меньше. Я ненавижу фразу, что болезнь надо принимать. Это большая ошибка в словах. Конечно, надо к ней привыкнуть, но принимать? Это как? Я считаю, что это мой враг, — убирайся!

— Вы еще пишете стихи?

— В последнее время не пишу, и это меня огорчает. Но что поделать, нет вдохновения.

Беседу вела Рената Ким

Малгожата Барановская

Из книги «ВОЗВРАЩЕНИЕ» (2002)

Кто?

Никто еще не видел здесь этого света.

Нет.

Еще никогда плющ так не стелился под туей.

Никогда.

Зелень еще не сверкала так ярко.

До сих пор.

Не дожидался никто здесь, пока погаснет луна.

Никто.

Большое, яркое пространство на все четыре стороны.

Немного.

Обрывок видимого, фрагмент крыльев.

Вот и всё.

Безграничное сознание.

Всё?

Всё остальное скрыто в нимбе и радуге.

Никто не знает, кто это здесь летал.

В центре

Я — индивидуальное бытие. — здесь — под кустом
мира

я сижу от начала и до конца времен.

Я вижу всё, что есть до горизонта, и всё, что сияет за
ним.

Я вижу грозу, невидимую для смертного бытия.

Я сижу

здесь,

в центре.

Ни в жар не бросает меня, ни в холод.

Вот я сижу — загадочные, зеленые и белые

люди, за огромным столом океанов,

ведут бесконечный

спор об уме, о душе, о пространстве и времени.

Сижу и слушаю.

Встреча в вечности

— Ты этого не помнишь?

Перед тем, как ступил на землю Колумб-Адам,

животным жилось неплохо.

Бывало, какие-то двери заедало,

и они не могли перейти из одного вида в следующий.

Случалось, подводили чьи-нибудь отец или мать.

Но в целом всё шло хорошо.

Хорошо бегалось, прыгалось, мчалось, елось, щипалось
и жралось.

По-райски жилось зверям, пустыням и ветрам.

Когда меч Архангела выгнал Адама из Рая,

здесь, на берегах земли, о нем еще не слышали.

Несчастный, двуногий, голый и рыдающий.

— Что это капает у него из глаз?

— Не опасно ли это для суши?

— Какого он странного цвета! Но...

— Именно! Какого? Это хороший вопрос.

И когда он появился, все бросились к нему.

Все спустились с гор и вышли из пустыни.

Приползли из лесов. Выплыли из пучины морской.

Для того, чтоб принять его в свою бездну времен.

— Всё шло хорошо. Всё у них шло хорошо, Каин.

Внутри

Я — племянница руин и внучка небытия,

нашедшаяся после великих военных походов —

не могу отыскать дорогу к городу.

Но город легко отыщет дорогу.

Трансконтинентальные грузовики задевают балкон.

На стены напирает щебенка.

Пол дрожит.

По потолку бегут трещины.

Домашний ангел-хранитель

затыкает щели истлевшей ватой.

Я подкладываю под звуки подушку.

Внутри выращиваю цветы.

Чтобы им было спокойней, строю стену из книг.

Чтобы им было теплей — ржавеет вода в трубах.

Чтобы они не покинули меня, каждый день беседую с ними.

Чтобы

им было светло — сияет солнце.

Город не сдается,

пытается вырвать у меня из рук цветок папоротника.

Зимнее предостережение

— Пою!

— Не пой!

— Пою:

Деревья и небо над головой.

— Не пой!

— Весенний февраль.

Изменчивый мир. Тра... ля...

— Не пой!

— Пою:

Это я.

Черный дрозд.

Это я.

Поэт разглядывает разрисованные вручную открытки

Неборов прошел по деревьям.

Гармоника заиграла.

Всё тело земли задрожало.

Играет.

Всё в сепии.

Аист не выстоял, сгинув.

Пропал урожай апельсинов.

Ужас.

Олени в зелени.

Роза в смущении.

Заяц над нами.

И крах.

Ангелы в белом.

Планеты в серебряных латах.

Дама с собачкой в музейных палатах.

И скорбь.

Медведь в снегу.

Грани мира в кристаллах льда.

Ивой оплаканная вода.

И время.

День и сон

Можжевельники осветили неясный рассвет.

Наступил подаренный день, а за ним сон.

За сном лес, за лесом день, за днем туман.

Лампы сосен усилили тень.

На берегу леса застывший на бегу

театр двух сирен и одного шмеля.

В глубине зеленый туман, за туманом лес.

Неизвестная птица превращается в ласточку.

Ласточка — в орла на колонне.

Тот через минуту — в сову.

Сова сидит на книге.

Сова ее сбросила. За ней показался сон.

О том, как каменные бабы влезли в саркофаг.

За ними рассвет. Показались лапы. Ах! Нет. Это ступни.

О том, как фотографировались свадьбы.

Нет. Это не сон. Это день.

О ЧУВСТВАХ

Увлеченность и любовь — это жизнь.

Смерть — это скука и дефицит чувств.

Скука и дефицит чувств сильнее всего угрожают детям, старикам и хронически больным людям. Здоровые взрослые! Не отмахивайтесь от этой новости. Они и в самом деле постоянно страдают от подобных вещей. И могут потихоньку умереть на ваших глазах, если вы не удержите их на этой земле.

Что я понимаю под увлеченностью? Я говорю о том позитивном состоянии нервного напряжения, что дарит нам первый проблеск надежды, заинтересованности миром, жизнью, завтрашним днем. Увлеченность — это пружина, приводящая в действие механизм нашей активности. Мы просыпаемся, и нам интересно, что же будет дальше. Мы хотим следовать за фабулой жизни, мы хотим сами ее формировать.

Вроде бы ничего особенного. Всего-навсего новый день. Возможно, довольно унылый, не слишком интересный, а уж в случае многолетней болезни от него тем более мало что можно ожидать. И все-таки — нехватка увлеченности чревата депрессией, игнорированием жизни, прекращением борьбы. Ради чего нам сражаться, если мы не прорываемся в будущее?

Увлеченность — это начало будущего. Если кто-то высказывается в пользу будущего, то это уже значит, что он принимает саму идею жизни. Надежда, основа любой возможности вылечиться — лекарство в чистом виде, — тесно связана с любознательностью относительно дальнейшей фабулы жизни, с заинтересованностью разными формами лечения, со склонностью человека к эксперименту (в том числе и с участием самого себя). Увлеченность участвует в активизации огромной части нашей жизни. Нам интересно. И мы ощущаем это постоянно. Увлеченность с самого начала развивает человека и в то же время влечет его в будущее. Выступает двигателем науки, искусства, досуга. Однако пищей нашей увлеченности остается прежде всего повседневность. Вот почему множество людей стремится превратить эту повседневность во что-то необычное. Нельзя сказать, что всем это удастся, но все или почти все умеют мечтать.

Когда мы заболеваем и внезапно, в один миг, оказываемся, к примеру, оторванными от прочно поселившихся в нас грез о будущем, от возможности заниматься работой, наукой, досугом в их прежней привычной форме и проводим дни, месяцы, годы в одном и том же городе, доме, больнице, наша увлеченность несет огромные потери. Но она по-прежнему существует, даже если из-за болезни вы обижены на весь мир и вам кажется, что вас уже ничто не может заинтересовать.

Я еще раз повторю, что чувственность и любознательность, вопреки всему, что вам иногда кажется, зависят в значительной степени от вас самих и можно культивировать их в себе. Вы не должны смотреть на себя как на игрушку судьбы, но должны помнить, что вы — субъект собственной жизни, надеюсь, что вполне сознательной. Потому что именно сознание необычайно сильно помогает в лечении.

Жизнь интересна повсюду. Везде, где находится кто-нибудь, кто несет с собой интерес к миру, людям и даже к каким-то незначительным мелочам. Если кто-то умеет пробуждать в себе малые ростки надежды, находить какие-то скромные занятия и увлечения, если он, более того, способен поделиться этим с другими, то он с успехом может победить скуку болезни и нежелание выздороветь.

Омар Шариф в телефильме о своей родине — Египте — рассказывал, как он научился там азарту. Его рассказ переполняла радость жизни, о чем свидетельствовал тон рассказчика, но самой лучшей мне показалась веселая история о скачках.

Омар Шариф рассказал о себе следующее: «Я покупаю жеребенка, учу его полтора года с надеждой, что он станет чемпионом, а он не становится. Но за это время я уже покупаю себе нового жеребенка, и таким образом у меня всегда есть надежда. Мне это нравится».

В его рассказе видна заинтересованность жизнью, желание самому строить ее, и одновременно отсутствие каких-либо претензий к Судьбе, которая не выполняет любую его прихоть.

И очень прошу, пожалуйста, не рассуждайте об этом поверхностно: «Омар Шариф известен, здоров и богат, он в состоянии радоваться жизни, в состоянии купить беговую лошадь». Огромное количество богатых, здоровых и имеющих беговых лошадей индивидуумов не смогло бы именно так рассказать эту байку. Из-за неудовлетворенных амбиций, жажды денег или нехватки чувства юмора они не смогли бы

встать на один уровень с тем, кто бессрочно владеет надеждой — пусть даже речь идет о дорогой забаве.

Разумеется, я не могу купить себе лошадь — ни беговую, ни какую-либо еще, но я умею организовывать свой досуг и держать себя в пытливом ожидании, что же будет дальше, в надежде на лучшие минуты, на то, что случится что-то интересное. И ведь постоянно случается.

С каких-то двенадцати лет я коллекционирую то, что гораздо дешевле беговых лошадей, — открытки. Мне, правда, с каждым годом все тяжелее общаться с этой коллекцией, потому что бумага, как вам известно, штука увесистая. Вытаскивать ящички из комода, где находится большинство открыток, для меня и вовсе вещь невозможная. С альбомами еще хуже — как закрепить, как уложить открытки в альбомах, как их вынуть.

Я не могу их рассортировать. Я не могу выбраться в те места, где торгуют открытками. Я уже не хожу на барахолки, хотя обожаю это занятие. Я не рыскаю по антикварным лавкам. Коллекция, однако, понемногу растет. Можно было бы сказать, что это происходит благодаря общению — так и есть. Благодаря знакомым и полужнакомым. Люди, которые видят (или слышат по телефону) возбужденного коллекционера, часто хотят отдать ему даже что-то любимое, чтобы в коллекции эта вещь заблестала бы заново и было оценена по достоинству, а не лежала бы у них без всякого смысла.

Недавно, впрочем, мне удалось кое-что написать об открытках, чего я давно не делала, однако это не очень хорошо сказалось на состоянии моих рук, и мне пришлось на время прервать мои занятия. Разглядывать открытки стало для меня очень тяжелым занятием, ведь мы живем в одной комнате — открытки и я.

Моя коллекция не слишком большая, но и не слишком «коллекционерская», и выглядит несколько хаотично. Меня интересует исключительно дух старой открытки, фантазия, с которой она сделана, а также красивое (на мой вкус) изображение — это довольно бессистемное коллекционирование, когда в основу классификации заложены случайные пустяковые детали. Серия мне просто надоедает. Вот я собрала серию! И что дальше? Все труды на этом закончились. Зачем тогда собирать?

Правда, коллекционер всегда может придумать себе предмет поиска. Есть такая серия, которую невозможно собрать в принципе. Так, среди миллиардов открыток, кружащих по

Европе с начала века, находились такие, у которых было одно и то же изображение, а издатели присваивали им разные названия. К примеру, открытка с репродукцией слегка китчевой картины, на которой изображена молодая, разумеется, красивая бледная девушка с пышными распущенными волосами и грудью, которую особенно подчеркивало то, что руки девушки были скованы за спиной кандалами, — так вот, у этой открытки было четыре названия (на разных языках): Колдунья, Арестованная преступница, Жертва молодости, Анархистка. Я всё жду, вдруг всплывет еще какая-нибудь подпись. Кроме того, невозможно представить, какими еще названиями будет наделена эта композиция. Так что следующую можно искать бесконечно.

Почему я так много пишу об открытках? Должна признаться: мне это нравится. Но самое главное — вдруг вам вспомнится какое-либо хобби, о котором из-за тяжелой болезни вы и думать забыли. Сейчас оно могло бы оказаться вам полезным и отвлечь от зачастую бессмысленных размышлений о своей судьбе.

Помните, пожалуйста, что проведенные впустую часы — это ваши враги. Туда врывается осознание тяжелой болезни, боль и апатия. Каждая секунда, отдаляющая вас от болезни, является шагом к выздоровлению.

Часто, когда я уже совсем не могу работать, даже «по памяти», ни читать, ни... даже перечислить невозможно!... я придумываю для самой себя эскизы открыток, преимущественно в стиле модерн.

Коллекционирование может служить отличным примером того, как, если можно так выразиться, всё делается из ничего. По всему свету разбросано огромное количество предметов, которые, как правило, уже никуда не годятся — как старые, латунные утюги «с душой», — и вдруг коллекционер, одним своим поиском придающий этим предметам вес и цену, извлекая их из некоего таинственного прошлого, делает из них коллекцию, которая, будучи сосредоточена в одном месте, сообщает этим предметам новое значение. Коллекционеры помогают другим людям почувствовать прекрасное, которое те либо не осознавали, либо утратили, прекрасное того прошлого, которому коллекция придает новую форму. Коллекционеры постоянно находятся в состоянии ожидания, поиска, любопытства.

Я знаю, что не все рождаются коллекционерами. Я просто привела пример хорошо знакомого мне занятия. Но эта книга

на ставит своей целью определить перечень конкретных видов деятельности. Главная ее цель, как вы уже заметили, — это, скорее, напоминание, что для победы над болезнью, как и для жизни в целом, важнее всего оставаться самим собой, потому что, только будучи собой, можно сопротивляться судьбе.

Поэтому необходимо открыть себя, зачастую бессмысленно спрятанного под распространенными масками, может, даже слишком распространенными, среди семейных и профессиональных ролей. Нужно всё обдумать и понять, какие наши качества помогут нам выжить и победить. И поскольку увлеченность, отвлекающая нас от проблем, связанных с болезнью, очень хорошо для этого подходит, неплохо было бы обнаружить ее в себе или воспитать заново.

Вспомните, господа, о том, что вас действительно интересует. Испытайте силу своего увлечения. Оно на самом деле может уберечь вас от погружения в болезнь. Вспомните, чем вы увлекались перед заболеванием или за много лет до него, а также те увлечения, которые лишь промелькнули перед вашим мысленным взором и исчезли. Лучше всего, если бы это были занятия, связанные с контактами с людьми. Кстати, коллекционирование вряд ли возможно без общения с другими людьми, но вы можете придумать и что-то свое, что будет наилучшим вариантом для вас.

Я знаю, что как назло вам приходят в голову такие вещи, как альпинизм, катание на водных лыжах или что-то в этом роде, чем как раз в этот момент вы заниматься не в состоянии. Ведь и мне, даже когда я пишу эти слова, вспоминаются мои излюбленные занятия, которые я вынуждена была оставить, — прогулки по разным городам, изучение каждого переулочка, улицы, площади, музея, неважно, находятся ли они в Венгрове или в Париже. Помню необычный эпизод моего последнего путешествия в Париж весной 1976 года — я взяла туфли, чтобы их надеть, и подошвы остались у меня в руках, так я износила эту обувь на парижских мостовых. Я презирала средства транспорта, не позволяющие достаточно много увидеть и почувствовать. И вот я уже двенадцать лет не выезжала из Варшавы дальше 60 километров. А о постоянно сокращающихся, несмотря на тренировки ходьбы, пеших маршрутах и говорить нечего.

Еще мне кажется иногда, что я вижу плохой сон. Вот сейчас я проснусь и мои, пусть даже неспортивные, возможности вернутся. Но я не просыпаюсь. Или, точнее, я просыпаюсь и знаю, что это не сон и нужно тренировать себя и жить дальше.

Любая жизнь имеет свои ограничения. Когда вы были здоровы, вы тоже не могли делать всё, что угодно. Не хватало времени, денег, возможностей. Вы переносили это гораздо легче, нежели будучи больным. Теперь же — особенно если вы болеете недавно — вам кажется, что вы сделали бы очень много, будь вы здоровы. Если же вы всё хорошо обдумаете и поймете, правда окажется не такой уж простой. Или вы уже не помните, сколько препятствий на жизненном пути вы встречали, когда были здоровы? Конечно, закрывающаяся за утраченными мечтами дверь звучит для больного, как удар грома. Но любой человек в своей жизни несет подобные потери. Проблема, скорее всего, заключается в том, чтобы заново отстроить свои рухнувшие мечты и ставить перед собой совершенно новые, ясные, маленькие и большие цели.

Я прошу не обижаться и не возмущаться патетически, но на самом деле недооцененными оказываются очень скромные цели, рассчитанные на короткий срок и, что самое главное, на реальные возможности их достижения. Любое мельчайшее осуществленное намерение приближает вас к выздоровлению. Ведь что означает острое ощущение потери, понесенной по причине заболевания? Прежде всего потерю части себя, обусловленную ограничением жизненных возможностей. За этим следует потеря веры в собственные силы. Это настолько естественно, что даже кажется неизбежным.

Лучше и практичнее всего защитить себя от апатии, достигая малых, но отчетливых целей. Трудно долго не верить в собственные силы, если мы убедимся, что всё-таки чего-то достигли. Помните ли вы, что говорилось в этой книге об успехе? Между поражением и сверхуспехом в американском стиле полно места для маленьких, больших и глобальных успехов, не предусмотренных рекламой лотереи, но реально существующих в нормальной жизни.

Самое главное, чтобы ваши интересы и цели, как малые, так и большие, были действительно вашими. Для лечения, поддержания хорошего состояния, да просто для жизни недостаточно успехов врачей, родственников, психотерапевтов или биоэнерготерапевтов. Не ждите, пока кто-то укажет вам цель, утешит, заинтересует, развлечет. Не попадайте в зависимость от целей других людей, даже если для вас они самые выгодные из всех возможных.

Конечно, я не уговариваю вас противопоставлять себя добрым намерениям врачей, родственников и друзей. Всё зависит от толкового сотрудничества. Я лишь предостерегаю вас от безволия. Если в какой-то момент жизни вы окажетесь

безвольными, это не замедлит отразиться на той сфере, в которой вы действительно чувствуете себя слабыми, — на ваших достижениях.

Будьте собой. Это покажет вашу силу. Неужели тот факт, что вы плохо двигаетесь, страдаете от очередных воспалений, болей и болезней, может отнять вашу неповторимость, единство вашего тела и души? Разве вы, будучи неповторимыми, в состоянии руководствоваться чужими интересами и целями? Вовсе нет. Однако вы можете разделять интересы и цели с другими. Это совсем другое дело. Это — партнерство.

Партнерство основывается на деятельности как минимум двух лиц и уже по своей сути является противоположностью одиночеству. А ведь речь и вправду идет об одиночестве. Само понятие одиночества еще не появлялось в этой книге. Однако оно во многом является ядром всего, о чем мы здесь говорим. И, возможно, правильнее было бы сказать, что основа этих размышлений — отрицание одиночества.

Чувство одиночества в жизни, полной страданий, ощущение, что вы покинуты Богом и людьми, — вот самая мрачная сторона болезни. Целительной же силой обладают чувства, позитивные чувства.

Мать Тереза Калькуттская, о которой известно, что она имела дело с самой глубокой нуждой, голодом, несчастьем, говорит: «Самая горькая участь — это не физическое страдание или материальные затруднения. Страшнее всего одиночество. Тяжелейшая болезнь, которая только может обрушиться на человека, — нехватка любви, ситуация, когда у нас никого нет. Сегодня у нас есть эффективные лекарства от проказы, туберкулеза и множества других болезней. Но без любящего сердца и заботливых рук невозможно вылечить человека, больного одиночеством».

Будучи в Великобритании, Мать Тереза сказала журналистам: «Вчера я ходила по вашим улицам, заходила в квартиры и дома. И я увидела там еще более страшную, нежели у нас, нищету: убожество духа, отсутствие любви».

С подобной критикой западной цивилизации можно столкнуться довольно часто. Когда же с этой критикой выступает именно Мать Тереза, этому придается особое значение, поскольку в лице Матери Терезы мы имеем дело с человеком, практикующим ежедневную борьбу с человеческим одиночеством, работу значительную, важную, гигантскую.

Подумаем теперь о нашей повседневности, на которую мы так охотно жалуемся. Так же как я просила вас найти в себе соответствующие силы и хорошие качества, позволяющие переживать свое состояние по возможности нормально, теперь прошу оглядеться по сторонам и убедиться, что есть всё-таки добрые силы в обществе, в котором мы живем.

Мы занимаем довольно неоднозначное место в цивилизации, которую охотно называем западной. Цивилизационно Запад опередил нас на пару десятков лет — так, во всяком случае, говорят, и доля правды в этом есть. Вот только, говоря о развитии человечества, никогда не знаешь, является ли прогресс несомненным благом. Нужно определиться, какую цену за него платят люди и какую они в состоянии заплатить.

Несмотря на то, что общество представляется нам чем-то отдельным и целостным, оно не монолитно. Например, мы знаем, что наше общество нетерпимо, но одновременно отличается легкостью завязывания контактов. Мы знаем, что значительная часть членов этого общества погружается в пьянство и подавляет тех, кто слабее. Но и есть и те, кто этих слабых поддерживает. Кажется, что все сегодня обеспокоены исключительно финансовым успехом и якобы главным образом это касается молодежи. В то же время толпы народа отправляются изучать специальную педагогику, ресоциализацию, психологию, философию.

Просто дело в том, что общество неоднородно. Лучшее, что можно сделать, — обнаружить в нем близкие нам черты и придерживаться этого видения мира. Невозможно, чтобы среди сорока миллионов не нашлось места для нас.

Мне вспоминается давняя история, когда я приехала в одно местечко под Орлеаном (во Франции), гордящееся новизной и удобством своих микрорайонов. Вышла из поезда, отправилась в город... и оказалась, что мне не у кого спросить дорогу. В маленьких парках было пусто. Огромный квартал будто вымер. Неужели все на работе? По улицам быстро проносились автомобили. Прошло довольно много времени, прежде чем я кого-то встретила. Я не обнаружила даже крохотного магазинчика: магазинов там просто не было. Единственный большой супермаркет, как потом выяснилось, находился за пределами этого спального района Орлеана, и все ездили туда на машинах. Тогда я в тысячный раз поклялась себе никогда не жить вне Польши.

Другое событие, подтвердившее мою правоту, произошло осенью памятного 1981 года, когда всех охватило ощущение

свободы, а иностранцы приезжали посмотреть на впавших в эйфорию туземцев. В ресторане на Краковском предместье в Варшаве я обедала с несколькими людьми из нашего института. Неожиданно к нам подсел симпатичный и полный энтузиазма канадец, который постоянно восклицал: «Здесь люди ходят по улицам!», «Здесь люди говорят друг с другом!», «Представляете, господа, разговаривают даже на улице!», «Всюду разговаривают!». И он рассказал нам о разобщенных жителях Канады, отделенных друг от друга стенами домов и фабрик, железом автомобилей, проносящихся мимо, — о мире одиноких людей.

Когда мы думаем о взаимоотношениях между людьми в Польше, мы переживаем, что в магазине две продавщицы не могут оторваться друг от друга, чтобы нас обслужить, настолько они поглощены разговором, или что производительность труда оставляет желать лучшего. Но этот бардак, равно как и ощущение, что время течет здесь гораздо свободнее, чем на Западе, имеет и другую сторону. Здесь люди еще разговаривают друг с другом, еще способны бросить все дела, чтобы успеть, к примеру, на свадьбу. Здесь отцы всё-таки лучше знают своих детей, потому что видят их не только по выходным.

Хороша ли такая форма человеческого общежития? Временами она никуда не годится, но прежде всего она пока что другая, нежели на Западе. Здесь встречаются Восток и Запад. Конечно, речь идет не о Востоке в японском формате, а о том, который гораздо ближе. Иногда складывается впечатление, что наши восточные соседи могут заговориться до смерти — речь идет только о личных разговорах.

Прошу вас, давайте искать хорошие стороны в нашей действительности. Наверняка таковые есть, раз люди в Польше еще общаются, приглашают друг друга в гости, не ограничиваясь ресторанами. В рестораны же не ходят не только потому, что не хватает денег, а потому что жив еще обычай: «Гость в дом — Бог в дом». Польша не самое скверное место для взаимопонимания, дружбы и жизни среди людей. Это обстоятельство для вас, для меня, для всех нас неизмеримо важно.

Если вы не можете найти друзей, определитесь сначала, действительно ли вы их ищете. Если вы чувствуете себя одинокими, подумайте, пытаетесь ли вы это изменить. Я задам вам очень простой конкретный вопрос, на который вы должны ответить не мне, а себе: откликнулись ли вы на последнее полученное вами письмо? Вот именно. При всей нашей

общительности, в Польше, к примеру, не принято отвечать на письма. Неизвестно, почему. Но ведь получать письма вам нравится, правда? Может, вместо того чтобы думать об одиночестве, вы бы начали отвечать на письма или первым бы написали письмо, на которое ответил бы кто-нибудь другой? Для того чтобы быть с людьми, тоже нужно поработать. Ничто не мешает начать с переписки.

Вы, очевидно, можете подумать, что я говорю о несоизмеримых вещах: сначала о Матери Терезе, а сейчас о каких-то мелочах. Такова жизнь, которая совершенно не соответствует нашим устоявшимся ожиданиям. В ней либо ничего не происходит, либо происходит сразу всё. Мы влюбляемся в людей, которые о нас даже не думают, и тут же не замечаем кого-то, кто с легкостью полюбил бы нас. Найти в чувствах меру — это искусство. Найти меру, гармонию в собственной жизни удастся так немногим. Что уж говорить о понимании чужой жизни, о каких-то разумных советах.

У меня нет амбиций на предмет систематического изложения какой-либо теории чувств, и я не собираюсь ничему вас учить. Я лишь стараюсь разбудить свою и вашу память жизненной практики. Вы и сами знаете достаточно много, просто не всегда хватает смелости тронуть эти залежи знаний и опыта, нагроможденные в течение прожитых лет.

Возможно, некоторые из вас так хотят быть счастливыми, так судорожно к этому стремятся, что в результате оказываются несчастными. Никогда нельзя угнаться за идеалом, о котором никто не в состоянии сказать, что же он такое в действительности. Существует ли идеал счастья, коль скоро для каждого он подразумевает что-то свое? На самом деле нужно заниматься не поисками счастья, а искать того, кого мы могли бы полюбить. Чувство одиночества в принципе не подлежит теоретическим манипуляциям. Наступает время — и это чувство проходит. Но вы прекрасно знаете, что одни люди умеют ему противостоять, а другие — нет.

Одиночество не должно занимать в жизни больше места, чем это необходимо. Может быть, вам стоило бы попробовать забыть о прошлом, если у вас был горький опыт одиночества. Тем более не нужно заглядывать в будущее с установкой, что нас ждет что-то плохое. Принимайте активное участие в вашем сегодняшнем дне. Если вы чувствуете себя одиноко, задействуйте лучше не ваши знания о несчастьях, а интуицию. Обратитесь к людям, отбросив предубеждения или завышенные ожидания. Позвольте самим себе быть людьми.

Уверенность в том, что вы сами по себе и вас ждет одиночество, исключает какие-либо контакты с людьми. Поинтересуйтесь своими близкими, своими знакомыми. Вы увидите, что это необычайно интересно. Когда вам удастся забыть хотя бы на минутку о самих себе, вы перестанете чувствовать себя одинокими.

Сначала я убеждаю вас познать самого себя, быть собой, а потом говорю: «Забудьте о себе». Здесь нет никакого противоречия. Если вам действительно удастся заинтересоваться кем-то другим, вы найдете с ним взаимопонимание, вступите в контакт, что по сути своей будет противоположностью одиночеству. Будучи на самом деле самими собой, вы легко сможете забыть о себе. И не потеряете себя ни в чувствах, ни в познании, ни в так называемой деятельности, ни погружаясь в размышления, если вы к этому склонны.

Вы можете потерять себя, если вашей глобальной целью станет, к примеру, преодоление одиночества. Если вы сконцентрируетесь на абстрактном понятии, а не на каком-либо конкретном человеке из плоти и крови, вам совсем нелегко будет достигнуть желаемого результата. Если же вы направитесь в сторону определенной, отдельно взятой личности, вы увидите, что все образуется само собой.

Перевод Игоря Белова

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Польские споры об истории представляются бесконечными, что, впрочем, вполне понятно, потому что история, вопреки предсказаниям Фукуямы, все еще явно не спешит заканчиваться и даже, как это сегодня видно на Ближнем Востоке, может надрывно ускоряться. Споры, собственно, не только об истории: в зависимости от того, как мы видим собственное — рассматриваемое в широком европейском и мировом контексте — прошлое, так и будем проектировать свое будущее. Поэтому заглавный вопрос Ежи В. Борейши «Действительно ли полякам нужна история?» («Газета wyborcza», 2011, № 129) представляется не только существенным, но даже в своем роде провокационным. Поляк без истории — кто это вообще такой? Если бы мне пришлось отвечать на этот вопрос без раздумья, я бы сказал, что это большинство моих студентов. Быть может, это поколение — люди, родившиеся около 1990 г., — освобожденное от истории, игнорирующее историю и истории по-своему не признающее. Такая позиция небезопасна: она ведет к признанию наличного мира неизменным и навсегда данным, что может стать причиной болезненных столкновений с действительностью. Поэтому я обращаю внимание моих студентов на тот факт, что воспитанное в свободной Польше поколение моих родителей, получавших аттестат зрелости в конце тридцатых годов прошлого века, в самых страшных снах не могло себе представить, что всех их ждет в ближайшие месяцы. Поэтому лучше быть подготовленным и об истории помнить. А еще лучше — ее знать.

Борейша пишет: «Неужели современным полякам не требовалась подлинная историческая действительность, знания о ней? Глядя, как исступленно политики, да и журналисты, манипулируют историей, урезая ее до последнего семидесятилетия, а иногда до столетия (начиная не с 1939, а с 1920 г.), как ее фальсифицируют, я иногда задаю себе вопрос: а нужна ли вообще полякам в этом самоубийственно разогнавшемся мире правдивая картина истории?»

Указание на 1920 год кажется мне необычайно точным, так как в Третьей Речи Посполитой, словно в ответ на «уроки истории»

минувшего периода ПНР, исходным пунктом которых были исторические польско-немецкие столкновения, маятник отклонился в правую сторону карты, к востоку, так что 1920 год, время польско-большевицкой войны, стал основной точкой отсчета. Автор эссе тонко подмечает:

«Позитивно задуманная книга «Белые пятна, черные пятна. Трудные вопросы польско-российских отношений (1918 — 2008)», хотя и подготовленная почтенной группой политологов, историков и экономистов, насчитывающая свыше 900 страниц и весящая почти три кило, начинает историю с 1917 г. в тексте и с 1918 го в заголовке. Опушенным оказалось всё, что очень непросто описать, что относится к традициям, установкам, комплексам и громадным антагонизмам, которые были порождены 123 годами несвободы, начиная с третьего раздела Польши в 1795 м по год 1918 й. Угрожающе поредели ряды историков XIX века. Это не только своеобразная реакция на годы цензуры в ПНР, когда заниматься отечественной историей после 1917 г., а польско-российскими отношениями на всем их протяжении было невероятно затруднительно. В сегодняшнем сосредоточении на временах после 1920 го или, чаще, после 1939 г. непосредственным и определяющим образом сказывается воздействие политического и экономического рынка, потребность очередных группировок в генеалогии и легитимизации, диктат масс-медиа и телезрителей, а читателей — лишь в незначительной степени. (...) Рядовому поляку вмонтирована в голову история с телевизионного экрана. Кто владеет телевидением — тот навязывает картину истории. *Cuius televisio, eius historia...*»

А это значит, что картина истории становится уплощенной, управляемой, подчиненной тому, от чего предостерегал Станислав Игнаций Виткевич (Виткаций), — «божеству непосредственной практичности». В данном случае речь идет о производстве редуцированной истории, в которой существенны только те сюжеты и те изделия, которые можно использовать немедленно, пропуская те, которые для пропаганды, наделенной псевдонимом «исторической политики», неудобны. В то же время, как пишет Бореяша, «политическая и хозяйственная глобализация не означает, однако, отречения от разнородности и отказа от национальной традиции. А польская традиция не может быть, да и не была, традицией одной партии, одной веры, одного класса, одной-единственной ориентации в мире. Традиция не может начинаться с безапелляционно, свыше установленного года или десятилетия, с одного события. В галерее Анджея Млечко

можно увидеть рисунок: трое мужчин рассуждают: «Если «Гражданская платформа» построит музей Второй Мировой войны, то мы построим музей Третьей Мировой войны». Воссоздание истории не может сводиться к борьбе вокруг музеев и памятников каким-либо событиям. Традиция означает протяженность, традиция означает также многопричинность. Польского 1980 и 1989 года не понять без их преемственности по отношению к 1944 му. А варшавский 1944 год был глубоко укоренен в национальном воспитании, в национальной памяти, в 150 годах прошлого, — ведь он вспыхнул как раз через 150 лет после восстания Костюшко».

Конечно, Варшавское восстание 1944 года было укоренено в повстанческой традиции — прежде всего, в культивируемой Пилсудским, о чем пишет БореЙша, памяти о восстании 1863 года. БореЙша подчеркивает также:

«Польский повстанец и польское повстанчество стали слагаемым европейского политического мышления на протяжении 200 лет. С польской готовностью к восстанию считались цари и кайзеры, генеральные секретари КПСС и даже президенты далеких США».

Отсюда же, добавлю от себя, такая нервозность в политических сферах Европы после введения в Польшу в 1981 г. военного положения: здесь опасались, не без определенных резонансов, укорененных в этом политическом мышлении о «польском повстанчестве», что польский «анархизм», о котором писал Вольтер в письме Екатерине II, приведет к очередному большому кризису. На этот раз, однако, поляки оказались реалистами: вместо обреченного на кровавую бойню порыва избрали «долгий марш» к свободе, выстраивая структуры, как сами это определили в подпольной прессе, подпольного общества. Отказались ли они от своей традиции или, скорее, сумели извлечь из нее урок? Одно не подлежит сомнению: оказалось, что история им нужна и что *historia est vitae magistra*.

Однако в прошлом среди великих европейцев было немало и тех, кто в повстанческих порывах поляков сумел усмотреть сущностную ценность. Неудивительно поэтому довольно грустные размышления БореЙши:

«В ПНР заглушали упоминания о Муравьеве-вешателе и зверствах русских войск, подавлявших восстание, и проявлениях распространенного тогда великорусского шовинизма. Но в Третьей Речи Посполитой русский защитник восстания Александр Герцен (1812–1870), в свое время политический писатель европейской славы, не может

«дослужиться» до улицы или площади своего имени. А ведь он был не один. Русских, пассивно и активно симпатизировавших восстанию, было тогда немало. О некоторых, тоже знаменитых, как, например, полонофил Петр Лавров (1823–1900), полковник, профессор, теоретик народничества, — у нас вообще не вспоминают».

Это тем более грустно, что Герцен был примером для Ежи Гедройца, который в письме Ежи Стемповскому писал: «Может быть, в моем стремлении, чтобы «Культура» сыграла роль «Колокола» Герцена, — не только мания величия».

Конечно, Борейша прав, когда обращает внимание на то, что современность коренится глубже, чем в мелком слое истории XX века. И всё же не подлежит сомнению, что минувшее столетие, с двумя мировыми войнами и опытом тоталитарных систем национал-социализма и коммунизма, стало своего рода рубежом для прежней истории мира: как концлагеря нацистов, так и коммунистические лагеря обозначили, с учетом своего масштаба и громадности жертв, переход определенной границы. Когда я задумываюсь над названием рассказа Тадеуша Боровского «Пожалуйста в газовую камеру», я отдаю себе отчет, что и до Второй Мировой войны можно было написать такую фразу, но тогда она была бы нейтральной, а через несколько лет наполнилась устрашающим значением». И когда сегодня я пишу свой текст и узнаю, что Каддафи снабжает своих головорезов виагрой, благодаря чему возможны групповые изнасилования ливийских женщин, я знаю, что живу в эпоху, истинное начало которой положил XX век, а в особенности тот момент 1939 года, когда вспыхнула немецко-польская война.

Поэтому меня не удивляют замечания, открывающие прекрасное, обширное эссе Кшиштофа Помяна (в мои студенческие годы ассистента Лешека Колаковского, позже сотрудника парижской «Культуры», а сейчас, кстати, директора Музея Европы в Брюсселе), озаглавленное «История — сегодня», на страницах либерального гданьского ежеквартальника «Пшеглэнд политычный» (2011, №106):

«Перемещение XX века в центр внимания началось в Западной Германии в конце 1940 х, на еще дымящихся руинах Третьего Рейха. Демократическое перевоспитание немецкого общества, начатое американскими, британскими и французскими оккупационными властями и продолженное в ФРГ, требовало понимания сути и места в истории Германии и Европы строя, насажденного нацизмом, его фюрером, знания о беспримерных злодеяниях, свершавшихся по его плану и от его имени. Исследование этой тематики стало возможным

благодаря доступности историкам архивов, захваченных американской армией, сначала частичной, но значительной и расширявшейся с течением лет. (...) Существенно позже, только в 60-е годы, пришла очередь Италии, где тем труднее было бороться с наследием фашизма, что его историей завладела мощная компартия, чтобы сделать из нее основной компонент своей легитимизирующей легенды. (...) А во второй половине 70-х открытие архивов и ликвидация цензуры как следствия демократической трансформации строя в Испании и Португалии позволили историкам первой заняться республикой, гражданской войной и франкизмом, а историкам второй — временами Салазара и колониальными войнами. Но даже в Западной Европе это было только начало. Ведь в то же время в странах советизированной Европы и в самом Советском Союзе историей XX века всё еще нельзя было заниматься без купюр, по академическим стандартам, из-за недоступности главных архивов и давления государственной идеологии, укрепленной действиями цензуры. «Белых пятен» было больше, чем областей, удовлетворительно исследованных. (...) Межвоенный период, история коммунистической партии и самого Советского Союза, а также его отношений с остальным миром и особенно с государствами Центральной и Восточной Европы — всё это подлежало самому пристальному контролю. Историкам была недоступна основная часть советских архивов, в том числе архивов международного коммунистического движения, что в определенных областях ограничивало, а в других и вовсе делало невозможным исследование недавнего прошлого не только советизированных стран, но также и стран Запада. Так что падение коммунистических тоталитарных режимов и распад Советского Союза, увенчавшиеся, в частности, допуском историков к архивам, касающимся XX века, были для истории как академической дисциплины переломным событием, сравнимым в этом отношении, пожалуй, только с открытием ватиканских архивов в 1881 г. по решению Льва XIII».

Однако же часть советских архивов, как и британских или американских, всё еще остается закрытой. А ведь сейчас нельзя осмысленно реконструировать локальную историю без широкого контекста. Об этом пишет Помян далее в своем пространном эссе:

«Сегодня локальная историографическая проблематика в явном небрежении. Причастна к этому глобализация. Причастна к этому европейская интеграция. Причастна к этому компрометация ксенофобии и национализмов, ответственных за крупнейшие катастрофы XX века. Но причастно к этому

также (...) изменение установок историков, которые ориентируются более на целокупность общечеловеческого страдания, чем на успехи одной группы, даже собственной, достигнутые за счет остальных».

И наконец, в завершении эссе, читаем: «Историк должен оценивать исследуемые им субъекты, воздерживаясь, однако, от очень распространенного ретроспективного морализаторства, и при этом должен постоянно помнить, что он имеет дело с живыми людьми и что выступает по отношению к ним если не в роли судебного эксперта, хотя и такое бывает, то в роли судьи, который волей-неволей выносит приговоры. Его характеристики и оценки, быстро подхватываемые общественным мнением и масс-медиа, могут таким образом оказывать влияние на будущие судьбы индивидуумов и групп. Поэтому над ним (...) тяготеет особая ответственность за слово и обязанность серьезного обоснования высказываемых суждений. Много поколений пройдет, пока занятия историей XX века освободятся от воздействия событий, которые ее составляют».

Но при этом стоит помнить, что свет XX века, всё более рассеивающийся в прошлом, одновременно направлен в будущее, контуры которого — как могло бы казаться, оптимистические — может размыть и замутить какой-либо совершенно непредвиденный эпизод: хотя бы взрыв кратера, которым является магматический пласт Йеллоустона, или сверхвспышка на Солнце. Как раз когда я пишу свой текст, агентства сообщают, что активность этой звезды может вызвать сбои связи на нашей планете.

МЕГАЛОМАНИЯ ШЛЯХТЫ ДОСТИГАЛА ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТ

— Каким образом получилось, что в шляхетской Польше шляхта, столь чувствительная в вопросе своей независимости, выбирала чужеземных королей?

— Потому что магнаты не могли прийти к согласию, какой из знатных родов достоин сесть на престол. В сущности каждому из этих магнатов грезилась корона, и это очень хорошо определил Сенкевич устами пана Заглобы, что «такому только покажи корону да краешек горностаевой мантии, и можешь гладить его хоть против шерсти, как борзого щенка, еще согнетса и сам спину тебе подставит». Поэтому выбирали преимущественно иноземного короля, веря, что будет легче опутать его новыми ограничениями.

— А оно было важным? Такое опутывание?

— Так считала шляхта. Она боялась, что король станет стремиться к укреплению своей власти, даже к абсолютной власти, а потому ее задача — следить, чтобы этого не допустить. Это было довольно забавно, так как королей она себе брала из стран, управляемых абсолютистскими методами, и пристально наблюдала за каждым их шагом, не вздумают ли те установить абсолютизм.

— Не вижу здесь логики.

— Был еще один принцип, соблюдавшийся шляхтой: быть в политической оппозиции — долг и гражданская добродетель, а вовсе не грех. А если король не сдерживает обещаний, можно отказать ему в повиновении.

— Иными словами, шляхтич мог не выполнять своих обязательств, не платить налоги и т.п.

— Это нечто другое. Зато уважение шляхетских свобод было основополагающей обязанностью каждого правителя. Например, во время заговора и мятежа Зебжидовского пытались собрать подписи под актом о низложении Сигизмунда III, аргументируя это тем, что король не сдержал

своих слов и не выполнил обязательств. Тем временем в соседних странах, особенно на востоке, в России, сама по себе политическая оппозиция уже была злодеянием, крупным преступлением. Помнится, я в свое время удивлялся, почему и в XIX веке, при царе, и в XX м, в советские времена, так называемых диссидентов столь часто совали в сумасшедшие дома, в так называемые психушки. А ответ простой — считалось, что только сумасшедший может выступать против власти. Имела место одна любопытная вещь, я уже об этом пару раз писал: когда разворачивалась знаменитая афера Уотергейт, в России затушевывали всякие ее отголоски. Потому что такое событие полностью разрушало мир кремлевских представлений. Ну, какое же это обвинение: правящая команда незаконно устроила подслушивание в штаб-квартире оппозиции! Во-первых, что это за оппозиция, когда ее штаб-квартира известна? Во-вторых, какие незаконные вещи может делать правительство? Всё, что правительство делает, законно и позволительно. Незаконно действует оппозиция. Зачем же тогда информировать собственных граждан, что там президент вынужден уходить, так как он организовал подслушивание в штаб-квартире оппозиции?

Слуга чужих королей

— А как объяснить ту легкость, с которой шляхта обращалась к иностранным государствам, призывая их вмешиваться в польские дела? Это же было широко распространено. Возьмем Радзеёвских, которые навлекли на страну шведский «потоп».

— Они, быть может, считали, что это всего только смена династии. Что Карл Густав созовет сейм, свергнет с престола Яна Казимира и официально примет власть в свои руки. Но потом оказалось, что всё обстоит совсем иначе. И что Радзеёвские — предатели. Но предателей тогда прощали. Радзеёвский окончил жизнь на посту нашего посланника в Стамбуле.

— А предъявлялись ли обвинения в отступничестве? Решались ли сказать кому-либо, что он отступник, что он отступил от польского духа?

— Польский дух... У них такого понятия не существовало. Просто заявляли, что некто изменил Речи Посполитой. В XVI в. говорилось, что изменил монарху, — пока еще сохранялась династия Ягеллонов. А потом уже наступила эпоха выборных королей. Поэтому говорилось, что изменил Речи Посполитой, что это измена шляхетскому сословию, измена шляхетским свободам.

— Понятие измены, отступничества было сильным?

— Сильным. В XVII веке оно было сильным, потому что враг был конкретным и ясно определенным — с совершенно другим образом правления, другим языком и другим вероисповеданием или даже религией (турки).

— Не потому ли ариан после шведского «потопа» изгнали?

— После потопа это стало магической процедурой. Ариан принесли в жертву за то, что мы навлекли на себя врагов, потому что оскорбили Господа Бога. Оскорбили ересью. К лютеранам невозможно было подобраться, так как города Восточной Пруссии были экономически очень сильны. Кальвинисты составляли изрядный процент шляхты. А вот ариане были слабыми. И сочли, что если их изгнать, то удастся вымолить у Господа Бога прощение. А потом, в 60-70-е годы XVII века все были потрясены. Ну, как же так, мы изгнали ариан, а Господь по-прежнему не скупится на хлопоты и неприятности для нас?

Упадок элиты

— XVII век удивителен. В течение неполного столетия, за какие-то 50-70 лет, шляхетская демократия, довольно эффективная и продуктивная, превращается в демократию склочников и смутьянов.

— На рубеже XVI-XVII вв. элита вымирает. Под элитой я понимаю образованный слой, созревший для управления государством, получивший образование в иностранных университетах, чувствующий ответственность за Речь Посполитую. Историкам не очень понятно, почему эта элита вымерла и не имела преемников. Ибо новая, которая выросла, оказалась способной даже на такие вещи, как вступать в сговоры с захватчиками.

— Устраивать заговоры и мятежи, уничтожать государство...

— Радзеёвский хотел из Речи Посполитой выкроить что-то для себя, Богуслав Радзивилл тоже хотел. Что же касается заговоров и мятежей, шляхту распаляло то, что репрессий после них не было. Но сами мятежи были ужасными. Во время бунта Любомирского королевские войска в битве под Монтвами (1666) были изрублены.

— Но что же могло случиться на рубеже XVI-XVII веков, что не родились достойные преемники и всё это так обрушилось?

— Попросту выросли новые магнатские состояния, и владельцы их были заинтересованы в том, чтобы усилить перевес родовитой знати над троном. Одной из причин была и польско-литовская уния. Потому что произошло объединение прежней верхушки с новым правящим слоем, политически еще незрелым.

— Таким образом, если в XVI веке в Речи Посполитой доминирует малопольская шляхта, частично великопольская, то в XVII веке в игру вступает мазовецкая и шляхта Великого княжества Литовского.

— Было еще и особое несчастье — перенос столицы в Варшаву. Потому что поездка на выборы короля стала дорогостоящей. Туда ведь ездили не в одиночку, а с лошадьми, свитой, прислугой и т.п. Из-за этого на некоторых выборах доминировала мазовецкая шляхта, которой было близко добираться.

Сильный магнат, слабый король

— Одно удивительно: шляхта очень следила, чтобы королевская власть не была слишком сильной, так как это угрожает свободе, а с другой стороны, принимала власть магнатов. Шла к ним в прихлебатели. Где здесь логика?

— Часть шляхты противилась этому, но часть жила с магнатской усадьбы. Несколько шляхтичей из Польши находились в Париже, когда там разрушали Бастилию. Они были в восторге, что сметена крепость, в которую тиран осмеливался заточать свободных граждан без судебного приговора! Но одновременно мы читаем в шляхетских мемуарах, которые писались в XVIII в., однако публиковались лишь в XIX в., что у крупнейших польских магнатов имелись собственные бастилии. Такой магнат, если шляхтич ему не нравился, а служил при его дворе, мог его туда посадить. И никто по его поводу ничего не требовал, разве что у узника была влиятельная родня. Шляхтичи совершенно не замечали этих малых бастилий.

— Возможно, ими попросту было легко манипулировать?

— Манипулировать было легко. Шляхта поддавалась на политическую пропаганду, не только печатную и не только устную. Еще в период Великого сейма издавались политические брошюры, которые не печатались, а переписывались от руки, так как в финансовом смысле это лучше окупалось.

— Политическая жизнь была жаркой?

— Шляхта слушалась всяких рассказней. Например, Генриха Валуа обвиняли, что он хочет перенести столицу в Гданьск. Или что жаждет устроить в Польше Варфоломеевскую ночь. О противниках выдумывали что угодно.

— Часто ли в Польше случались оговоры?

— Почти каждый король начинал свое правление с эйфории. Его приветствовали с радостью, с надеждами. А потом нарастало недовольство, все спрашивали, когда же это кончится, когда будет новый властитель. При этом шляхта всегда питала надежду, частично обоснованную, что этого нового она принудит к дальнейшим уступкам. И расширит шляхетскую власть.

Рокошане

— А откуда взялся «рокош» [заговор с мятежом]?

— Слово это родом из венгерского. На мой взгляд, шляхте вскружил голову ее слишком быстрый культурный, политический, экономический подъем XVI века и чувство, что можно выступить против власти, вынудить что-нибудь у короля. При этом у шляхты одновременно был комплекс бегства монарха — с момента бегства Генриха Валуа. Ибо как же это?! Шляхта считала себя самым совершенным слоем нации, а поляков — принадлежащим к ведущим народам Европы. Вершина вершин. Значит, и корона такого государства — это нечто самое великолепное. И вдруг кто-то приезжает, а потом берет и сбегает, не способен оценить, какое великолепие ему досталось, не хочет дальше править этой страной. Нечто невообразимое!

— Что ж это за правление, когда шляхта регулярно отказывалась повиноваться?

— Рокоши были популярны, так как шляхетское сословие жило в ощущении своей силы. Не сталкивались рокошане и с особыми репрессиями, им не делали ничего плохого, и это побуждало к новым бунтам. К тому же предводители рокошан позволяли себе вести самостоятельные переговоры с соседними государствами и просить их о помощи.

— Любомирский договаривался...

— Любомирский вообще был законченным негодяем: взамен за поддержку хотел провести частичный раздел Речи Посполитой

между соседями. Но в целом шляхта не поддерживала расчленения государства. Влиянием обладали и так называемые регалисты, которые противились рокошанам, защищали авторитет королевской власти.

— Шляхта не выступала за разделение Речи Посполитой, но не хотела и ее расширения.

— Да, конечно, идея войны с целью расширения территории не пользовалась популярностью.

— Но разве что-нибудь изменилось? Еще в XVI веке шляхта отправлялась в походы, на покорение чужих земель. В начале XVII в. мы участвовали в Смуте, вели Лжедмитрия на Москву.

— Появление Лжедмитрия обрадовала двор. Королю было нелегко справиться с бунтующей шляхтой, рокошан было много, поэтому он был доволен, что может куда-то вытолкнуть их из страны. На Москву, пусть они там повоюют. Я в свое время занимался отношением Польши к покорению Америки Испанией. Вот и в этом случае тоже ссылались на Испанию. Что испанцев было так немного, а индейцев такое огромное количество, но всё-таки с ними сумели справиться. Так что же, поляки, которых много, не справятся с москалями? И сравнивали себя с конквистадорами. История потом отомстила нам, потому что в XVIII в. уже наши захватчики сравнивали себя с конквистадорами, а нас — с индейцами. Спустя неполных 200 лет колесо покатило обратно. Но в начале XVII века честлюбивая, бедная шляхта, которая хотела добиться положения в обществе, состояния, отправлялась на Москву с Лжедмитрием.

— А потом уже не хотела.

— Потом русское государство окрепло, а польское, наоборот, начало испытывать трудности.

Милостивая Речь Посполитая

— Мы говорили о том, что, по мнению шляхты, быть в оппозиции к власти — не грех, а прямо-таки долг. Но, с другой стороны, это редко бывала оппозиция ожесточенная, отказывающая соперникам в польском духе. Тех, кто находился в противоположном лагере, не объявляли бесчестными, не говорили, что это плохие поляки или вообще не поляки.

— Потому что часто в противоположный лагерь входили члены той же семьи. Так, как это было у трех братьев Немоевских в XVI в., причем каждый принадлежал к другому вероисповеданию, и они съезжались на совместные семейные праздники.

— Почему нельзя было наказать мятежников?

— Потому что те магнаты, которые поддерживали короля, одновременно тормозили его порывы, чтобы он под предлогом расправы с бунтовщиками не нарушал магнатских привилегий.

— А король пытался?

— Допускаю, что казнь Самуэля Зборовского была попыткой приструнить магнатов. Но они сообразили, что к чему, возникло замешательство, поднялся шум. Это был первый политический театр в Польше! Вдова Зборовского получила обезглавленное тело мужа, положила его в гроб и с этим гробом разъезжала по сеймикам. А местные демагоги произносили речи против Батория и Замойского. Баторий так разнервничался, что сказал: если они будут и дальше так ездить, то он велит бросить этот гроб в Вислу. Ну и кончились эти демонстрации, этот театр.

— И никого не наказали.

— Случалось. На рубеже XVI–XVII веков, когда Максимилиан проиграл борьбу за престол, была какая-то эмиграция в Чехию, к Габсбургам. Но в целом озлобленности не было. То же самое касалось межконфессиональных отношений. В 1639 г. шел процесс против Радзивилла — за разрушение креста. Он был отдан под суд, но на день суда у него приходились именины, заседание суда прервали, и он пригласил судей на пир. Такому магнату никто не отказал.

— Первая Речь Посполитая выглядела очень симпатично, по крайней мере для шляхты.

— Потому что вся игра шла в пределах одного сословия. Мещанство было к ним равнодушно, ну а крестьяне... Любопытно, что если время от времени единичные крестьянские бунты и вспыхивают, то не на этнически польских землях. Костка-Наперский здесь исключение. А почему так происходит? Потому что самая активная часть крестьян, склонная к вооруженному сопротивлению, бежала в Дикое поле. Отчаливала туда. Из них-то и создавались те самые воинства казаков. А потом возникает легенда, как польские магнаты давили и притесняли украинских крестьян! На самом

же деле слабо полонизированные украинские магнаты нередко угнетали крестьян из центральной Польши — тех самых, что сбежали и начали вести рутинную жизнь, переходя там на греко-католический обряд, в их понимании не отличавшийся от православного.

Закон как паутина

— **Шляхетское сословие было закрытым?**

— Если мы почитаем «*Liber chamorum*» («Книгу хамов») Валериана Неканды Трепки, то увидим, что шляхта отлично ориентировалась, кто хочет влиться в ее ряды. Но сам этот автор ориентировался только в Малопольше! Поэтому если кто-либо хотел затесаться в шляхетские ряды, то ехал себе куда-нибудь в другое место, к примеру в Литву, и покупал имение... Более коварным и хитроумным приходили в голову другие идеи. А именно: они нанимали свидетелей, которые обвиняли их, что они только прикидываются шляхтичами, и тогда дело попадало в суд, где обвиняемый выставял контрсвидетелей. И так он получал судебный приговор, гласивший, что он шляхтич, хоть это было неправдой. Еще более забавная история приключилась в Великом княжестве Литовском, где долгое время действовало положение, что еврей, принимавший христианство, становился шляхтичем. В этой связи отдельные личности переходили в иудаизм, а через несколько лет вновь принимали христианство вместе со шляхетством. Но это настолько возмутило шляхту, что спустя некоторое время она отменила данное положение.

— **Шляхта не особенно любила законы, опаздывала с уплатой церковной десятины и хищнически хозяйствовала на королевских землях.**

— Справедливо или несправедливо, но профессия юриста считалась самой продажной.

— **Говорили: закон в Речи Посполитой — словно паутина, овод пробьется, мушка застрянет.**

— А те, у кого были умные головушки, заметили, что в судах еще сидят иноверцы, а они не берут взятки. Почему не берут? Иезуиты объяснили это очень хитро. Я вычитал в одной из проповедей Томаша Млодзяновского, что они не берут, потому что сатана их не соблазняет. Но почему не соблазняет? Потому что дьявол и так знает, что их ждет вечное осуждение, и уже ими не занимается. Зато изо всех сил искушает католиков. Поэтому иноверцы не берут взятки.

— А случались ли в Польше склоки, как теперь?

— Случались. Только по большей части этого не печатали. Занялись этим лишь в ту пору, когда пришли времена разделов. Тогда начали выходить шляхетские записки, кстати, весьма антимагнатские. Но раньше, в нормальных обстоятельствах, они бы не вышли. Печатники боялись бы напечатать, писатели — написать, и т.д.

— Выходит, лишь после того, как Речь Посполитая рухнула, страх перед всевластием знати прошел?

— Говорить и писать стали иначе. Тогда-то и был проколот тот накачанный шар мегаломании. А мегаломания была огромной, достигала заоблачных высот. Как писал Войцех Демболенцкий, там, на небесах, тоже говорили по-польски. Но подобная мегаломания — это порок не одних только поляков.

Беседует Роберт Валенцяк

Проф. Януш Тазбир — ученый-историк, автор многочисленных трудов по истории старопольской культуры, а также Реформации и Контрреформации в Польше. С 1966 профессор Института истории Польской Академии наук (в 1983–1990 гг. — его директор). Председатель Научного совета Польского биографического словаря. С 1965 главный редактор ежегодника «Возрождение и Реформация в Польше». Член авторитетных научных коллективов, в том числе жюри научной премии «Клио». Председатель капитула Конкурса на премию и медаль Зигмунта Глогера, который проводит с 1984 Общественное объединение по изучению прессы «Стопка» из Ломжи.

МЕГАЛОМАНИЯ ШЛЯХТЫ ДОСТИГАЛА ЗАОБЛАЧНЫХ ВЫСОТ

— Каким образом получилось, что в шляхетской Польше шляхта, столь чувствительная в вопросе своей независимости, выбирала чужеземных королей?

— Потому что магнаты не могли прийти к согласию, какой из знатных родов достоин сесть на престол. В сущности каждому из этих магнатов грезилась корона, и это очень хорошо определил Сенкевич устами пана Заглобы, что «такому только покажи корону да краешек горностаевой мантии, и можешь гладить его хоть против шерсти, как борзого щенка, еще согнетса и сам спину тебе подставит». Поэтому выбирали преимущественно иноземного короля, веря, что будет легче опутать его новыми ограничениями.

— А оно было важным? Такое опутывание?

— Так считала шляхта. Она боялась, что король станет стремиться к укреплению своей власти, даже к абсолютной власти, а потому ее задача — следить, чтобы этого не допустить. Это было довольно забавно, так как королей она себе брала из стран, управляемых абсолютистскими методами, и пристально наблюдала за каждым их шагом, не вздумают ли те установить абсолютизм.

— Не вижу здесь логики.

— Был еще один принцип, соблюдавшийся шляхтой: быть в политической оппозиции — долг и гражданская добродетель, а вовсе не грех. А если король не сдерживает обещаний, можно отказать ему в повиновении.

— Иными словами, шляхтич мог не выполнять своих обязательств, не платить налоги и т.п.

— Это нечто другое. Зато уважение шляхетских свобод было основополагающей обязанностью каждого правителя. Например, во время заговора и мятежа Зебжидовского пытались собрать подписи под актом о низложении Сигизмунда III, аргументируя это тем, что король не сдержал

своих слов и не выполнил обязательств. Тем временем в соседних странах, особенно на востоке, в России, сама по себе политическая оппозиция уже была злодеянием, крупным преступлением. Помнится, я в свое время удивлялся, почему и в XIX веке, при царе, и в XX м, в советские времена, так называемых диссидентов столь часто совали в сумасшедшие дома, в так называемые психушки. А ответ простой — считалось, что только сумасшедший может выступать против власти. Имела место одна любопытная вещь, я уже об этом пару раз писал: когда разворачивалась знаменитая афера Уотергейт, в России затушевывали всякие ее отголоски. Потому что такое событие полностью разрушало мир кремлевских представлений. Ну, какое же это обвинение: правящая команда незаконно устроила подслушивание в штаб-квартире оппозиции! Во-первых, что это за оппозиция, когда ее штаб-квартира известна? Во-вторых, какие незаконные вещи может делать правительство? Всё, что правительство делает, законно и позволительно. Незаконно действует оппозиция. Зачем же тогда информировать собственных граждан, что там президент вынужден уходить, так как он организовал подслушивание в штаб-квартире оппозиции?

Слуга чужих королей

— А как объяснить ту легкость, с которой шляхта обращалась к иностранным государствам, призывая их вмешиваться в польские дела? Это же было широко распространено. Возьмем Радзеёвских, которые навлекли на страну шведский «потоп».

— Они, быть может, считали, что это всего только смена династии. Что Карл Густав созовет сейм, свергнет с престола Яна Казимира и официально примет власть в свои руки. Но потом оказалось, что всё обстоит совсем иначе. И что Радзеёвские — предатели. Но предателей тогда прощали. Радзеёвский окончил жизнь на посту нашего посланника в Стамбуле.

— А предъявлялись ли обвинения в отступничестве? Решались ли сказать кому-либо, что он отступник, что он отступил от польского духа?

— Польский дух... У них такого понятия не существовало. Просто заявляли, что некто изменил Речи Посполитой. В XVI в. говорилось, что изменил монарху, — пока еще сохранялась династия Ягеллонов. А потом уже наступила эпоха выборных королей. Поэтому говорилось, что изменил Речи Посполитой, что это измена шляхетскому сословию, измена шляхетским свободам.

— Понятие измены, отступничества было сильным?

— Сильным. В XVII веке оно было сильным, потому что враг был конкретным и ясно определенным — с совершенно другим образом правления, другим языком и другим вероисповеданием или даже религией (турки).

— Не потому ли ариан после шведского «потопа» изгнали?

— После потопа это стало магической процедурой. Ариан принесли в жертву за то, что мы навлекли на себя врагов, потому что оскорбили Господа Бога. Оскорбили ересью. К лютеранам невозможно было подобраться, так как города Восточной Пруссии были экономически очень сильны. Кальвинисты составляли изрядный процент шляхты. А вот ариане были слабыми. И сочли, что если их изгнать, то удастся вымолить у Господа Бога прощение. А потом, в 60-70-е годы XVII века все были потрясены. Ну, как же так, мы изгнали ариан, а Господь по-прежнему не скупится на хлопоты и неприятности для нас?

Упадок элиты

— XVII век удивителен. В течение неполного столетия, за какие-то 50-70 лет, шляхетская демократия, довольно эффективная и продуктивная, превращается в демократию склочников и смутьянов.

— На рубеже XVI-XVII вв. элита вымирает. Под элитой я понимаю образованный слой, созревший для управления государством, получивший образование в иностранных университетах, чувствующий ответственность за Речь Посполитую. Историкам не очень понятно, почему эта элита вымерла и не имела преемников. Ибо новая, которая выросла, оказалась способной даже на такие вещи, как вступать в сговоры с захватчиками.

— Устраивать заговоры и мятежи, уничтожать государство...

— Радзеёвский хотел из Речи Посполитой выкроить что-то для себя, Богуслав Радзивилл тоже хотел. Что же касается заговоров и мятежей, шляхту распаляло то, что репрессий после них не было. Но сами мятежи были ужасными. Во время бунта Любомирского королевские войска в битве под Монтвами (1666) были изрублены.

— Но что же могло случиться на рубеже XVI-XVII веков, что не родились достойные преемники и всё это так обрушилось?

— Попросту выросли новые магнатские состояния, и владельцы их были заинтересованы в том, чтобы усилить перевес родовой знати над троном. Одной из причин была и польско-литовская уния. Потому что произошло объединение прежней верхушки с новым правящим слоем, политически еще незрелым.

— Таким образом, если в XVI веке в Речи Посполитой доминирует малопольская шляхта, частично великопольская, то в XVII веке в игру вступает мазовецкая и шляхта Великого княжества Литовского.

— Было еще и особое несчастье — перенос столицы в Варшаву. Потому что поездка на выборы короля стала дорогостоящей. Туда ведь ездили не в одиночку, а с лошадьми, свитой, прислугой и т.п. Из-за этого на некоторых выборах доминировала мазовецкая шляхта, которой было близко добираться.

Сильный магнат, слабый король

— Одно удивительно: шляхта очень следила, чтобы королевская власть не была слишком сильной, так как это угрожает свободе, а с другой стороны, принимала власть магнатов. Шла к ним в прихлебатели. Где здесь логика?

— Часть шляхты противилась этому, но часть жила с магнатской усадьбы. Несколько шляхтичей из Польши находились в Париже, когда там разрушали Бастилию. Они были в восторге, что сметена крепость, в которую тиран осмеливался заточать свободных граждан без судебного приговора! Но одновременно мы читаем в шляхетских мемуарах, которые писались в XVIII в., однако публиковались лишь в XIX в., что у крупнейших польских магнатов имелись собственные бастилии. Такой магнат, если шляхтич ему не нравился, а служил при его дворе, мог его туда посадить. И никто по его поводу ничего не требовал, разве что у узника была влиятельная родня. Шляхтичи совершенно не замечали этих малых бастилий.

— Возможно, ими попросту было легко манипулировать?

— Манипулировать было легко. Шляхта поддавалась на политическую пропаганду, не только печатную и не только устную. Еще в период Великого сейма издавались политические брошюры, которые не печатались, а переписывались от руки, так как в финансовом смысле это лучше окупалось.

— **Политическая жизнь была жаркой?**

— Шляхта слушалась всяких рассказней. Например, Генриха Валуа обвиняли, что он хочет перенести столицу в Гданьск. Или что жаждет устроить в Польше Варфоломеевскую ночь. О противниках выдумывали что угодно.

— **Часто ли в Польше случались оговоры?**

— Почти каждый король начинал свое правление с эйфории. Его приветствовали с радостью, с надеждами. А потом нарастало недовольство, все спрашивали, когда же это кончится, когда будет новый властитель. При этом шляхта всегда питала надежду, частично обоснованную, что этого нового она принудит к дальнейшим уступкам. И расширит шляхетскую власть.

Рокошане

— **А откуда взялся «рокош» [заговор с мятежом]?**

— Слово это родом из венгерского. На мой взгляд, шляхте вскружил голову ее слишком быстрый культурный, политический, экономический подъем XVI века и чувство, что можно выступить против власти, вынудить что-нибудь у короля. При этом у шляхты одновременно был комплекс бегства монарха — с момента бегства Генриха Валуа. Ибо как же это?! Шляхта считала себя самым совершенным слоем нации, а поляков — принадлежащим к ведущим народам Европы. Вершина вершин. Значит, и корона такого государства — это нечто самое великолепное. И вдруг кто-то приезжает, а потом берет и сбегает, не способен оценить, какое великолепие ему досталось, не хочет дальше править этой страной. Нечто невообразимое!

— **Что ж это за правление, когда шляхта регулярно отказывалась повиноваться?**

— Рокоши были популярны, так как шляхетское сословие жило в ощущении своей силы. Не сталкивались рокошане и с особыми репрессиями, им не делали ничего плохого, и это побуждало к новым бунтам. К тому же предводители рокошан позволяли себе вести самостоятельные переговоры с соседними государствами и просить их о помощи.

— **Любомирский договаривался...**

— Любомирский вообще был законченным негодяем: взамен за поддержку хотел провести частичный раздел Речи Посполитой

между соседями. Но в целом шляхта не поддерживала расчленения государства. Влиянием обладали и так называемые регалисты, которые противились рокошанам, защищали авторитет королевской власти.

— Шляхта не выступала за разделение Речи Посполитой, но не хотела и ее расширения.

— Да, конечно, идея войны с целью расширения территории не пользовалась популярностью.

— Но разве что-нибудь изменилось? Еще в XVI веке шляхта отправлялась в походы, на покорение чужих земель. В начале XVII в. мы участвовали в Смуте, вели Лжедмитрия на Москву.

— Появление Лжедмитрия обрадовала двор. Королю было нелегко справиться с бунтующей шляхтой, рокошан было много, поэтому он был доволен, что может куда-то вытолкнуть их из страны. На Москву, пусть они там повоюют. Я в свое время занимался отношением Польши к покорению Америки Испанией. Вот и в этом случае тоже ссылались на Испанию. Что испанцев было так немного, а индейцев такое огромное количество, но всё-таки с ними сумели справиться. Так что же, поляки, которых много, не справятся с москалями? И сравнивали себя с конквистадорами. История потом отомстила нам, потому что в XVIII в. уже наши захватчики сравнивали себя с конквистадорами, а нас — с индейцами. Спустя неполных 200 лет колесо покатило обратно. Но в начале XVII века честлюбивая, бедная шляхта, которая хотела добиться положения в обществе, состояния, отправлялась на Москву с Лжедмитрием.

— А потом уже не хотела.

— Потом русское государство окрепло, а польское, наоборот, начало испытывать трудности.

Милостивая Речь Посполитая

— Мы говорили о том, что, по мнению шляхты, быть в оппозиции к власти — не грех, а прямо-таки долг. Но, с другой стороны, это редко бывала оппозиция ожесточенная, отказывающая соперникам в польском духе. Тех, кто находился в противоположном лагере, не объявляли бесчестными, не говорили, что это плохие поляки или вообще не поляки.

— Потому что часто в противоположный лагерь входили члены той же семьи. Так, как это было у трех братьев Немоевских в XVI в., причем каждый принадлежал к другому вероисповеданию, и они съезжались на совместные семейные праздники.

— Почему нельзя было наказать мятежников?

— Потому что те магнаты, которые поддерживали короля, одновременно тормозили его порывы, чтобы он под предлогом расправы с бунтовщиками не нарушал магнатских привилегий.

— А король пытался?

— Допускаю, что казнь Самуэля Зборовского была попыткой приструнить магнатов. Но они сообразили, что к чему, возникло замешательство, поднялся шум. Это был первый политический театр в Польше! Вдова Зборовского получила обезглавленное тело мужа, положила его в гроб и с этим гробом разъезжала по сеймикам. А местные демагоги произносили речи против Батория и Замойского. Баторий так разнервничался, что сказал: если они будут и дальше так ездить, то он велит бросить этот гроб в Вислу. Ну и кончились эти демонстрации, этот театр.

— И никого не наказали.

— Случалось. На рубеже XVI–XVII веков, когда Максимилиан проиграл борьбу за престол, была какая-то эмиграция в Чехию, к Габсбургам. Но в целом озлобленности не было. То же самое касалось межконфессиональных отношений. В 1639 г. шел процесс против Радзивилла — за разрушение креста. Он был отдан под суд, но на день суда у него приходились именины, заседание суда прервали, и он пригласил судей на пир. Такому магнату никто не отказал.

— Первая Речь Посполитая выглядела очень симпатично, по крайней мере для шляхты.

— Потому что вся игра шла в пределах одного сословия. Мещанство было к ним равнодушно, ну а крестьяне... Любопытно, что если время от времени единичные крестьянские бунты и вспыхивают, то не на этнически польских землях. Костка-Наперский здесь исключение. А почему так происходит? Потому что самая активная часть крестьян, склонная к вооруженному сопротивлению, бежала в Дикое поле. Отчаливала туда. Из них-то и создавались те самые воинства казаков. А потом возникает легенда, как польские магнаты давили и притесняли украинских крестьян! На самом

же деле слабо полонизированные украинские магнаты нередко угнетали крестьян из центральной Польши — тех самых, что сбежали и начали вести рутинную жизнь, переходя там на греко-католический обряд, в их понимании не отличавшийся от православного.

Закон как паутина

— **Шляхетское сословие было закрытым?**

— Если мы почитаем «*Liber chamorum*» («Книгу хамов») Валериана Неканды Трепки, то увидим, что шляхта отлично ориентировалась, кто хочет влиться в ее ряды. Но сам этот автор ориентировался только в Малопольше! Поэтому если кто-либо хотел затесаться в шляхетские ряды, то ехал себе куда-нибудь в другое место, к примеру в Литву, и покупал имение... Более коварным и хитроумным приходили в голову другие идеи. А именно: они нанимали свидетелей, которые обвиняли их, что они только прикидываются шляхтичами, и тогда дело попадало в суд, где обвиняемый выставял контрсвидетелей. И так он получал судебный приговор, гласивший, что он шляхтич, хоть это было неправдой. Еще более забавная история приключилась в Великом княжестве Литовском, где долгое время действовало положение, что еврей, принимавший христианство, становился шляхтичем. В этой связи отдельные личности переходили в иудаизм, а через несколько лет вновь принимали христианство вместе со шляхетством. Но это настолько возмутило шляхту, что спустя некоторое время она отменила данное положение.

— **Шляхта не особенно любила законы, опаздывала с уплатой церковной десятины и хищнически хозяйствовала на королевских землях.**

— Справедливо или несправедливо, но профессия юриста считалась самой продажной.

— **Говорили: закон в Речи Посполитой — словно паутина, овод пробьется, мушка застрянет.**

— А те, у кого были умные головушки, заметили, что в судах еще сидят иноверцы, а они не берут взятки. Почему не берут? Иезуиты объяснили это очень хитро. Я вычитал в одной из проповедей Томаша Млодзяновского, что они не берут, потому что сатана их не соблазняет. Но почему не соблазняет? Потому что дьявол и так знает, что их ждет вечное осуждение, и уже ими не занимается. Зато изо всех сил искушает католиков. Поэтому иноверцы не берут взятки.

— А случались ли в Польше склоки, как теперь?

— Случались. Только по большей части этого не печатали. Занялись этим лишь в ту пору, когда пришли времена разделов. Тогда начали выходить шляхетские записки, кстати, весьма антимагнатские. Но раньше, в нормальных обстоятельствах, они бы не вышли. Печатники боялись бы напечатать, писатели — написать, и т.д.

— Выходит, лишь после того, как Речь Посполитая рухнула, страх перед всевластием знати прошел?

— Говорить и писать стали иначе. Тогда-то и был проколот тот накачанный шар мегаломании. А мегаломания была огромной, достигала заоблачных высот. Как писал Войцех Демболенцкий, там, на небесах, тоже говорили по-польски. Но подобная мегаломания — это порок не одних только поляков.

Беседует Роберт Валенцяк

Проф. Януш Тазбир — ученый-историк, автор многочисленных трудов по истории старопольской культуры, а также Реформации и Контрреформации в Польше. С 1966 профессор Института истории Польской Академии наук (в 1983–1990 гг. — его директор). Председатель Научного совета Польского биографического словаря. С 1965 главный редактор ежегодника «Возрождение и Реформация в Польше». Член авторитетных научных коллективов, в том числе жюри научной премии «Клио». Председатель капитула Конкурса на премию и медаль Зигмунта Глогера, который проводит с 1984 Общественное объединение по изучению прессы «Стопка» из Ломжи.